

LANGUE ROUGE

№1

Май 2021

Издательство Langue Rouge, Хайфа

Лестница в Доме городских учреждений, арх. Лишнеvский Александр Львович (Хацкель Меерович). Санкт-Петербург, Садовая, 55-57 / Вознесенский пр., 40-42;

Елена Прудовская – гид-фотограф, автор фотографий на обложке и внутри журнала.

LANGUE ROUGE

№ 1

Май 2021

Издательство Langue Rouge, Хайфа

К читателям

Здравствуйтесь, друзья. Приветствуем вас со страниц журнала **Langue Rouge**, на пороге нашего нового дома.

Начиная издавать свой журнал, мы решили предпослать публикациям в его первом номере несколько вступительных слов.

Две просьбы. Уважаемые авторы и читатели! В публикациях, где содержатся новые теории, версии, гипотезы, желательно ответственно их аргументировать и ссылаться на серьезные источники. Пишите отзывы и дискутируйте вежливо.

Название журнала было выбрано еще до его рождения. Будущие мифы о происхождении названия облепят ракушками днище журнала в его пути. Какие - нам самим это будет интересно узнать.

Откроем же виртуальную бутылку шампанского и пожелаем дружбы и удачи всем, кто будет с нами сотрудничать, и самим себе.

Редакция Langue Rouge, rougelange@gmail.com

Эйтан Адам

Анатолий Анимица

Алекс Манфиш

Марина Симкина

Эйтан Адам. И. К.

(В. Рыжову)

Покрыта мраком забвения причина, почему мы их прозвали по инициалам – И. К. Но факт: с первого класса за одной партой сидели Игорь Кантемиров и Илья Канторович, черноволосый славянин и рыжий семит. Впрочем, в нашем "квартале еврейской бедноты" они ничем не выделялись.

Когда классе в пятом началось увлечение семейной историей, то выяснилось, что их деды служили в одной дивизии на деникинском фронте - Кантемиров-дед командовал ротой, а Канторович-дед был врачом на санитарном поезде. Но на этом сходство заканчивалось: полковник Кантемиров пал смертью храбрых на Лемболовских высотах, а профессор Канторович был посмертно реабилитирован.

Так или иначе, все шло хорошо, хотя чем дальше, тем меньше. Канторович участвовал, как говорится, в общественной деятельности. Но кризис наступил в восьмом классе.

Кантемиров одним из первых вступил в комсомол и даже стал комсоргом класса. А Канторович не вступал. На все вопросы он отвечал, что комсомол, по определению, добровольная организация. По отдельным репликам можно было понять, что он явно слушал "голоса", и картина становилась очень неприятной для искреннего комсомольца Кантемирова. Но все разрешилось просто: Канторовичи подали на выезд в Израиль, получили разрешение и уехали.

Когда отзвенела перестройка и загрели перестрелки, неожиданно в родной город приехал Илья Канторович.

Учитывая все, что обрушилось на россиян за считанные годы, учитывая, что на каком-то этапе Кантемиров швырнул свой партбилет парторгу в морду, встреча двух друзей детства

была искренней и теплой - на хорошо знакомой кухне Кантемировых за рюмкой чая в субботу вечером.

Выяснилось, что Кантемиров служил в войсках связи, а Канторович в пехоте, Кантемиров стал следователем, а Канторович наоборот - адвокатом, оба женаты, у Кантемирова сын, у Канторовича дочери-двойняшки.

В остальном... Канторович доказывал, что ничего лучше демократического общества западного типа человечество не изобрело, а потому всем должно равняться на Запад. Кантемиров признавал, что коммунизм был фатальной ошибкой, но на Запад равняться решительно не хотел.

- В конце концов, ты же юридически подкован, - кипятился Канторович. - И ты прекрасно понимаешь, что закон и порядок могут восторжествовать только при наличии нелицеприятного независимого судопроизводства. А оно судопроизводство может быть обеспечено исключительно демократическим строем. Никакая монархия и никакая диктатура его обеспечить не могут.

- Да? А Александр Второй?

- А его отец? А его сын? Не говорю уже о внуке.

- Не трожь память великомученика!

- Мученическая смерть еще не делает его жизнь святой!

В конце концов, даже Солженицын сквозь зубы признает, что абсолютная власть налагает абсолютную ответственность, и, следовательно, ...

Звонок раздался, как водится, в самый неподходящий момент. Кантемиров взял трубку:

- Кантемиров слушает... Да... Я сегодня не дежурный и вообще у меня гости... Да... Ясно. Через десять минут.

Он повесил трубку:

- Меня вызывают. Заказное убийство.

- Да я все время слышу про ваши заказные убийства!

Что ни день, то в новостях...

- Да, но не каждый день грохают племянника мэра с женой. Короче, машина будет через десять минут. Поехали со мной, посмотришь, как наши работают. А может быть, чего и заметишь.

Обыкновенная "хрущевка".

- Муринская, двенадцать, квартира двадцать семь, второе парадное, второй этаж, двухкомнатная квартира с совмещенным санузлом, - четко докладывал старший лейтенант.

- Убитый: Полежаев Борис Олегович, - старший лейтенант выразительно взглянул на Кантемирова, - двадцати четырех лет, место рождения Псков, русский, женат, детей нет, проживал здесь, служил в армии в военной прокуратуре, студент второго курса Школы права, подрабатывал в кабаре "Дело тонкое" на Зеленом проспекте, сто семьдесят три - играл в ансамбле на гитаре и пел. Убитая: его жена Полежаева Эмилия Любовна... нет, Аюбовна, урожденная Хадбан...

- Как вы сказали? - перебил Канторович. - Хадбан?

- Совершенно верно, Хадбан Амаль, девятнадцати лет, место рождения Ливан, Алей...

- Алей? В Ливане? - снова перебил Канторович.

- Так точно, Алей в Ливане, арабка, гражданка Ливана, замужем, детей нет, так же проживала здесь, так же студентка второго курса Школы права, в том же кабаре пела по-французски. Поженились три месяца назад. У Бориса в городе много родственников (опять выразительный взгляд). У Эмилии, наверное, все родственники в Ливане.

- Это еще не факт, - опять встрял Канторович.

- Судя по картине места преступления, действовали какие-то очень странные маньяки. Сто шестьдесят девять пуль и столько же стреляных гильз плюс шесть нестреляных патронов, плюс четыре гранаты взорваны внутри и связка из пяти взорвана для взлома двери. При этом Борис был легко ранен двумя

пулями, Эмилию он прикрыл, и ее вообще не задело, но обоих прикончили выстрелами в голову.

- Странно, - заметил Кантемиров.

- Что странно? - спросил Канторович.

- Обычно убийцы устраивают зрелищную смерть, эффектную, на публику, чтоб запугать других. А тут: квартиру буквально штурмуют, как в кино, а на цели тратят считанные пули.

- Очевидно, потому что задачей была именно ликвидация, а не эффекты, - сказал Канторович.

- Нам повезло, есть свидетель, - продолжил старший лейтенант. - Мужик пил пиво в той беседке, укрылся за кустами, утверждает, что видел нападавших.

- Давай его сюда, - приказал Кантемиров. - И будь добр обеспечить протокол.

- Тышкевич Станислав Станиславович, ровно пятьдесят лет, место рождения Ярославль, в эвакуации, белорус, женат, два сына, одна внучка двух месяцев от роду, живу на Муринской, четырнадцать, квартира девять, срочную служил в ВДВ, в том числе на Кубе, младший сержант, потом окончил радиотехникум, работаю здесь рядом в ООО "Победа", ремонтирую телевизоры, - бойко отрапортовал мужичок. - Как водится, в законный выходной употреблял "жигулевское". Подъехала "Волга", справа, грязная настолько, что цвет не разберешь. А как только я заметил, что и номера заляпаны грязью, то меня как продернуло, и я схоронился вот тут за кустами. Тут же из машины вышли четверо, - не выскочили, а вышли, но очень четко и резво, тренированные. Все четверо в черных иностранных спортивных костюмах, в черных кроссовках, на мордах черные лыжные шапки с масками. Мотор оставили работать, дверцы тоже оставили открытыми. Шофер остался у машины, у него был пистолет, он стоял возле своей

дверцы. Руки он скрестил вот так, - Тышкевич скрестил руки по-наполеоновски, - пистолет держал в правой руке так, чтоб его было видно, и, похоже, в карманах были запасные магазины. В общем, грамотный парень. Всех наших с улицы, конечно, как ветром сдуло. А вот трое остальных... У всех троих были АКСы¹, но приклады были открыты заранее. На каждом поверх костюма был какой-то жилет с кучей карманов, в которых явно были магазины и гранаты, у каждого по пять-шесть магазинов и по паре гранат, а один нес связку, штуки четыре, обмотанные изолентой. Автоматы были наши, а вот ремни не наши, зеленого брезента, и к автоматам они были привязаны шнурочными петлями.

- Шнурочными петлями? - переспросил Канторович.

- Да, по три-четыре петли на каждом конце.

- А что за ремни? - спросил Кантемиров.

- Зеленые, широкие, с какими-то застежками, - продолжил Тышкевич. - Да как у вас! - вдруг выпалил он, указывая на Канторовича. - Только у вас черный, а у них были зеленые.

Канторович снял с плеча небольшую кожаную сумку на черном ремне. При ближайшем рассмотрении становилось ясно, что ремень не от сумки, пристегнут карабинами. Канторович дал сумку Тышкевичу.

- Один к одному, - заявил Тышкевич. - Только цвет другой. Удобный, зараза! - Тышкевич прикинул ремень на шею. - Но у них автоматы на яйцах были, а этот слишком короткий...

- Вот так, - сказал Канторович, щелкнул пластмассовой застежкой и распустил ремень на всю длину.

- Точно! - крикнул Тышкевич. - Точно.

Канторович забрал свою сумку обратно.

- Сможешь опознать такой ремень? - спросил Кантемиров.

¹ АКС - автомат Калашникова со складным прикладом.

- С закрытыми глазами, - ответил Канторович.
- Продолжайте, - сказал Кантемиров.
- Значит, трое с автоматами быстро пошли к парадному, на ходу взводя автоматы, - продолжил Тышкевич. - Резво внутрь. Десяти секунд не прошло - взрыв, видно, связку рванули. А потом... Стрельба, гранаты, стрельба. И что характерно: наши бьют обычно короткими очередями, а эти - то длинными очередями, то одиночными выстрелами.
- Длинными очередями - это по сколько? - спросил Канторович.
- Да по пятнадцать-двадцать.
- А одиночными - по одному или попарно? - снова спросил Канторович.
- Точно! Попарно! Все время попарно! Только в конце было два по одному.
- Картина маслом, - мрачно сказал Канторович. Физиономия у него была похоронная.
- Короче, потом они быстро вышли, - продолжил Тышкевич. - Все четверо быстро сели в машину и рванули, но не с пробуксовкой, а толково. Я еще успел заметить, что автоматы они разряжали уже в машине.
- Можете еще что-то добавить? - спросил Кантемиров.
- Могу. Я уверен, что шофера я уже прару-тройку раз видел. В нормальном прикиде. Но опознать вряд ли смогу.
- Где видели?
- Да здесь же, на улице. Но без машины, машину эту я видел в первый раз.
- Было что-нибудь нестандартное до приезда "волги"?
- Какой-то хачик вышел из этого же парадного минут за двадцать до того. И тоже, мне кажется, я его раньше уже видел. Просто вышел и ушел направо.
- Сможете его опознать?
- Постараюсь.

- Еще что-нибудь?
- Больше ничего.
- Прочтите и подпишите протокол.

На лестничной площадке эксперты уже закончили. От входной двери в квартиру номер двадцать семь мало что осталось, в других дверях торчали мелкие осколки.

- Разумеется, никто из соседей ничего не видел и ничего не слышал, кроме стрельбы и взрывов, - говорил капитан в штатском. - Дверь разнесли связкой из пяти гранат РГД-5. Четыре гранаты Ф-1 были взорваны внутри, по одной в каждой комнате, в кухне и в санузле. Пройдем вперед, только осторожно, эксперты еще работают, куча всего.

Внутри было полно гильз, следов от пуль и осколков гранат впережку с осколками посуды.

- Почему-то везде следы талька, и на гильзах тоже, - продолжал капитан.

- Работали в медицинских перчатках, отпечатков пальцев не будет, - сказал Канторович. Он огляделся еще раз, а потом спросил:

- Вы нашли шесть целых патронов?

- Да.

- Вы их нашли: два у выхода из санузла, два у выхода из кухни и два у выхода из первой комнаты, справа от выходящего?

- Точно! А как вы догадались?

- Они меняли магазины. Попарно.

Оба трупа лежали в последней комнате возле дивана, рядом с рукой парня лежал пистолет.

- Видимо, при первом же взрыве он повалил ее на пол, опрокинул журнальный столик и вытащил свой пистолет - лицензионный, "кольт 45", - он даже успел его взвести, но ни разу не успел выстрелить. Осколки от гранаты и большая часть

пуль прошли над ними, но две пули попали в столик, одна попала ему в правое плечо...

- То-то он выронил пистолет, - перебил Канторович.

- Да, выронил пистолет, - продолжил капитан. - Еще одна пуля попала ему в левую ладонь. Затем убийцы подошли вплотную и выстрелили каждому точно в голову.

Они лежали рядом, с широко открытыми глазами. Канторович внимательно взгляделся, а потом сказал:

- Игорек, видишь ее шаль?

На плечах у убитой была полупрозрачная белая шаль.

- Запомни эту шаль внимательно, а еще лучше оформи как вещдок и держи при себе.

- Зачем? На ней даже пятен крови нет.

- Потребуется.

- Хорошо, - сказал Кантемиров и обратился к капитану: - Вам тут еще много работы, не будем мешать, подробно осмотрим потом. А шаль, действительно, оформите и пришлите мне. Мы сейчас едем в кабаре "Дело тонкое".

По дороге Кантемиров сказал Канторовичу:

- Илюха, у тебя такой вид, точно тебе уже все ясно.

- Если б ты знал, - вздохнул Канторович, - если б ты знал, как я хочу ошибиться!

- Ладно, продолжим - сказал Кантемиров и нажал на тангенту рации: - Оксана, это Кантемиров, Оксана, это Кантемиров.

- Оксана слушает, - отозвался раздраженный женский голос.

- Где Васильченко?

- А я откуда знаю!

- Разыщи Васильченко, пусть явится ко мне в кабаре "Дело тонкое" на Зеленом проспекте, сто семьдесят три. И сама приезжай туда же, и всех наших туда, оттуда будем работать.

- Ладно, отбой.

В кабаре их уже ждали. Хозяин и персонал стояли чуть ли не по стойке "смирно", посетителей не было.

- Мы расположимся у вас в малом зале, - заявил Кантемиров. - Мои люди допросят кого надо из ваших, здесь будет удобно организовать командный пункт следствия, а то в отделении все время мешают. Малый зал временно придется закрыть.

- Понимаю, понимаю, - закивал хозяин.

- Протяните в малый зал три-четыре телефона, они нам понадобятся, - продолжил Кантемиров. - И факс обеспечьте.

Когда хозяин ушел отдавать распоряжения, Канторович заметил:

- Ну и полномочия у тебя!

- Во-первых, если я сейчас устрою ему обыск, то пару кило травы, а то и чего-нибудь покрепче, найду наверняка. И стволы его охранников тоже навряд ли легальные. А во-вторых... Во-вторых, жена мэра в истерике - это, собственно, ее племянник, - так что я могу хоть весь город объявить на осадном положении.

- Шутить изволишь?

- Ни капли.

- В таком случае срочно объяви запрет на выезд из города всем гражданам Ливана, Сирии и Израиля за исключением лиц с типично еврейскими или славянскими фамилиями. Без исключения для лиц с двойным гражданством. Срочно! Не шучу.

- Ну, Сирию я еще понимаю. А Израиль-то зачем?

- Игорек, мне и так хреново. Я дело говорю.

Кантемиров продиктовал текст очень кстати появившейся Оксане - крупной женщине в погонах старшего лейтенанта, - расписался и приложил печать, Оксана начала

рассылать факсы, а Кантемиров повернулся к Канторовичу:

- Ты хоть можешь обрисовать подозреваемых? Ты же явно взял след!

- След-то я взял. Кстати, эта ваша мерзкая регистрация нам может хорошо помочь. Давай сюда списки всех этих граждан, я еще кое-кого вычеркну.

- Да кинь мне хоть кость погрызть!

- Шаль! Эта самая шаль! Не исключено, что в деле замешана женщина в такой же шали. Увидишь похожую шаль - женщину на заметку и всех, кто с ней.

Пришел Васильченко. Это был немолодой грузный мужчина в дешевом костюме и дорогом галстуке. Без приглашения уселся в кресло напротив Кантемирова. Закурил, поздороваться не считал нужным.

- Вот что, Кирилл Дмитриевич, - начал Кантемиров. - Вы знаете всех подпольных торговцев оружием в городе?

- Всех, - отрубил Васильченко.

- Сколько их всего?

- Двадцать три.

- У скольких из них можно купить АКСы?

- У девятнадцати.

- А также гранаты РГД-5 и Ф-1?

- У шести.

- Вот этих шестерых доставьте, пожалуйста, сюда. Говорить они будут?

Васильченко улыбнулся в ползуба:

- Со мной - будут. Но лучше я с ними сам поговорю и привезу лишь тех, кого надо.

Подтянулись другие люди Кантемирова. Оксана вошла с компьютерными распечатками регистрации. По молчаливому указанию Кантемирова один экземпляр распечаток положила

перед Канторовичем, тот сразу углубился в списки. Сама же Оксана доложила:

- Во-первых, по результатам работы экспертов найдены осколки трех чашек чая, кто-то с ними пил чай и ушел непосредственно перед нападением, отпечатки пальцев проверяются. Во-вторых, Борис Полежаев единственный сын профессорской четы из Пскова, им уже сообщили, ожидаются утренним поездом. В-третьих, у убитой в городе есть братья, граждане Ливана Хадбан Юсеф двадцати четырех лет и Хадбан Шакиб двадцати трех лет. Оба, как и она, приехали учиться, но здесь ударились в коммерцию, работают с какими-то кавказцами. Оба проживают в общежитии на Новгородском проспекте, двести два.

- Тот еще гадюшник, - заметил Кантемиров. - Обоих доставить сюда, но не говорить им о смерти сестры.

- Есть. Еще об убитых: оба учились не за страх, а за совесть, оба подрабатывали пением и музыкой в кабаре, свадьбу три месяца назад сыграли очень скромную. Пока все.

- Подождите, Оксана, - попросил Канторович. - Взгляните вашим женским взглядом, что выдает во мне израильтянина? Я не хотел бы, чтобы меня опознали раньше времени.

После нескольких быстрых взглядов Оксана спросила:

- Что это у вас написано на футболке?

- Вот черт, действительно на иврите написано, - выругался Канторович.

- И вообще ваш прикид не идет вашему возрасту, - продолжила Оксана. - Так одеваются двадцатилетние, а вам за тридцать. Я скажу хозяину.

Оксана вышла и через минуту вернулась с хозяином:

- Какая одежда нужна? - спросил хозяин.

- Вот, ему, - указала Оксана на Канторовича, - нужен какой-нибудь простой пиджак и рубашка, можно без галстука. И

туфли вместо кроссовок.

Через десять минут Канторович внешне мало отличался от людей Кантемирова. Ремень от сумки он отстегнул и спрятал. Кантемиров решил нанести визит жене мэра, взяв с собой Оксану, Канторовича и молодого лейтенанта Смирнова.

Высокая статная брюнетка мало напоминала бывшую модель. Женщина уже выплакала все слезы и на лице ее застыла уродливая печать горя. Так бывает, когда женщина скорбит искренне, в остальных случаях она все-таки следит за своей внешностью. Муж сидел рядом с ней.

- Мой старший брат Олег... Я не могу ему звонить, я боюсь!

- Мы им уже звонили, они должны приехать утром, - сказала Оксана.

- Да... Спасибо. Олег был всегда умницей и женился на умнице. Оба профессора. Но у нее были очень тяжелые роды, потом Боренька в детстве часто болел, я, бывало, с ним сидела... В общем, он у них был один. Сюда он приехал после армии. Не просил у нас помощи, пробивался сам. Учился, играл и пел в кабаре. И девушку встретил такую симпатичную, вот просто добрую, по глазам было видно. Вот только ее семья...

- Что вы знаете о ее семье? - спросил Канторович.

- Интеллигентные люди, чуть ли не коммунисты, ее отец окончил у нас Медакадемию, важные персоны там, в Ливане. Но они почему-то были категорически против ее брака с Боренькой! Здесь, в городе, живут два ее старших брата, я их пару раз видела, они тоже на Бореньку волком смотрели. Боренька порывался ехать в Ливан и, что называется, пасть в ноги будущему тестю. Но она была категорически против этой поездки.

- А может быть, она боялась этой поездки? - спросил Канторович.

- Может быть... Не знаю. Так или иначе, в Ливан он так и не съездил. А на свадьбе ее братьев не было.

- А кто ему угрожал? - спросил Кантемиров.

- Угрожал? Да что вы? Он даже не был связан с нашими делами...

- Позвольте, - вмешался мэр. - Он попросил меня помочь купить пистолет. Я, конечно, помог, он получил лицензию. Я-то думал, для форса, то-то он купил этот знаменитый американский армейский. Но сейчас я полагаю, что у него были свои причины.

- Опять твои делишки? - закричала жена.

- Господа, не для протокола... В течение последних двух месяцев я закрыл все проблемы со всеми "авторитетами" в городе. Подчеркиваю: со всеми. А с прочими тузами у меня давно все на мази, иначе я не сидел бы второй срок в моем кресле. Так что это дело со мной никак не связано. Но я понятия не имею, кому он мог перебежать дорогу, разве что перессорился с Урецким, у него свои дела.

- Урецкий это хозяин кабаре, - пояснил Кантемиров. - Но он, если что, нанял бы обыкновенного киллера.

- Простите, мадам, - сказал Канторович, - что вы еще можете сказать о ее семье?

- Там их целый клан. И чем-то им Боренька не понравился!

- А какой они религии?

- Да вроде мусульмане.

- Что значит "вроде"?

- Да как-то этот момент ни разу не всплывал. Разве что она не ела свинину и не пила спиртное. И еще... Я, конечно, не могу быть уверена, но мне кажется, что она оставалась девственницей до самой брачной ночи.

Они вернулись в кабаре. Там их уже ждал наряд,

доставивший братьев Хадбанов, крепких усатых брюнетов.

- Они еще ничего не знают, - шепнул Кантемирову начальник наряда.

- Хорошо. Оксана, давай по всей форме, - сказал Кантемиров.

Оксана взяла дело в свои руки:

- Фамилия?

- Хадбан.

- Имя?

- Юсеф.

- Отчество?

- У нас нет... отчества.

- Возраст?

- Двадцать четыре.

- Место рождения?

- Алей, Ливан.

- Национальность?

- Араб.

- Гражданство?

- Ливан.

- Семейное положение?

- холост.

- Дети?

- Нет.

- Где проживаете?

- Общежитие для иностранных студентов, Новгородский проспект, двести два, комната сто двенадцать.

- Армейская служба?

- Не служил.

- Когда приехали в Россию?

- Пять лет назад.

- Вы приехали по студенческой визе?

- Да.

- Учитесь?
- Нет. Торгуем. У нас магазин ковров на Соломенном рынке.
- Так. Теперь вы. Фамилия?
- Хадбан.
- Имя?
- Шакиб.
- Отчество?.. Ах, да. Возраст?
- Двадцать три.
- Место рождения?
- Алей, Ливан.
- Национальность?
- Араб.
- Гражданство?
- Ливан.
- Семейное положение?
- холост.
- Дети?
- Нет.
- Где проживаете?
- Общежитие для иностранных студентов, Новгородский проспект, двести два, комната сто двенадцать. Вместе с братом.
- Армейская служба?
- Не служил.
- Когда приехали в Россию?
- Пять лет назад. Вместе с братом. Вместе живем, вместе торгуем.
- Хорошо, - сказал Кантемиров. - Вопросы регистрации оставим пока в стороне. Я вынужден сообщить вам печальную весть: несколько часов назад была убита ваша сестра Эмилия Полежаева. И ее муж Борис Полежаев.

Это был тот случай, когда реакции не было никакой.

Вообще никакой.

- Вы меня поняли? - продолжил Кантемиров. - Ваша сестра...

- Мы все поняли, - сказал Юсеф. - Волею Алла Амаль убита.

- Вы кого-то подозреваете?

- Наверное, у ее мужа были враги. Русские друг друга каждый день стреляют.

- Когда вы ее видели в последний раз?

- Я у них был вечером, - сказал Шакиб. - Чай пили, хорошо.

- О чем говорили?

- Да ни о чем. Проходил мимо, зашел.

- А потом куда пошли?

- А потом пошел на автобус. Так на остановке ко мне пристал пьяный: хачик, хачик. Ну, я ему врезал, он мне. А тут уазик. Протокол оформили, но отпустили.

- Так. А вы где были, Юсеф?

- Так в общаге устроили вечер ливанской кухни, я там весь вечер был, можете спросить.

- А почему вы были против замужества сестры?

- Так не в этом дело, - сказал Юсеф. - Просто у нас это так не делается. Сначала его родители должны были познакомиться с нашими родителями, потом он сам, и только потом можно было начать говорить о свадьбе. А этот русский дурак ничего не понял и торопился. Конечно, семья была против такой свадьбы.

- Ясно. Вы ее ближайшие родственники, так что по закону вы обязаны опознать ее тело. С утра явитесь в морг.

- Хорошо.

- Подпишите подписку о невыезде.

- Зачем?

- Надо. Сможете уехать, когда следствие закончится.

Сможете тогда получить ее личные вещи и отправить тело в Ливан.

- Зачем?

- Ну, похоронить там.

- А...

- Так же дайте отпечатки пальцев Оксане.

- Подытожим, - сказал Кантемиров, когда братья Хадбаны ушли. - Ноль реакции и у обоих отличные алиби.

- Вообще-то я читала про восточный фатализм, - сказала Оксана, - видимо, так он и выглядит.

- Меня вот что удивило, - сказал Смирнов. - Я работал на рынках, и на Соломенном тоже. Все эти хачики на птичьих правах и держатся только на взятках. А тут у них возник шанс породниться с самим мэром! А они, вместо этого, развели понты.

- А я тут кое-что надыбал! - радостно закричал Канторович над распечатками. - Полюбуйтесь: в гостинице "Ракета" остановились граждане Израиля из Хурфейша. А именно: в номере триста десять братья Кантары Хасон и Азам. А в номере триста девять супруги Кантары Иссам и Лана, урожденная... Хадбан!

- Однако, - сказал Кантемиров. - Однако одного совпадения фамилии маловато.

- У них клановое общество, случайное совпадение фамилии почти исключено. Эх, третий час ночи, - мечтательно сказал Канторович. - Ввалиться бы к ним сейчас с обыском!

- Можно ввалиться просто так, с проверкой документов, - сказал Кантемиров, - причем мои ребята проведут поверхностный обыск по-быстрому, те толком и не заметят. Хочешь?

- А если ошибемся?

- Подумаешь!

- Я все забываю, что я в России. В Израиле за такое самоуправство я бы полицию на кресте распял. Давай, вперед!

- Народ, собирайтесь с вещами, - приказал Кантемиров.

- Стоп, - сказал Канторович. - А ксерокс там будет? Скопировать документы?

- Сашок все сделает, - сказал Кантемиров и указал на высокого улыбающегося парня, обвешанного фотоаппаратами и с полными карманами пленок и объективов. - Он снимет, проявит и напечатает - лучше любого ксерокса. А что именно тебя интересует? Народ, инструктаж.

- Вот, - сказал Канторович. - Вот так выглядит израильский загранпаспорт. Обратите внимание: он перелистывается справа налево. Нужны вот эти страницы. Это - внутреннее израильское удостоверение личности. Есть вкладыш, его нужно раскрыть и сфотографировать с обеих сторон. Вот водительские права. А еще: у многих израильтян есть всевозможные удостоверения чего угодно. Вот так выглядит мое удостоверение адвоката. Видите: пластиковая карточка с фотографией и прочими данными. Любые такие карточки - снять с обеих сторон. А если будет что-то еще...

- Если что-то еще, то сначала ты останешься в коридоре с Сашком, - приказал Кантемиров. - Любые прочие бумажки - показать Канторовичу, он решит снимать или нет.

- Стоп! А переводчики?

- Мы уже достаточно набалатыкались по-английски. Скажи, как у них будет с английским?

- Скорее всего, они все окончили израильскую школу, а, значит, английский у них на вполне приемлемом уровне.

- Тогда свистать всех наверх!

Персонал гостиницы ничему не удивился. Дубликаты ключей были выданы моментально. Все люди Кантемирова и Канторович с ними поднялись на третий этаж.

- Напоминаю, - прошептал Кантемиров. - Действуем по обычной схеме, но Сашок и Канторович сначала остаются в коридоре, все документы Сашку на фото, все непонятные бумажки показывать Канторовичу.

Они подошли к дверям номеров, разбились на две группы.

- Готовы? - прошептал Кантемиров. - Работаем.

Двери открылись сразу и люди Кантемирова ворвались внутрь.

Триста десятый оказался пустым. Все четверо сидели в триста девятом, запах великолепного кофе просто одурял.

- Проверка документов, - гаркнул Кантемиров по-английски. - Не вставать, мы сами возьмем!

Люди Кантемирова действовали быстро и умело. Сашок еле успевал поворачиваться. Кантемиров высунулся в коридор:

- Илюха, ты гений! Она в такой же шали! Это что у них, клановый признак, как у шотландцев килт? Ладно, заканчивайте с документами и заходите.

Кроме документов были авиабилеты, согласно которым все четверо прилетели через Москву две недели назад и собирались улететь через неделю, билеты в Дворцовый музей, прокомпостированные за три минуты до нападения на Муринской. Еще были два телефонных блокнота с записями на арабском языке и счет за бензин с израильской заправки. Канторович решил сфотографировать все билеты, и затем они с Сашком зашли внутрь.

Как сказал классик, картина была достойна кисти Айвазовского. Возле каждого из четверых стоял оперативник, положив руку на плечо. Не сильно, но вразумительно. На столе лежали раскрытые книги, в основном, художественные альбомы, диктофон и чашечки кофе разной степени допитости. В углу на тумбочке стояла выключенная электроплитка с туркой.

Сами Кантары сидели спокойно. Трое были одеты в обычные джинсы и рубашки и только старший выделялся: он был одет в совершенно черную одежду, фуфайку и широкие, но сужающиеся книзу шаровары. На голове была вязаная белая шапочка.

У всех мужчин были усы, у старшего они были весьма щеголеваты. На плечах и голове у женщины была полупрозрачная белая шаль.

Кантемиров положил отснятые документы на стол и махнул Оксане. Оксана по-английски обратилась к старшему:

- Фамилия?
- Кантар.
- Имя?
- Иссам.
- Возраст?
- Сорок один.
- Место рождения?
- Хурфейш, Израиль.
- Национальность?
- Араб.
- Гражданство?
- Израиль.
- Семейное положение?
- Женат. На ней, - он указал на женщину.
- Дети?
- Трое. Они остались у моей матери.
- Где проживаете?
- Хурфейш, Израиль.
- Армейская служба?
- Арабы не служат в израильской армии, - он улыбнулся.
- Чем занимаетесь?
- Я учитель истории в средней школе.
- Хорошо. Теперь вы, - Оксана обернулась к женщине: -

Фамилия?

- Кантар.
- Имя?
- Лана.
- Девичья фамилия?
- Хадбан.
- Возраст?
- Двадцать пять.
- Место рождения?
- Хурфейш, Израиль.
- Национальность?
- Арабка.
- Гражданство?
- Израиль.
- Семейное положение?
- Замужем.
- Дети?
- Трое.
- Где проживаете?
- Хурфейш, Израиль.
- Чем занимаетесь?
- Студентка искусствоведческого, делаю вторую степень. У вас тут замечательный Дворцовый музей...
- Потом. - Оксана повернулась к следующему: -

Фамилия?

- Кантар.
- Имя?
- Хасон.
- Возраст?
- Тридцать один.
- Место рождения?
- Хурфейш, Израиль.
- Национальность?

- Араб.
- Гражданство?
- Израиль.
- Семейное положение?
- Женат.
- Дети?
- Двое.
- Где проживаете?
- Хурфейш, Израиль.
- Чем занимаетесь?
- Автомеханик, работаю в гараже.
- Теперь вы, последний. Фамилия?
- Кантар.
- Имя?
- Азам.
- Возраст?
- Двадцать шесть.
- Место рождения?
- Хурфейш, Израиль.
- Национальность?
- Араб.
- Гражданство?
- Израиль.
- Семейное положение?
- холост.
- Дети?
- Нет.
- Где проживаете?
- Хурфейш, Израиль.
- Чем занимаетесь?
- Я... я работаю в заповеднике.

Пока Оксана проводила опрос, Кантемиров и Канторович внимательно рассматривали вещи на столе. Они

могли вызвать недоумение.

Диктофон. Четыре прекрасных художественных альбома с репродукциями картин Дворцового музея. Толстый путеводитель по тому же музею. На некоторых планах этажей был виден карандашный пунктир. Все книги были на английском.

Кантемиров включил диктофон. Из динамика полилась английская речь экскурсовода, описывающего "Портрет мальчика в лиловом" Карраско и историю его создания. Кантемиров выключил диктофон:

- Это что такое?

- Это мы были вечером в Дворцовом музее, вот билеты, - затараторила Лана Кантар. - Очень хороший музей. Я всегда записываю такие экскурсии, у меня дома целая коллекция. Поздно вернулись, пили кофе, разговаривали, потом решили вспомнить экскурсию...

- Ясно. - Кантемиров обратился к своим по-русски: - Что-нибудь нащупали?

- Нет.

- Илюха, у тебя как?

- Я бы хотел взглянуть на голову старшего без шапки.

- Какие проблемы? - Кантемиров повернулся к Кантарам и перешел на английский. - Вас всех нужно сфотографировать. В фас и в профиль. Без головных уборов.

Лана сняла с головы шаль, Иссам снял шапочку. Голова его была полностью бритая.

Сашок защелкал затвором.

У входа в кабаре буйствовала пышная крашеная блондинка:

- Нет, я хочу знать, кто это приказал! Меня из-за вас сняли с московского самолета, как какую-то террористку. А у меня дочь на девятом месяце, первый раз рожает!

- Тихо! - рявкнул Кантемиров. - Оксана, по форме.
- Фамилия? - начала Оксана.
- Да вы что тут крутите...
- Женщина!! Мы здесь задаем вопросы, будьте добры отвечать! Фамилия?
- Аль-Асад.
- Имя?
- Инга.
- Отчество?
- Эдуардовна.
- Девичья фамилия?
- Петрова.
- Возраст?
- Сорок пять.
- Место рождения?
- Псковская область, деревня Новгородка.
- Национальность?
- Русская.
- Гражданство?
- Российское и сирийское.
- Семейное положение?
- Замужем.
- Дети?
- Двое. Старшая на девятом месяце.
- Где проживаете?
- Латакия, Сирия.
- Чем занимаетесь?
- Медсестра, работаю в поликлинике.
- Так, - сказал Кантемиров и повернулся к Канторовичу.
- Илюха, у тебя есть вопросы?
- Как вы познакомились с мужем? - спросил Канторович.
- Он здесь в Строительном институте учился. Ну, вы понимаете...

- Понимаем. И с тех пор вы живете там?
- Да. Ну, я иногда приезжаю, вот, к маме приехала, лекарства привезла, а то она больная, а здесь...
- Чем занимается ваш муж?
- Мосты строит. У них семейный подряд.
- Кто ваш муж по вероисповеданию?
- Мусульманин.
- А точнее?
- Вообще-то он алавит. И я тоже, официально.
- Он, случайно, не родственник...
- Очень дальний. Но это все равно считается. Знаете, у них там огромные кланы...
- Знаю, - Канторович повернулся к Кантемирову и махнул рукой.
- Оксана, пиши ей пропуск и дай мне на подпись, - сказал Кантемиров. - И переформи ей билет на другой рейс.

- М-да, - сказал Канторович. - Есть женщины в русских селеньях...

- Коня на скаку остановит и всаднику морду набьет, - добавил Кантемиров. - Так, народ. Кому надо, может прикорнуть на диванах. - Вдоль стен, действительно, стояли удобные диваны. - Оксана, организуй дежурства у телефонов и факса. Сашок... Где Сашок?

- Уехал в лабораторию.

- Молодец. Что еще?

Из кресла поднялся Васильченко:

- У меня тут в машине сидит один кадр. Просит не входить сюда, готов говорить в машине с главным.

- Хорошо, но Канторович со мной.

В машине Васильченко сидел молодой парень и явно нервничал. Васильченко его успокоил:

- Все пока без протокола. Тебя здесь не было. Тем более что речь идет о гастролерах.

- А если их нанял кто-нибудь здешний?

- То он бы их сам снабдил оружием. Ладно, рассказывай и без фокусов. А то, ты ж меня знаешь...

- Хорошо, - парень попытался успокоиться. - Десять дней назад они ко мне пришли. У них была рекомендация, не скажу, от кого. Четверо, длинноволосые хиппари в драных джинсах. Только один из них говорил по-русски, но он был, скорее, переводчиком. Какие-то восточные. Короче, сначала они спросили про укороченные американские М-16. Я ответил, что заграничные нужно заказывать и идут они долго, несколько месяцев. Тогда они спросили Калашниковы. Ну, этого добра у меня полно, я им предъявил. Они покрутили их в руках - видно было, что опытные бойцы, - и выбрали АКСы, три штуки. Потом один из них - видать, спец по оружию, - проверил каждый АКС, каждую деталь буквально обнюхал, один автомат попросил заменить. Почему-то отказались от ремней. Потом они попросили по восемь магазинов на ствол...

- По сколько? - ахнул Кантемиров.

- По восемь.

- Что скажешь? - обратился Кантемиров к Канторовичу. Тот лишь криво улыбнулся. - Хорошо, продолжай.

- Я обычно даю по три магазина на ствол. Сторговались на шести. Потом ихний спец проверил каждый магазин, каждый набивал доверху и опорожнял по одному, все восемнадцать. Но все были хороши. Затем они попросили три тысячи патронов...

Кантемиров опять переглянулся с Канторовичем, тот опять криво улыбнулся.

- Причем патроны брали не те, что у меня россыпью, а только в заводской упаковке, а это дороже. Затем дошла очередь до гранат. У меня только наши, российские. Но когда они увидели гранаты без запалов, то просто варежки раскрыли...

- Что значит "гранаты без запалов"? - спросил Канторович.

- Гранаты хранятся без запалов, - пояснил Васильченко.
- Непосредственно перед выходом на операцию нужно ввинтить запал и отогнуть усики. Вот, смотрите. - Он вышел, порылся в багажнике и вернулся с несколькими разными гранатами и запалами.

Канторович внимательно осмотрел гранаты и запалы, кольца и усики, а потом воззрился на Васильченко как на инопланетянина.

- Вот, и у них точно такой же вид был, - продолжил парень. - В результате они взяли десять РГД-5 и двадцать Ф-1. В конце ихний переводчик попросил для себя "стечкин" с полным набором магазинов и сто патронов.

- Это все? - спросил Кантемиров.

- Нет. Через три дня приезжал ихний переводчик, взял еще пять РГД-5, десять Ф-1 и тысячу патронов. Все.

- Чем платили?

- Зелеными. Без обмана, чин чинарем.

- На чем приезжали?

- На "волге", темно-бежевой.

- У меня вопрос, - сказал Канторович. - Вы сказали, длинноволосые хиппари. А усы у них были?

- Да. У всех четверых. У ихнего старшого еще такие тонкие были.

- Ну что? - спросил Кантемиров. - Как след? Горячий?

- Раскаленный, - ответил Канторович. - Убивали братья Кантары, их привез Хадбан-старший. Мадам Кантар организовала алиби с билетами, потом на ночь глядя прорабатывала с ними маршрут, по которому они якобы ходили по музею.

- Но у нас нет даже мотива! С какой стати братьям

помогать мочить сестру? Разве что из-за наследства. Но привлекать каких-то дальних родственников из другой страны...

- Мотив есть. Железный! Ты его просто не видишь по незнанию некоторых восточных реалий. Ох, уже утро. Раннее. Да, но брать их, пожалуй, рано.

- Даже для России оснований для задержания нет. Ладно, скоро вернется Сашок, поработаешь с документами, что-нибудь надыбаешь.

Через полчаса появился Сашок и веером разбросал по широкому столу фотографии документов. Одну из них он положил непосредственно перед Канторовичем:

- У вас ведь точно такое же! - Сашок ухмыльнулся.

Это была фотография израильского удостоверения адвоката. На имя Ланы Кантар.

Канторович внимательно просмотрел остальные фотографии:

- Да, у пары трое детей, младшей дочери восемь месяцев, а папа с мамой укатили за границу! И она не сказала нам, что она адвокат. Я, кстати, припоминаю, в прошлом году она выиграла громкий уголовный процесс. То есть, она ввела нас в заблуждение...

- ... и если очень постараться, то ей можно навесить до пяти лет за лжесвидетельство.

- И мужикам есть за что навесить лжесвидетельство. Так, который час? Без десяти шесть, значит, у нас без десяти семь. Отлично! Мне надо позвонить в Израиль, а также послать и принять факс.

Оксана, не спрашивая, вышла и через пять минут вернулась, молча кивнув и указав на два аппарата.

- А не рано ли? - спросил Кантемиров. - Воскресенье, все-таки.

- У нас воскресенье рабочий день.

Канторович набрал номер по памяти и заговорил на иврите. С той стороны звучало весьма недовольное бурчание. Наконец, Канторович уломал собеседника, дал отбой, быстро исписал лист бумаги, на обратной стороне написал номер и отдал Оксане, та пошла отправлять.

- Это мой хороший друг еще по школе, сейчас он офицер полиции, - пояснил Канторович. - Я все-таки испортил ему малину, он как раз вернулся с ночной операции и собирался почитать, а тут я звоню. Но я очень редко его о чем-то спрашиваю, к тому же на этот раз я помогаю раскрыть преступление, так что он сейчас едет к себе в кабинет, залезет в компьютер и узнает все, что надо. Официальный запрос, сам понимаешь, шел бы долго и дал бы нам минимальные сведения. Ладно, я пока посплю, как придет факс, будите.

Кантемиров тоже прилег, но долго им поспать не удалось. Застава на Воробьином шоссе задержала такси с Кантарами. В машине были их чемоданы, проверка показала, что из гостиницы они съехали.

- Если я правильно помню, по Воробьиному шоссе до границы три часа езды, - сказал Канторович.

- Даже меньше, - ответила Оксана. - Что сказать заставе? Это по вашему приказу их задержали, как граждан Израиля.

- Все верно, - ответил Кантемиров, - я помню приказ. Пусть их отвезут сначала в наше отделение, пусть попарятся в приемной.

Наконец запищал факс. Оксана приняла три страницы печатного текста на иврите, Канторович схватил их и начал жадно читать. Судя по междометиям и отрывочным словам на двух языках, чтение было более чем увлекательным. Наконец он оторвался от страниц:

- Говоришь, за лжесвидетельство можно накрутить до пяти лет? Считай, они уже сидят. Мадам Кантар никогда не училась на искусствоведческом. Ее муж не просто учитель, а уже четыре года директор школы. Август месяц, учебный год на носу, а директор прохлаждается за границей. Плюс дети малые. Но главное... Главное я вам пока не скажу.

- Короче, брат? Смотри, мы их, конечно, за лжесвидетельство посадим, но нам нужно раскрыть убийство. Сам понимаешь, обычных убийц я был бы рад засадить под любым соусом, знаменитого Аль Капоне посадили за неуплату налогов. Но здесь с меня шкуру сдерут, а я должен упечь настоящих убийц за убийство.

- Признание все еще царица доказательств?

- А у тебя есть, чем добиться признания?

- Есть. Но на что я имею право?

- На все, что не оставляет следов применения силы. И то, если что, десять человек засвидетельствуют под присягой, что на тебя..., вернее, на меня напали, и в рамках необходимой самообороны и т. д.

- Хорошо. Тащи их сюда.

Кантаров в наручниках рассадили на стульях на некотором расстоянии друг от друга. Канторович шелестел фотографиями, показывал их Кантемирову, делал зверское лицо, Кантемиров его как бы успокаивал.

- Так, - начал Канторович по-английски. - И куда это вы сегодня направлялись с утра пораньше?

- Мы собирались осмотреть дворец Вишневого, - ответила Лана Кантар, - а затем хотели поехать на Чудные озера, половить рыбу, побыть несколько дней на природе. У нас обратный билет через неделю...

- Знаю, - Канторович прохаживался между ними напряженной походкой зверя перед прыжком. - Ох и упекут вас.

Всерьез и надолго.

- Хотя мы и арабы, но мы все-таки граждане Израиля, и вы будете обязаны доказать ваши голословные обвинения. Кстати, в чем нас обвиняют? За что мы арестованы?

- И вы еще спрашиваете? Ох, сбреют вам ваши усы!

- Усы? - Иссам Кантар прижал руки к своим щеголеватым усам. - Почему сбреют усы?

- Потому. - Канторович подошел к нему и вдруг сорвал с него шапочку. - Я вижу, голова у тебя уже обрита, как и положено в российских тюрьмах. Осталось только сбрить усы.

- Нельзя брить мои усы! - закричал Иссам. - Вы же должны уважать свободу совести!

- Свобода совести? - хохотнул Канторович. - А какого ты вероисповедания?

- Ну, вообще-то, мусульманин.

- И в какой суре Корана сказано, что мусульманин обязан быть с усами?

Иссам молчал. Канторович пару раз обошел вокруг него, а затем неожиданно выдернул из-под него стул. Иссам едва не упал, Кантемиров сделал вид, что пытается вмешаться.

- Встать, дерьмо! - заорал Канторович. - Как стоишь, падаль? А ну, стой прямо! В карцер захотел? Фамилия?

- Кантар.

- Имя?

- Иссам.

- *МИСПА́Р ИШИ́?*²

- *ШТА́ИМ-ШТА́ИМ-ШЕ́ВА*³... - начал Иссам и вдруг осекся.

Все четверо Кантаров с ужасом смотрели на Канторовича. Тот внимательно посмотрел в глаза каждому из них, а затем обратился к Иссаму на иврите:

² Личный [военный] номер (ивр.).

³ Два-два-семь (ивр.).

- Если напишешь чистосердечное признание об убийстве Амаль и ее мужа, то я упрошу, чтобы и тебе, и остальным разрешили оставить в тюрьме усы.

Он положил на стол стопку бумаги и авторучку. Иссам присел к столу.

- Можешь писать по-арабски. Переведут. И скажи своим, чтоб тоже писали.

- Я напишу по-английски за всех, они подпишут.

- И Хадбаны тоже?

- Нет, для них я не авторитет. И лучше дайте мне пишущую машинку. Я быстро печатаю.

Под стрекот машинки начал собираться народ - скорость слуха, как известно, опережает скорость звука. Пришло начальство Кантемирова. Пришли мэр с женой. С вокзала привезли Полежаевых-старших. Наряд, посланный за Хадбанами, вернулся ни с чем - братья уже удрали. Их объявили во всероссийский розыск, но Кантемиров не питал больших надежд:

- У них друзья-кавказцы, так что какую-нибудь кавказскую границу они пересекут без труда.

Канторович сидел в стороне, жадно поглощая чай с бутербродами. К нему подошел мэр:

- Я так понимаю, что именно вы помогли раскрыть преступление. Хотя вы и работали неофициально, но позвольте мне от имени города выразить глубочайшую благодарность. Я так понимаю, что только ваше знание Востока помогло...

Все глаза повернулись к Канторовичу.

- Эх, если бы только это! - вздохнул Канторович. - Если бы все было так просто! Но действительно пришла пора давать объяснения. Эх, водочки бы мне.

Материализовался хозяин с подносом. Канторович выпил одну за другой две рюмки, зажевал оливкой, встал и

заговорил под аккомпанемент стрекота машинки.

- Вы когда-нибудь слышали такое слово - "друзы"? Для интересующихся античной историей - речь не идет о потомках или предках Ливии Друзиллы. Речь идет о народе, возникшем в одиннадцатом веке на Ближнем Востоке.

Как известно, евреи сохранились как народ благодаря своей религиозной и социальной замкнутости. То же самое произошло и с друзами. У них особая религия, это уже не ислам - достаточно сказать, что они отмечают четверг, а не пятницу. И у них совершенно закрытое общество.

У них секретная религия, причем главными носителями тайны являются женщины. Их женщины часто носят полупрозрачную белую шаль, но это просто обычай. Иной раз видишь вполне современную женщину в брючном костюме или джинсах - а на плечах такая шаль.

Есть мужчины, принимающие ортодоксальный образ жизни. Они выглядят, как наш главный подозреваемый. Черная одежда особого покроя, традиционные головные уборы. Но главное - бритая голова и обязательно усы! Борода тоже желательна. Так что я искренне прошу - оставить им всем в тюрьме усы.

Они жили и живут среди арабов, но говорят на своем диалекте. На сегодняшний день они живут в основном в Сирии, Ливане и Израиле. Среди арабов они стараются не выделяться, но у нас они признаны как отдельный народ и в отличие от арабов служат в армии. Да, служат в израильской армии! Я сам с ними служил.

Как многие заметили, я взял след с самого начала. Фамилия Хадбан из города Алей - фамилия друзская и город друзский. Штурм квартиры - типичный почерк израильской пехоты. Но мотив? Для меня он был на поверхности с самого начала.

Брак с иноверцем! У друзей за это одно наказание - смерть! Обоим!

Может быть, Эмилия надеялась на современные взгляды своих родителей. Она ошиблась: многие, особенно богатые, люди готовы перенять западный образ жизни, не перенимая западные ценности. Как и Петр Первый в свое время.

Она в какой-то степени предупредила своего мужа, тот купил пистолет. Да, похоже, еще и расхвастался покупкой перед братьями. Тогда клан сменил тактику: братья продолжали поддерживать связь, но вместо обычного киллера из Израиля приехала серьезная группа. Кстати, они не братья, а весьма дальние родственники.

Иссам Кантар. Майор запаса израильской пехоты, до недавнего времени регулярно ходил на военные сборы, ветеран двух войн, последняя должность - заместитель командира батальона.

Хасон Кантар. Старший сержант запаса израильской пехоты, профессиональный оружейник. Должен был обеспечить - и обеспечил! - приобретение качественного оружия и боеприпасов.

Азам Кантар. Он вообще кадровый военнослужащий-сверхсрочник, старший сержант. Профессиональный следопыт-пограничник. На предмет обнаружения и ликвидации любых нежелательных следов.

И, наконец, Лана Кантар. Несмотря на молодость уже проявила себя как хороший адвокат по уголовным делам. Общее обеспечение, алиби и т. д.

Но самое главное - перед нами не преступники! Это честные люди - подчеркиваю, честные люди, приехавшие исполнить свой долг! С любым из них можно без малейшего сомнения пойти в разведку - да я сам ходил с такими! Отличные солдаты, хорошие товарищи! Но - долг!

Группа прибыла две недели назад. Переодевшись в

хиппи и надев длинные парики, приобрела оружие. АКСы им были более или менее знакомы, ремни они предпочли свои собственные, как и я предпочитаю, привязали их шнурочными петлями - наш способ. Они просили по восемь магазинов - норма израильского пехотинца. А гранаты их повергли в ступор - как и меня.

У наших гранат запал вставлен изначально, усики прямые, но у кольца есть боковая защелка. Такой гранатой можно безопасно хоть в волейбол играть. Ее можно годами носить в под сумке и не беспокоиться. И при этом она всегда готова к бою. Перед броском кольцо выдергивается в два движения - сначала повернуть, потом выдернуть. А так ваши Ф-1 вполне похожи на наши.

Старый добрый способ импровизации подрывного устройства - связка гранат. Оружейник рекомендовал использовать для этого РГД-5 - взрывчатки больше, а стенки тоньше, лучше для детонации.

Я читал, что у вас в области полно брошенных колхозов и совхозов. Где-то там стоят брошенные "хрущевки", в одной из которых группа тренировалась - майор Кантар хотел быть полностью уверен в готовности и слаженности действий. Как и положено в израильской армии, сначала тренировались "всухую", а потом боевыми патронами и гранатами, сначала поодиночке и лишь потом группой.

Шакиб Хадбан не случайно зашел - он договорился заранее, чтобы обеспечить присутствие Полежаевых дома. И, уходя, он наверняка сказал им что-нибудь еще, чтобы они никуда не ушли - скажем, что Юсеф Хадбан должен вот-вот прийти с письмами из Ливана. Сам же Шакиб затеял драку с пьяным у метро, чтобы обеспечить себе алиби.

Юсеф Хадбан участвовал в организации вечера ливанской кухни, но тихо ушел в самый разгар веселья, чтобы вернуться через час пятнадцать - час двадцать. Все запомнили

его в начале и в конце и были уверены, что он и не уходил никуда.

Лана Кантар отправилась в Дворцовый музей. Она купила и билеты, и путеводаитель, и альбомы, записала экскурсию на диктофон и пометила маршрут экскурсии на планах этажей в путеводаителе.

Юсеф Хадбан доставил Кантаров на Муринскую. Отлично вышколенное звено израильской пехоты взяло квартиру штурмом. У Полежаевых не было никаких шансов - такой штурм можно отбить, как минимум, адекватным количеством и качеством бойцов и оружия.

Затем они по-быстрому убрались. Ясно, что и одежда, и оружие были хорошо спрятаны, если не утоплены в реке. Кантары где-то встретили Лану, вернулись в гостиницу вместе и стали досконально изучать маршрут экскурсии и экспонаты.

И все могло бы сработать - ну кто по поводу убийства урожденной Хадбан из Ливана стал бы интересоваться Кантарами из Израиля? Но им не повезло. На месте преступления оказался израильтянин, в свое время много интересовавшийся друзьями.

Едва мне стало ясно, что Эмилия друзка, как я понял мотив преступления на девяносто девять процентов. Почерк операции мне был до боли знаком - сам так обучен. Друзы из Израиля ликвидировали согрешившую друзку и ее мужа в полном соответствии со своим долгом.

Так что я помог поймать искренних и честных людей, своих боевых товарищей, совершивших преступление по долгу своей совести. Ну почему я не ошибся!!!

Канторович выпил еще рюмку и опустился на стул, бросив руки, как плети.

Три пары полных ненависти глаз буквально сверлили Кантаров. Но они, все четверо, сидели спокойно, как у себя

дома. На их лицах не было ни разочарования, ни сожаления - они умели держать удар судьбы и были полностью в ладах со своей совестью.

Арестованный Иссам Кантар выразил желание поговорить с "тем израильтянином". Следователь Игорь Кантемиров удовлетворил его желание. Итак, в последний день пребывания Канторовича в родном городе они встретились в следственном кабинете - Игорь Кантемиров, Илья Канторович и Иссам Кантар.

Увидев Канторовича, Кантар встал и с пафосом продекламировал:

*"Oh, East is East, and West is West,
and never the twain shall meet,
Till Earth and Sky stand presently
at God's great Judgment seat;
But there is neither East nor West,
Border, nor Breed, nor Birth,
When two strong men stand face to face,
though they come from the ends of the earth!"⁴*

По совету Канторовича Кантемиров приготовил кофе по-абхазски - он там служил и научился. Кантар оценил качество:

- Не ожидал. Очень хороший кофе.

Все трое некоторое время смаковали кофе. Затем Кантар

⁴ "О, Запад есть Запад, Восток есть Восток

и с мест они не сойдут.

Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.

Но нет Востока, и Запада нет, что - племя, родина, род,

Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?"

Редьярд Киплинг, "Баллада о Востоке и Западе" (перевод Е. Г. Полонской).

заговорил на иврите:

- Я тебя не понимаю. Ты оказался здесь случайно, я так понял, что ты вообще не сотрудник следствия - и ты нас выдал!

- Понимаешь, вот он - мой друг детства...

- Это меняет дело. Ты помогал другу. Это правильно.

- Но если бы это не был мой друг, если бы я действительно случайно здесь оказался и понял бы, что произошло - я поступил бы точно так же.

- Почему?

- Потому что совершено убийство.

- Это не твое дело. Они были виновны, наши старейшины решили их судьбу, мы сделали свое дело. Это наше дело. И никто не имеет права вмешиваться в наши дела.

- Это уже не так. Мир изменился, и ты это знаешь. Когда-то у евреев была полигамия, но больше ее нет. Да, и у нас немало конфликтов традиции и современной жизни, но эти конфликты нельзя разрешать кровью. Ты же историк, ты сам знаешь, какие были религиозные войны. Но вот появились просвещение, равноправие, демократия западного типа, нормы жизни, основанные на взаимном уважении...

- Что ты знаешь об уважении? Вот на Востоке - там есть уважение.

- И чем оно подкреплено? Оружием. Безоружных вы не уважаете. А ты попробуй уважать человека за то, что он человек! Такой, какой есть! Безоружный! Слабый! Более того - несущий полную чушь! Утверждающий, что дважды два - семь! Но и он человек, как ты и я! И он имеет право на выбор своей судьбы. И своего мнения. Потому что вдруг... А вдруг окажется, что именно его чушь верна? А вы лишили Эмилию и ее мужа права выбора.

- Они были неправы...

- Когда еврей крестится, его семья справляет по нему траур, как по умершему. И все. Отказаться от нее, запретить ей

возвращаться домой - это еще можно понять. Но убить...

- А то твоя хваленая западная демократия не убивает!

- Убивает. На войне убивает. И сто раз думает, идти на войну или нет. И вырабатывает военные законы, судит за военные преступления.

- Ну, рассмешил. Я же историк. Нацизм и коммунизм с их гекатомбами жертв есть порождение западной демократии!

- Они порождения Запада, но не демократии. Наоборот, они были реакцией на демократию, реакцией на свободу и связанную с ней ответственность. И, заметь, в Западной Европе от них остались рожки да ножки. Коммунизм победил на Востоке и в России (тоже, в общем, восточная страна). В Европе он держался на советских штыках, которых больше нет.

- Допустим. Действительно, Европа пытается пресечь военные преступления, пытается соблюсти максимум свободы личности. Но подумай о демократии, как о методе. Казалось бы, все хорошо: голосуем - и решает большинство. Но в результате меньшинство подавляется. И нет у него выхода, кроме силовой консолидации. Террор, как известно, есть оружие слабых.

- Верно. Один русский автор заметил, что тридцать процентов в оппозиции в Китае - это триста миллионов человек! Поэтому дело не только в демократии, но и в демократических ценностях. И прежде всего - уважение к человеку. К такому, какой есть - если он не преступник. Тогда не будет подавляться меньшинство.

- А что с преступниками?

- Ты же отлично знаешь, как работают нелицеприятные независимые суды. Да твоя жена в прошлом году смогла добиться оправдания в практически безнадежном деле! Но такие суды возможны только при демократии. Уж на что Кромвель и Наполеон добивались законности в судах - пока дело не касалось их собственной власти. Так что или беззаконие - или демократия. Третьего не дано.

- Тогда почему же на земле так мало демократии?

- Потому что демократии надо учиться! Демократическим ценностям надо учиться! Простой пример. Я уехал отсюда в Израиль двадцать лет назад, с тех пор впервые приехал, остановился у любимого дяди. Любимого! Какую он теперь несет пургу! Куда делся старый добрый интеллигент! И вдруг я понял.

- Что ты понял?

- Что меня обучили демократии, а его нет! Что в Израиле среднестатистический лавочник либеральнее среднестатистического интеллигента советского разлива! Что мой дядя просто остался таким, каким был. Мой любимый дядя! А ведь когда-то и друзья прошли серьезнейшую духовную революцию! А теперь вы хотите остаться такими, какими были в течение восьмисот лет. И русские хотят. Но развитие - в том числе развитие духовное - это всегда перемены. Нередко болезненные. Демократия к ним приспособлена, посмотри историю американской демократии, посмотри историю пяти французских республик. Любая власть сопротивляется реформам, но при демократии сама власть регулярно сменяется. И есть шанс на бескровные реформы, в щадящем режиме. Кровь слишком долго была смазкой истории. Слишком это дорогая смазка.

- Дорогая... А как можно без крови?

- Не знаю. Но нужно.

- Наверное. Ты, наверное, отличный юрист, шпаришь как по писаному, с тобой трудно спорить. Кстати, спасибо тебе.

- За что?

- Нам сообщили, что нам разрешено носить усы в заключении. Я понял, что это ты их упросил. Спасибо тебе, от всех нас.

Кантемиров сварил еще кофе. Все трое молча отдались

плодам кулинарного искусства и своим думам.

Игорь Кантемиров думал о пути России. О кровавых реках ее истории. О пути Запада, столь непохожем и столь желанном. А не обернется ли демократия еще одной трагедией? Как и прошлые заимствования с Запада, со времен Петра?

Илья Канторович думал о том, как ему неслыханно повезло. О том мире, куда его увезли родители в юности и где люди обучены уважать права друг друга. И где он будет растить своих детей и внуков. Но ведь этот мир - лишь малая часть планеты!

Иссам Кантар думал о своем маленьком народе в циклоне чужих конфликтов. О том духовном огне, который они должны хранить и оберегать, несмотря ни на что. И о новом циклоне, циклоне свободы поведения и нравов, который угрожает захлестнуть старый добрый налаженный быт. И о том, что, может быть, этот еврей прав: пора учиться меняться.

*Хайфа, Кислэв-Элүл 5778 г.*⁵

P. S. "Просвещение - это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине - это такое [состояние], причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!*⁶ - имей мужество пользоваться собственным умом! - таков, следовательно, девиз Просвещения."

Иммануил Кант, "Ответ на вопрос: что такое Просвещение?"

⁵ Декабрь 2017 - сентябрь 2018.

⁶ Осмелитесь быть мудрыми! (лат.).

Игорь Муханов. Отцовский чемодан

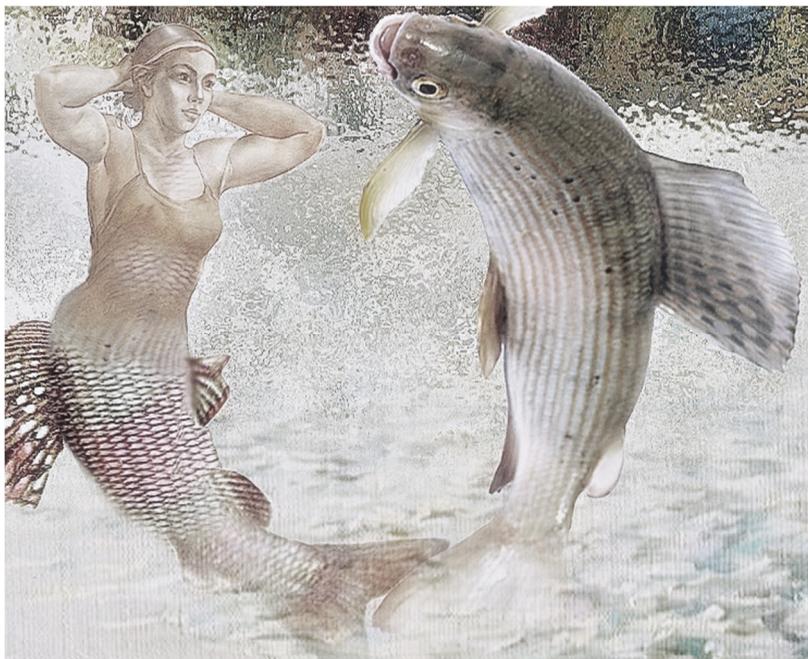

Иллюстрация Ирины Петал

Послышался ряд глухих исторических стуков, как будто работала машинка "Зингер" в швейной мастерской, и ящик времени раскрылся. И увидел я село Верхний Уймон, жаркое лето 1943 года и Машу, сидящую на крыльце родительского дома...

В воздухе летали стрижи, предвещая взмахом своих крыльев хорошую погоду. А возле сарая было слышно, как бьется о цинковое ведро молочная струя. То Машина мама доила Ягодку, родившую весной телка. Корова смотрела на маму голубоватым зрачком, имея, казалось, свой интерес, неведомый человеку.

А слева, из-за забора, имевшего множество прорех,

доносились звуки молоточка. Это сосед, дед Никифор, ковал крючок, на который намеревался поймать хариуса или тайменя. Борода деда, которую он стриг раз в году, доставала наковальню. А губы шептали:

- Я тебя спымаю, спымаю. Будешь знать, как ходить с гармонью вдоль протоки, наших девок зазывать! Да, так оно и было на самом деле. Третью ночь ходил вдоль протоки никому не знакомый парень, мучая трехрядную гармонь. Маша, жившая к протоке ближе всех, слушала эти звуки всей душой. А на третью ночь ушла в заливные луга, освещенные полной луной, и вернулась только под утро. С упавшим на плечи платком, румяная и счастливая.

- Ты уж, Никифор, нам помоги, поймай в Катунь хариуса! Мне еще моя бабушка говорила, какая это рыба. Способна плеснуть на берег хвостом и обернуться парнем в красной рубахе. И всякая девка за тем парнем пойдет, такая в нем сила водится! А после находят девку на берегу, лежащую в травах. Руки раскинуты крестом, лицо - кора березы. И еще одна русалка начинает тревожить мирный люд, плескаться по ночам в затонах Катунь!

Так просила деда Машина мать, испуганная слухами, ходившими по селу. А Маша, пока дед Никифор слушал свою соседку, пролезла в заборную щель, мелькнула тенью по саду и крючок, лежавший на наковальне, зажала в своем кулаке.

- Так будет спокойнее, - решила Маша про себя. - И Карий Ус споет мне еще не одну задушевную песню!

* * *

- Карий Ус! Карий Ус! Ты где? - спросила Маша шепотом, раздвигая кусты краснотала.

Рядом пиликнула гармонь и смолкла, словно чего-то выжидая.

Луна, уже успевшая достичь зенита, окутывала землю

парчой, метила текущие мимо воды. И было слышно новым слухом, открывшимся Маше, как коровы, заночевавшие в лугах, жевали сочные травы.

- Хочу задать тебе, Карий Ус, один вопрос. Но боюсь им ранить твое сердце!

- Знаю, о чем ты хочешь меня спросить, - ответил Карий Ус и наиграл на гармонии грустную мелодию. - Ты хочешь спросить меня, рыба я или человек?

Даже в тени краснотала было видно, как Машины щеки покраснели.

- Мне рассказала мама, а ей рассказала ее бабушка, а ей...

- Правду люди говорят. Хариус, Маша, может обращаться человеком, и перед тобой находится хариус, а не человек!

Маша всплеснула руками.

- Чудеса, да и только! Но я совсем тебя не боюсь. Ты добрый и так ладно играешь на гармонии, что...

В затоне плеснула большая рыба, и хор лягушек, спавших в нагретой за день воде, зазвучал зычно и напористо.

- Хариусы, Маша, друзья человеку. Они готовы принести ему в жертву все, даже свое тело. А вот послушай-ка, какую я разучил мелодию... - сообщил Карий Ус и пробежал пальцами по кнопкам.

Загудели басы, затренькали верхние регистры. В ближайшем лесу ухнул филин и канул, как в глубину. Заржала лошадь при самом подходе к селу. И мелодия, пройдя сквозь Машино сердце, унеслась за Катунский хребет, наполняя своей радостью и зверя, и человека.

* * *

На следующую ночь, придя к условленному месту, Маша вела себя не так, как в прошлые дни. Она принесла с

собой радость, которую получила, прослушав сводку новостей.

- Сталинград наши бойцы отстояли и теперь освобождают другие города. Это радует меня, лишь одно беспокоит. А вернется ли мой жених, Ванюша Бочкарев, живым в родное село?

Карий Ус молчал довольно долго. А после ответил, отложив в сторону гармони:

- Веруй в это. И знай, что и мы, рыбы, обитающие среди водорослей и камней, молимся за возвращение ваших парней на родину!

Маша вошла босыми ногами в Катунь и, зачерпнув ладонью воду, обрызгала гармониста с ног до головы. Тот не спеша отряхнул свои кудри. А когда слизывал капли с губ, было видно - капли казались ему сладкими, как мед.

- А как вы, рыбы, становитесь людьми? - спросила Маша. - Вас и отличить от людей не каждый сумеет!

- Это несложно, - ответил Карий Ус. - Следует отразиться в том, что ты видишь, в полную силу. И в человеке тоже. А отражение - оно живое!

Карий Ус засмеялся, понимая, что слова не слушаются его. И что его речь выглядит довольно бессвязной.

- А я, если полюблю Катунь, ее волны и берега, как сестра, смогу оказаться в рыбьем теле? - спросила Маша, волнуясь.

Карий Ус отпрянул к воде и ладонью, напоминавшей рыбий плавник, обрызгал Маше сарафан. Та отбежала в сторону, визжа и отряхиваясь, а с берега неслось ей вдогонку:

- А ты попробуй, попробуй полюбить!

* * *

На следующую ночь теленок, покинув загон, в котором ночевало его стадо, пришел к воде напиться. Увидел пятна, скользившие по реке, услышал, как плещутся волны, и

наострил свои уши.

Как-то непонятно вела себя Катунь. Луна, отраженная в ней, выглядела, как рыба на гулянье. Плыла то в одну сторону, то в другую, издавая пугающий звук. А после распалась на части и стала расти. И два серебристых месяца то показывали свои спины, то исчезали под водой, то высоко взмывали в воздух...

Теленок замычал от страха, сковавшего ему ноги, призывая на помощь свою мать. И, не дождавшись ее, стал карабкаться вверх по склону берега. А два веселых хариуса - Маша и Карий Ус - носились от переката к перекату. Кокса, Верхний Уймон, Мульта... Резкий поворот и возвращение! Хариусы неслись наперегонки, прыгая друг через друга, и окружающие их воды кипели белым буруном.

Так, в течение медленно текущей ночи, было проделано не раз. словно плуг землепашца, вспахивал воду верхний плавник. А на рассвете, когда луна, покрытая масляными пятнами, скрылась за Теректинским хребтом, что-то сдавило Маше жабры. Крепкими нитями оплело ее чешуйчатое тело, не стало давать ей дальше плыть...

- Это сеть! - крикнул ей Карий Ус. - Повторяй мои движения...

Мощным усилием своего тела Карий Ус вытолкнул Машу из воды и перекинул через заграждение. Маша почувствовала свободу, увидела, как дымится в своем рассветном движении река. Она обернулась назад, желая узнать, что делает Карий Ус, но его нигде не нашла. Маша поглядела в сторону берега и увидела, как дед Никифор, стоя в резиновых сапогах, выбирает на берег сеть и дышит тяжело, с табачной одышкой...

* * *

- Иди, отведай хариуса, - услышала Маша за своей

спиной, когда кормила в курятнике птицу. - Дед Никифор поймал сегодня утром!

В синей тени проплыла бабочка, взмахивая своими восточными крыльями. Цыплята, то и дело шмыгавшие в ногах, жаловались на что-то своими пискливыми голосами. А где-то в лугах, спугнутые с насиженных мест ребяташками, хлопали на взлете дикие утки, будто стреляли из ружья...

Маша обернулась на мамин голос. В большой глиняной чашке лежал розовый кусок, густо посыпанный луком и укропом, и дымился... Маша выбежала из курятника, опрокинув ведро с водой, и скрылась в зарослях конопли. И долго оттуда доносился звук, похожий на икоту. Или на плач малолетнего ребенка, когда тот серьезно заболел.

* * *

А через месяц пришло письмо с воинской печатью, в котором сообщалось привычным для того времени языком: "Старший сержант мотострелкового полка Иван Васильевич Бочкарев геройски погиб в бою, освобождая город Орел в составе Брянского фронта..."

Дни стали облаками. Маша целыми днями пропадала в лугах, приходя только к вечеру помочь своей маме по хозяйству. Дед Никифор сломал в одном месте забор, часто перебираясь через него и цепляя жерди ногою. Машина мама слегла в постель и почти неделю не вставала. И падали в саду яблоки по ночам, ударяясь о землю, словно колотилось сердце.

А когда мама поправилась, Маша пришла к ней со старым отцовским чемоданом и строго произнесла:

- Только не препятствуй мне, мама. Я хочу уехать из села!

- Куда ты, дочка? - спросила мать, глядя очумелыми глазами.

Маша покрепче завязала платок, дернула худым плечом.

- Вон сколько разрушенных городов! Кто их отстраивать будет?

И сморщила губы, и зарыдала, обнимая свою мать.

- Ты только жди, и деду Никифору помогай, если он занеможет. А я... а я... обязательно вернусь!

Марина Симкина. Как снять воображаемую шляпу

- Снимаю шляпу... - написала я своему другу. Друг недавно похоронил человека, которого он близко знал. Он был близок с этим человеком, а я нет... Как утешить своего друга, если горевать с ним наравне - и нелепо, и нечестно?.. Поэтому в знак уважения к его горю я только склоняю голову и снимаю воображаемую шляпу.

Но тут возникает вопрос: как снять воображаемую шляпу? - Вот в своем воображении и снять... Подносишь к ней, воображаемой, руки, пытаешься снять, да при этом воображаешь, что никак не снять - ленты запутались... У меня всегда все запутывалось - ленты, шнурки, отношения...

И ленты, запутавшись, слишком обращают на себя внимание, и я смущаюсь - это все в воображении моем. Смущаюсь и от собственной неловкости, и от того, что ленты - не черные, не траурные. Но я не хочу держать наготове дома траурные ленты, накидку, платок...

Мы живем, нарожали кто сколько успел детей, нам показали наших внуков - кому сколько успели. Но мы уже снова качаем люльку, снова нянчим - на этот раз каждый свое горе:

- Ай, люли-люли - не торопись, горюшко, не расти - успеешь...

Горе ждет любого из нас, но я не хочу его ждать, не хочу быть готовой к нему и испытывать в горький час горькое удовлетворение от того, что мне нашлось, как внешне отобразить свое горе...

Вообще-то дамы и не должны снимать шляпы, но я настолько привыкла представлять себе схемы поведения в виде обобщенных, никаких, бесполох, человечков. А род обобщенный совпадает в грамматике с мужским. "Каждый

человек (он!) должен...".

Да и снятие шляпы в образе обобщенного - то есть в мужском роде - человечка, выучено мною в обществе, где обобщенные мужчины снимали шляпу, в то время как более конкретные, то есть родные мне по крови, мужчины должны бы были эту самую шляпу надевать или хотя бы носовым платком, желательно, чистым, прикрывать голову... Были бы, должны бы, но... И этих "но" было так много, что я выросла такая, как выросла. И не жалею - мне нравится жить такой, какая я есть. Я простила многих и научилась прощать себя - колоссальное достижение, выводящее из тупиков. А я нередко умудрялась себя загонять в таковые. Те, кто помнят меня подростком, может быть, помнят это обо мне. Или не помнят? Может быть, и близкие друзья оказывались в подобных тупиках, и я этого так же не знала и не помню о них, как они не знали и не помнят обо мне? Обошелся ли без этих казавшихся безвыходными ситуаций хоть кто-то из нас? Может быть, это просто свойственно всем, свойственно возрасту - и все тут?

Как снять воображаемую шляпу? Сначала нужно ее вообразить и - воображаемую - надеть. И только когда ее неожиданно сдует ветром, и ты огорчишься потере - уж очень она была оригинальной, прямо-таки вызывающе оригинальной (совсем не в твоём характере), ты вернешься к собственной сущности и со временем поймешь, до чего же она была нелепа, эта воображаемая шляпа...

Конечно, чаще всего, шляпа воображается похожей на одну из тех, с которыми пришлось иметь дело в жизни. Например, на ту, что я покупала для отца. Таскать папу по магазинам было невозможно: радикулит не отпускал его далеко от дома, и я перебирала мужские шляпы, прищурившись, чтобы представлять себе в зеркале не свою физиономию, а папину: овал лица у нас был похожий...

Или на ту дикую шляпу с полями, которую я соорудила

себе из дедушкиной черной еврейской шляпы, сильно уменьшив ее цилиндр по высоте и нашив какую-то ленту на место стыка. Эта-то шляпа у меня и слетела в речку, когда я вела на экскурсию свой класс.

Правда, был и еще случай, когда с меня слетел головной убор, и тоже в речку - в горную...

Но это уже была каска, которая в течение всего похода сползала мне на глаза, так что я не видела ничего, кроме носков своих "вибрамов". Ремешок лопнул на последнем переходе, каска сиганула в бурные воды, и я увидела, как прекрасен мир.

Каску эту мне перед нашей поездкой на Кавказ принесла со стройки подруга по школе инструкторов туризма. От рождения каска была оранжевой, но с тех пор настолько обшарпалась, что я, заинтересованная скорее в красоте и атрибутике, чем в безопасности как таковой, сильно расстроилась. И тогда подруга притащила мне с той же стройки, уже к поезду, целый литр цинковых белил... Перекрашивать даже бывшую оранжевую, но все же когда-то оранжевую, каску я отказалась. Веселые друзья предложили хотя бы нарисовать на ней белые горошины. Этого я тоже делать не стала - тем не менее, прозвище Мухомор закрепилось за мною на годы... Банку с белилами девать было некуда - не в горы же тащить, и ее загнали по дешевке кому-то прямо в поезде.

Если снова прищуриться, то вспомнится еще и мужская каракулевая шапка - сколько зим я ее проносила? Рейс за каракулевыми шапками из Ленинграда в Котлас сделала я бесплатно. С железной дороги - это был один из способов подработать в студенческие каникулы - я уволилась, но временное удостоверение было еще действительно, и я нанялась к проводнице-матерщиннице тете Клаве бесплатной помощницей. В Ленинграде каракулевых шапок не было, и заказов у меня была уйма. В том числе одну шапку - мужскую, потому что других там не было - я купила себе и носила ее

kozyрьком назад. Если на меня смотрели спереди, то козырька не было видно, и моя шляпа выглядела вполне обобщенно. Ну, а если смотрели сзади - то что ж, я была лихим таким матросиком, хулиганчиком и еще черт-те чем, и почему бы мне было не носить шапку козырьком назад?! Вполне в духе обобщенной идеи...

Вот так - целое эссе... А вопрос-то был простой: как снять воображаемую шляпу?

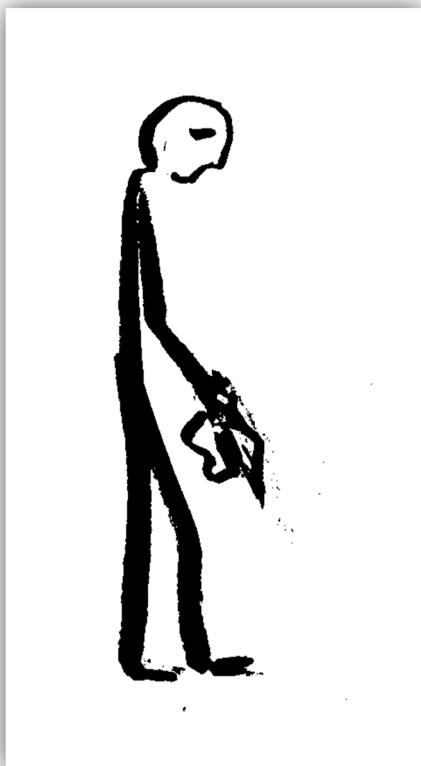

Рис. Анны Захаровской-Цейтлиной

Марина Симкина. Уже лучше

Подрабатывать - насколько хватало суток и недели - я начала еще в Питере: не выживала. И вынуждена была продолжать в Израиле... Чего только не перепробовала. Но - выжила, вытасила детей...

И вот одна из таких подработок - я подменяю болгарку, которая ухаживает за старой и больной Мирьям: постоянной работнице раз в неделю полагается выходной.

Душ, еда, туалет, лекарства и - вечером - отчет перед сыном, владельцем мясного магазинчика в поселке... Дополнительно сын просит разговаривать с мамой, чтобы не угасла ее голова. Сын старается продлить мамины дни.

Мирьям еще помнит русский язык: она приехала в Палестину из русского местечка... Очень давно - в ранней молодости, в пионерскую эпоху первых переселенцев. На русском с ней общается и болгарка Тамара. Кроме меня в эти мои дежурные дни приходит специально нанятая соседка. Ее задача - только развлекать больную и поддерживать слабый костерок ее памяти.

- Доброе утро, Мирьям! - с порога весело кричит на иврите соседка. - Как ты сегодня себя чувствуешь?

- Уже лучше, - одними губами отвечает Мирьям. Сил - говорить - у нее нет.

- Мирьям у нас героиня! Да-а, Мирьям?! - нарочито бодрым тоном представляет мне соседка мою подопечную. - Сколько тебе было лет, Мирьям, когда ты приехала в Страну-у?!

Мирьям слабо улыбается в ответ...

- Девятнадцать лет ей было - верно, Мирьям?!

Слабая улыбка... Даже не новая улыбка - прежнюю стереть с лица нет сил...

- А как звали твоего мужа, Мирьям?! Хороший у тебя

был муж, да-а-а, Мирьям?! - гремит соседка.

Слабый - даже не кивок - слабое движение головы...

- А скольких детей она вырастила! Ми-и-рьям! Сколько у тебя детей? Как зовут твоих детей, Мирьям, ты помнишь, как их зовут?!

На стене висят фотографии всех пятерых, и соседка начинает сама перечислять их имена.

- Мирьям! Ты хочешь послушать музыку, Мирьям?! Послушай, какая хорошая музыка! - старается, пританцовывает соседка...

Мирьям понимает, что соседка старается. Она тоже старается. Она очень вежливая, Мирьям. Она снова пытается улыбнуться. Соседка подносит к уху Мирьям свой мобильник и включает какую-то мелодию - из запаса сигналов на выбор... Телефон громко трещит, перескакивая с ноты на ноту - из всех музыкальных инструментов это напоминает разве что старую шарманку.

Мирьям улыбается. Она не хочет расстраивать соседку.

Мы остаемся вдвоем... Я пытаюсь ее накормить. Мирьям старается проглотить ложку бульона. Это очень трудно и совсем не хочется.

- Нужно жить... - шепчет Мирьям. Она не знает, нужно ли. Это так же трудно, как есть. Но она обещала сыну.

Потом приходит врач.

- Ну, как мы сегодня себя чувствуем? - начинает он осмотр.

Мирьям жалко доктора - доктор старается...

- Уже лучше, - шепчет Мирьям.

В конце недели я звоню сыну, чтобы договориться об очередном дежурстве.

- Больше не нужно, - отвечают мне. Ее больше нет.

Я закрываю телефон - Мирьям уже лучше...

Марина Симкина. Питерские ангелы

Трудно не откликнуться на происшедшее...

Всех и везде ударило ковидом. Повыбивало людей, к земле прижало выживших.

Назвать эту трагедию только петербургской тоже невозможно. Шире, гораздо шире.

Но вот сконцентрировалась все так в этом городе, в этой семье...

Стоически сражались медики. Заражались и погибали. Не имея ни достаточной поддержки от властей, ни четкой организации, ни средств защиты.

В конце апреля 2020-го года активистки Ирина Маслова и Галина Артеменко начали вывешивать фотографии погибших медиков на строительном заборе на Малой Садовой, напротив Комитета по здравоохранению Петербурга. Так возникла Стена памяти:

Фото: PhotoXPress.ru . Стена Памяти

В ноябре временный мемориал пришлось демонтировать, фотографии и памятные записки передали на

хранение в Музей политической истории России. И те же Ирина Маслова и Галина Артеменко при поддержке депутата ЗАКСа Бориса Вишневецкого добились установки памятника погибшим медикам на набережной Карповки, на территории 1-го Мед. Института. Для памятника выбрали скульптуру Печального ангела работы петербургского скульптора Романа Шустрóва, умершего от ковида в мае 2020-го. Роман заразился, ухаживая за больным братом Александром. Александр умер на месяц раньше.

До этого Печальный ангел грустил, слушая музыку, которая доносилась до него из ратруба старинного граммофона.

Для новой роли скульптуру доработала Мария Касьяненко, жена Романа, тоже скульптор, художник, ювелир. Так что это уже их общая работа – Романа и Марии. Теперь Ангел сидит на скамейке на территории Первого медицинского института и оплакивает ушедших. Непомпезный получился памятник, но народ любит его и заботится о нем: шарфики ему вяжут, цветы приносят, стетоскоп рядом положили.

Городское же начальство во главе с губернатором не

захотело встретиться лицом к лицу с гражданами – боялись нелицеприятных вопросов о своем бездействии, которое привело к гибели большого количества людей. Поэтому они открыли памятник на день раньше, чем было объявлено. Произнесли формальные слова, положили официальные тепличные гвоздики. Но народ все равно собрался - на следующий день. Много людей пришло, искренних и равнодушных. С охапками весенних свежих цветов, которыми завалили формальные бездушные гвоздики.

Романа Шустрова - "папу Петербургского ангела", как его называли врачи, пытавшиеся вырвать его у ковида, - спасти не смогли. А Петербургский ангел остался – бронзовая фигурка: маленький и сутуловатый питерский интеллигент, старичок, переживший репрессии и блокаду, но сохранивший и доброту, и детскость, с зонтиком в одной руке и с томиком стихов в другой. Уже давно - в 2012-м году - примостился он на спинке скамейки в Измайловском саду. Ножки подогнул, крылышки на спине...

Петербургский ангел и его автор - скульптор Роман Шустров
(фото из интернета)

На кого он похож? Роман Шустров говорил: "В нем есть черты и моего отца, певца ансамбля песни и пляски, и моего старшего брата Александра Шустрова, артиста пантомимы, учившегося у Марселя Марсо в 60-е..."

Петербургский ангел получил международное признание, стал одним из символов города.. Петербуржцы пишут ему письма, шарфики вяжут...

...Как и другому своему любимцу - Любашинскому ангелу, работы того же скульптора, - поселившемуся года два назад в Любашинском парке в беседке возле фонтана.

Как только его ни называют - и босоногим, и кудрявым ангелом, и - то маленьким Блоком, то маленьким Пушкиным...

Роман Шустров хотел установить в городе еще одну свою малую скульптуру - старушку с собачкой. Место для ее установки пока еще не утверждено. И Дама с собачкой ждут, когда почитатели таланта Романа добьются для них возможности выйти погулять.

На создание этого образа скульптора вдохновила встреченная им в Таврическом саду, рядом с которым он жил, аккуратная, аристократически одетая старушка с ридикюлем, выгуливавшая там свою собачку. Позже он прочел историю оперной певицы Любви Дельмас, у которой был роман с поэтом Александром Блоком. Вместе они прогуливались по

Коломне. Дельмас пережила своего возлюбленного на много лет. И скульптор придал своей интеллигентной петербургской старушке черты Любви Дельмас.

Фото автора скульптуры, Романа Шустрова

Жена скульптора Мария Касьяненко добровольно ушла из жизни в конце апреля этого года.

Петербургские интеллигенты, питерские ангелы...

Ханох Дашевский. Поэтические переводы

С иврита

Хаим Нахман Бялик (1873-1934)

Пустыня сердец

Мезуза⁷ висит у дверей ваших криво,
В пустыне сердец ваших демоны пляшут,
К тщите увлекают вас радостью лживой,
На празднестве буйном знаменами машут.

Неведомо вам, что таится в пустыне
Отчаянье - сторож, невидимый взору.
Хранитель отвергнутой вами святыни,
Метлой он прогонит глумливую свору.

Тогда огонек ваш последний потухнет,
И встанет разбитый алтарь сиротливо,
И там, где ваш храм опозоренный рухнет -
Там кошка в руинах завоет тоскливо.

⁷ Мезуза (ивр.) - небольшой футляр с молитвенным текстом.
Прикрепляется к дверным косякам в еврейских домах.

Яков Фихман (1881-1958)

Шуламит⁸

Ты - Шуламит! Голубка молодая!
Одна в саду забыта, и в тоске,
Душистый мед ночных вершин вдыхая,
О друге гредишь в каждом уголке.

Твой гнев пылает, братьев догоняя -
А те смеются, скрывшись вдалеке;
И ранит мир краса твоя, сверкая,
Как острый меч в протянутой руке.

День опалил твой лик, созрела мгла
В тени твоих грудей, и ночь легла,
И пряный аромат в саду расцвел.

Как до сих пор не встретился с тобой
В горах твой друг?! Ведь зов весенний твой
Всю землю Иудеи обошел!

Шаул Черниховский (1875-1943)

Дочь рабби

Гуляет казацкое войско - погром
Для города Дубно не внове;
Нагрянули тучей, прошли, словно гром,
Походные торбы набили добром -
Пьяны от вина и от крови.

⁸ Шуламит (Суламифь) - возлюбленная царя Соломона из "Песни песней".

"Эй, крали!" - зовут: "Подходите! Сейчас
В шелка разодедем заморские вас!"

С добычей богатой еще со вчера
Телеги стоят на майдане.
Атлас там и бархат, а рядом гора
Субботних подсвечников из серебра,
И кольца, и жемчуг, и ткани.
Там гогот веселый царит над толпой,
Но где атаман, атаман молодой?...

Сегодня ему не добыча нужна,
Не брага, не пьяные речи,
Но брови, как бархат, но очи без дна,
Атласные груди, лица белизна,
И нежные девичьи плечи.
Хмельнее, чем сладкие вина,
Уста этой дочки раввина.

Она в своей комнате, страх затая,
Глядит на кафтан атамана:
"К тебе прикипел я, красотка моя,
С той самой поры, как холопом был я
В имении здешнего пана!
Я мчался сюда, не жалея коней,
Чтоб стала ты, краля, женою моей!"

Не зря пощадил я твою красоту!
Назавтра, в той церкви над гаем,
Когда прикоснешься к святому кресту,
Наброшу тебе я на косы фату,
И свадьбу с тобою сыграем!
Наденешь шелка, золотую парчу,

Сто шаферов будут! Мне все по плечу!" -

"Казак! Твоя сабля меня не страшит!
Всегда, если буду с тобою,
Убитую мать мне напомнит твой вид,
Напомнит отца мне, который лежит
С пробитой насквозь головою.
Не жди, что в одеждах пройду золотых
По трупам растерзанных братьев моих!" -

"Ну что же, как знаешь!" - И парень встает,
Стремительно к девушке прянув:
"Подумай еще! Мы уходим в поход
На Умань: туда польский гетман ведет
Стреляющих метко уланов.
И если не встретится пуля со мной,
Клянусь тебе: станешь моею женой!" -

"Коль так, то смелее садись на коня,
И мчись, изготовившись к бою.
От пуль заклинание есть у меня,
Хочу, чтобы жизнь твою в битве храня,
Всегда оно было с тобою.
Смеешься? Не веришь? Попробуй! Узнай!
Прицелься в меня и не бойся! Стреляй!"

И вытащил он пистолет свой, огнем
Готовый разить... Серебрится
Его рукоять, пуля верная в нем -
И встала дочь рабби в проеме дверном:
"К мезузе хочу прислониться!"
И выстрел, и грохот - должно быть, рука
Нечаянно дрогнула у казака...

Ее на постель положил атаман,
И, глядя на мертвое тело,
Подумал: "Что было здесь? Чары? Дурман?
Она говорила, что есть талисман,
Но, видно, лишь смерти хотела". -
И слёз не скрывая, шагнул за порог:
"Жидовка шальная! Прости ее, Бог!"

Ури Цви Гринберг (1896-1981)

Пес и человек вечером

Пса я видел с ребенком при свете вечерней зари.
Счастлив тот, с кем ребенок в синий час говорит у двери.
Не такая судьба у ночных неприкаянных псов:
Не услышат они в синей мгле человеческий зов,
Ибо заперты души людей на засов.

Вот ребенок и пес возвращаются в дом.
Открывается дверь им навстречу - домашним теплом,
Ароматом вечерним над накрытым столом.
Но тоска всех собак у пса отражается в оке,
И двуногих тоска, за которых в ночи воет зверь одинокий.
Ибо нет у них матери даже, что молится Богу и стонет:
"Где же бродит мой сын? Где он голову ночью приклонит?
Как сама эта ночь, его бедность синееет везде...
Боже мой! Даже птица - и та до рассвета ночует в гнезде!"

И бывает, в ярме бытия человек, как привязанный пес,
бьется в путах своих, надрываясь до слез.
В пасть ночную из пасти дневной переходит он,
не понимая,
Почему от рожденья петляет дорога его роковая,

И теряется в бездне, которая ночи мрачнее,
Где душа его видит под ножом голубиную шею,
И где ангельский голос сирены звучит, как свирель:
"Милый сердцу, приди! Впору будет тебе
в моем царстве постель!"
Темно-синий туман из надзвездных спустился долин.
Начинается сон - глубже самых бездонных глубин.

С идиш

Перец Маркиш (1895-1952)

Ха лахма⁹

А контрабас зачем звучал тогда?
И без него б в тот день все так же было.
Одной семьей шел городок туда,
Где всех ждала раскрытая могила.

Бил ветер по пергаментным щекам,
И бороды трепал у спуска к яме:
Ха лахма! - Тот ли это хлеб, что нам
Завещан был, как талисман, отцами?

Кто голоден - насытится сейчас.
В ров - как на пир! А стол - земля сырая!
Одетый в *талес*¹⁰ старый контрабас
Один в толпе звучал, не умолкая.

Вот *малхамовэс*¹¹, словно страж у ям

⁹ "Ха лахма анья" - "Вот хлеб бедности" (арам.). Так начинается пасхальный рассказ об исходе из Египта.

¹⁰ Молитвенная накидка.

Затмил полнеба черными крылами!
Ха лахма! - Тот ли это хлеб, что нам
Завещан был, как талисман, отцами?

Глокает жадно ненасытный зев,
Земля в крови, земля не просыхает.
И контрабас под свадебный напев
Невест и жен в могилу провожает.

Он помнит все в предсмертный этот миг:
Веселья звон и грустных песен звуки.
Уже младенца сбросил в яму штык,
И мать, сходя с ума, простерла руки.

Простерла руки - верно, так она
Благословляла свеч субботних пламя.
Ха лахма! - Вот он, хлеб отцов, сполна
Насытивший нас кровью и слезами!

Так пусть же ярость хлебом станет тем,
Что кормит месть, мечу давая силу!...
А контрабас зачем звучал?! Зачем?!
И без него б в тот день все так же было!

1940 г.

Твоя слеза

Меня к земле твой пригибает взор
И прерывает мой повинный лепет.
В твоих глазах - мой суд и приговор,
А между век - слезы прозрачной трепет.

¹¹ Ангел смерти.

В твоей слезе есть свет и глубина.
Она - сосуд, наполненный до края.
Не образ мой в ней отражен - вина.
Дрожит слеза, обиду не прощая.

Она не разобьется, как хрусталь,
Но на ресницах будет серебриться.
В ней целый мир растет и вширь и вдаль,
Ее секрет в твоём зрачке таится.

С испанского

Гарсиа Лорка (1899-1936)

Тамар и Амнон¹²

Луна скитается в небе,
кружит над горной долиной.
Из пасти летнего зноя
доносится рык тигриный.
Тугие нервы пустыни
железом давят на плечи,
и стелется рыжей шерстью
кудрявый воздух овечий.
Как зубья пилы на теле,
сочащейся раны мета,
и мертв горизонт, пронзенный
стрелой палящего света.

Тамар слышалось ночью,

¹² Амнон - старший сын царя Давида изнасиловавший свою единокровную сестру Тамар (Фамарь).

что в горле птицы запели.
Звучат ледяные бубны
и голос лунной свирели.
И юной пальмы стройнее,
встает на краю балкона,
давая коснуться ветру
своей груди обнаженной.
Тамар у перил балкона
Поет в тишине, нагая,
А рядом с принцессой стынет
Замерзших голубок стая.

Амнон, худой и высокий,
глаза устремил на стену.
Взвивается черный волос,
клокочет на бедрах пена.
Глядит на сестру в молчанье
глазами, полными стона.
Мечта безумная зреет
в его груди воспаленной.
Тамар перед ним сияет
своим обнаженным станом,
и отблеск сиянья виден
на лице луны чеканном.

Под утро Амнон в постели
лежит, не прикрыв зеницы,
где волны страданья плещут,
где крыльями машут птицы.
Песком красно-бурым сёла
тревожный рассвет заносит;
то взоры лучей на розы,
то на георгины бросит.

Сухие недра колодцев
безмолвие льют в кувшины.
Звучит прелюдией смерти
недобрый шорох змеиный.
Амнон, изможденный, стонет,
мечась на постели белой.
Горячий бред лихорадки,
как плющ, обвивает тело.

Тамар в тишину алькова
вошла, неслышно ступая,
прозрачным дыханьем утра,
ручьем голубым Дуная:

"Тамар, зарей ослепляя,
прильни к моему изголовью!
Воланы твои на платье
моей окрашены кровью!" -

"Оставь меня, брат! Не трогай
губами жаркими спину!
Как будто жужжит над нею
безжалостный рой пчелиный". -

"Тамар, твои груди скользки,
как две золотые рыбки,
а кончики нежных пальцев
в цветок превратились гибкий".

В просторных конюшнях царских
гнедые кони заржали.
Под яростным солнцем лозы
склонились в немой печали.

Уже разорвано платье,
и теплой струйкою алой
на вышитом царском шелке
рисуют следы кораллы.

Какие горькие крики
взметнулись великим стоном!
Какое множество туник
запело кинжальным звоном!
Чернеют хмурые лица,
как будто увиты крепом,
и бронзой мерцают бедра
под мертвым каменным небом.
И возле Тамар цыганки
с цветущей розы руками
росу собирают, плача
над сорванными лепестками.
В закрытых альковах кровью
залиты белые ткани.
Проснулись гроздья и рыбы
под флейты рассветной рани.

Вскочил на коня насильник,
стреляют солдаты с башен;
Спасаясь от мести, скачет
Амнон, безумен и страшен.
Откликнулись дальним эхом
четыре звонких копыта,
и струны Давид разрезал
на лютне своей разбитой.

* * *

Тебе не знать глубин моей печали,

и в этот час, когда ты дышишь сонно,
железный звон я слышу обреченно -
холодный голос раскаленной стали.

Напевы звезд безмолвные звучали
в моей груди тоскливым эхом стона.
И жгли наветы злобой воспаленной,
и крылья сердца твоего терзали.

А кони смерти к нам через обрывы
за нашей плотью скачут, развевая
ночным костром оливковые гривы.

Они близки, любовь моя живая!
Погибших скрипок слушай переливы:
то кровь струится, не переставая.

Феликс Куперман

Мама

Из былого, из далекого, тумана...
В час, когда и жизнь уже ни в грош,
ты опять ко мне приходишь, Мама,
и ладонь на голову кладешь.
Говоришь: "Передохни немножко.
Все пройдет, уляжется, родной...".
Как легка, тепла твоя ладошка.
Как сильна перед любой бедой.
Не припомню грустной и уставшей.
В сорок пять, и на уклоне лет.
Я тебя сегодня много старше,
но мудрее ли? Конечно, нет!..

Я уже здесь

Как много надо мне и мало,
чтоб в лоскуты порвавши с серым,
уйти от прежнего обмана,
однажды вынырнув на север.
Где над судьбой моей опальной
зеленой крыши черепица,
и на столешнице журнальной
два ломтя магазинной пиццы.
Где строчки в ворохе бумажном,
что были мертвыми доселе,
вдруг ожили и с новой жаждой
вдохнули в плоть и душу север.

Как это небо на Голанах

мне передать неловкой речью?
Всю эту щедрость звездной манны,
просыпанной с Дороги млечной?
И то, как зажигает вечер
и в ночь несет все выше, выше
наш иудейский семисвечник
Большой Медведицы над крышей.

О если бы и та одна,
звезда,
 что мне не доставало,
была хоть чуточку видна...
.....
Как много надо мне, и мало...

* * *

Вокзала щемящие звуки,
гудков тепловозных минор,
воздевший в напутствии руку
над стыком дорог светофор.
Поеду, куда ни укажет,
В любую из дальних сторон.
Возьму на перроне поклажу
И сяду в случайный вагон.
- Раз-лука, раз-лука, раз-лука... -
колеса твердят на бегу.
С тобой расставаний науку
осилить никак не могу.
Колес этих скороговорку,
недоброй кондукторши спесь,
и женщины за переборкой
стенанья в соседнем купе.
Куда и к кому ей хотелось?

- Не в ту ли разлуку что я? -
Прими, упокой наши душу и тело,
вагонная эта скамья...

.....
Но чуткий случайный попутчик
поставил поллитру на стол,
И мы языки развязали и путы,
Приняв поначалу по сто...

* * *

Когда судьба с тобой играет в прятки,
не поддавайся ей и не ропщи.
Что потерял, напрасно не ищи.
Вперед, мой друг, без скорби и оглядки!

Да, эта ночь темна. И не видать ни зги
под черным и безлунным неба кровом.
Но вот уже зардел земли изгиб.
И скоро солнце осенит нас снова...

N.

Опять душа на повороте.
А ведь вчера еще дремала.
Но так черны глаза напротив,
что мне всего сегодня мало.

Всю ночь в тебе не гаснет пламя.
Так губы влажные подробны.
А месяц, как топор над нами,
распятыми на ложе лобном.

Мне каждый миг с тобою - праздник.
Пусть даже небо ополчится.

Не страшно. Слаще этой казни
не может ничего случиться...

И дворник, и поэт

Когда выходит солнце из-за гор
и льдинки звезд, в лучах согревшись, тают,
мой друг не листья книжные листает,
а те, чем осень устилает двор.

Уже который год усердно он,
встав поутру, метет и убирает.
И только я, наверно, понимаю,
зачем вершит он этот *никайон*¹³.

Листву сметет, что ночью намело
на тротуаров каменные тропы -
и листья в поэтические тропы
преобразятся и катрены слов...

* * *

Спасибо, жизнь, за все, что было с нами, -
любовь и даже горечи потерь,
в которых, понимаю лишь теперь,
небрежливые, мы виноваты сами.

Спасибо, что испытывала нас
на совесть, честь и непоклонность власти,
что крепости учила нас ненастьем, -
я это понимаю лишь сейчас.

Спасибо за друзей. Их не бывает больше,

¹³ Уборка (ивр.).

чем верностью их каждый заслужил.
Я об одном тебя прошу, пока я жив,
Не отнимай их у меня подольше...

* * *

Так нежданно - к звуку звук,
к слогу слог, и строчка к строчке
стих, отбившийся от рук,
постулатов и наук
добежал в строфе до точки.

По чащобе без примет
он торил себе дорогу,
отнимая понемногу
у всего, что есть под Богом,
и чего еще там нет.

Взял в октябрьский неполад -
в дождепад и листопад -
у дубравы лист каленый,
переплавил в перезвоны
и, наверно, невзначай
взял в душе моей - печаль...

Мария Войтикова

* * *

От коряг отцепив якоря
В листопадной реке полноводной,
На цветных парусах октября
Уплыву за луной самоходной,
Из молчанья твоих берегов,
Из пустынности нотного стана -
В полнозвучье округлых слогов,
В перезвон переборно-гитарный.
Мне не снять твое судно с мели,
Ты не любишь ни плясок, ни встрясок.
Отправляю свои корабли
К септаккордам по терциям красок,
Вверх по осени - выверен курс -
Против быстрого времени тока,
Мима зова рябиновых бус,

Мимо ярких соблазнов - к истоку,
К зарождению русел иных
И ключей родниково-скрипичных,
Где легато - божественный штрих -
Свяжет нас, рассыпных, хаотичных,
Где на лигу - на мостик любви -
Я навешу замок необъятный,
В реку осени брошу мои
И твои неподъемные клятвы.

7 ноября

До края надежды дойдешь,
Поставишь тяжелые сумки...
Мир вырос и стал непохож
На детские наши рисунки.
На радости яркой - вуаль,
На солнце - какие-то пятна,
И девочку с шариком жаль,
И что ей сказать - непонятно.
Пусть выпустит шарик с флажком,
Мираж, красно-зыбкий, упрямый,
Пусть бросит весь свет целиком,
Чтоб крепче держаться за маму!
Но поздно... Нет солнца в углу,
Бумажное небо помялось...
Лишь голос - в ноябрьскую мглу:
"Чья девочка тут потерялась?"

* * *

А у нас во дворе
Колыхается вечное лето,
И в моем сентябре
Дни совсем не осеннего цвета!

Осень где-то вдали
Обивает чужие пороги,
Листопадом любви
Засыпает смешные тревоги.
А у нас ни тревог,
Ни на счастье особого права...
Просто тянется срок,
Догорают колючие травы.
А у нас без затей
Солнце крутит все ту же шарманку,
Пепел наших потерь
Собирая в консервную банку.
Ни дождем, ни вином
Не залить, не забыть, не развеять...
А у нас под окном
Лето в осень не может поверить...

* * *

Смоленская зима
Зачитана до дыр.
Толстенные тома,
Беззвучных строк пунктир.
Я помню наизусть
Лохматый сонный снег,

Страниц промерзлых хруст -
Серебряный мой век.
Я помню, как сейчас,
Заметки на полях,
Густые хлопья фраз,
Потерянность в снегах.
Зима не напоказ,
На запах, цвет и вкус -

Белей, чем первый класс,
Честней, чем первый курс,
Плотнее, чем пульсар,
Чем ангел во плоти!
Лишь выбрать окуляр
И резкость навести.

* * *

Перехвачено детство цветным пояском,
Пережаты желанья стальной паутиной.
Перевязана воля - нельзя босиком!
Перетянуты ноги чулочной резинкой.
Грязь домой не носи, в грязь лицом не ударь!
Все печали сметай, как и снег, у порога!
Да хранит тебя, детка, родитель-январь,
Водолеем холодным светя на дорогу!
У подружек не ешь, у чужих не бери,
Не ходи по пятам, не играй в "Третий лишний"
И не стой месяцами у чьей-то двери,
Если смотрят в глазок и отходят неслышно!
Были детские книги мои тяжелы,
Голос мамы был честен, суров и отрывист...
Я носила не туфельки, а кандалы,
Получая науки и обувь на вырост.

* * *

Из порожнего льется в пустое,
Из пустого - обратно в порожнее,
Льется время мое золотое
Все быстрее и быстрее, все тревожнее.
Никакого особого смысла,
Никакой человеческой нежности.
Так... мелькают какие-то числа,
Пролетая с божемной небрежностью.

* * *

Ну что ты забыл в моих снах?
Ведь это уже неприлично.
Вбегаешь всегда впопыхах,
Целуешь движеньем привычным.
Сквозь тонкие стеночки сна
Проходишь походкой упрямой.
И фраза "чужая жена"
Тебя не смущает ни грамма.
Небрежно снимаешь пальто,
Как будто и не было странствий.
Мы дома, во времени том,
Где так совпадали в пространстве!
Букетик цветов на столе,
Янтарного цвета варенье,
Застыло прозрачным желе
Разлитое в комнатах время.
Здесь каждая мелочь мила.
Здесь все сохранилось - по списку.
Соседи подскажут: " Жила...
Жила тут любовь. Без прописки.
Была да сплыла. А куда?
Кто знает? Ну... съехала вроде...
Все в мире течет, как вода..."
И что-то еще в этом роде.
Мы ходим во сне в этот дом.
Там счастье давно пролисталось.
Там цел наш семейный альбом,
И пара страничек осталась.
Осталась... Что ж, так тому быть.
Но снится, и снится, и снится...
Мы рвемся в наш дом - долюбить,
Заполнить пустые страницы.

* * *

Колыбельные песни ветров
Укачали наш маленький город.
Задремали под музыку горы,
Затерялись в безмолвии снов.
Неужели их сны, как мои,
На ковры-самолеты похожи?
Неужели им хочется тоже
Оторваться от цепкой земли?
А во сне даже горы легки.
Никаких весовых категорий.
Это днем они - грузные горы,
А ночами они - мотыльки.

* * *

Не бойся, сынок, я с тобой!
Какие бы ни были вести,
Твой дом остается на месте,
Есть стены, защита, любовь.
Есть место, где можешь присесть,
Устав от привычного бега.
Сильнее любых оберегов -
Есть мама. Пока еще есть.
Ты можешь быть здесь или там,
Ты можешь ходить где придется,
Любовь моя следом крадется,
Идет за тобой по пятам.
Она никуда не зовет,
Не ищет полегче дорогу,
Не водит в ошейнике строгом,
А шепчет, что все заживет.

* * *

Закончился день, закрывается книга,
Сливаются буквы, теряются смыслы,
Вечернее небо с оттенком индиго
К себе приближает и путает мысли.
Безлюдно, безлунно, беззвездно, бездонно.
Дома растворяются в синих чернилах.
Спускается ночь осторожно и сонно,
И я от нее увернуться не в силах.
Так надо. На время. Прилечь, затаиться,
Уснуть, переждать и дожить до рассвета,
Чтоб утро открылось на новой странице
Легко узнаваемым старым сюжетом,
Чтоб кофе дымился - две ложечки с горкой -
И действие шло - обязательно в лицах,
И чтобы мой кофе казался негорьким,
И чтобы мне было к кому прислониться.

В стиле хокку

Анатолий Анимица

Лунная ночь в феврале.
Скоро опять весна
Нашей встречи с тобой.

След улитки блестит
В свете полной луны.
Знаем, куда пошла.

Над лилией в белом кимоно
Майко¹⁴ склонилась.
Бабочка на плече.

Старая гейша спит.
В серебряных волосах
Запутался лунный луч.

Марина Симкина

Мальчик бродит по луже
в ластах и резиновых сапогах...
- Улыбнулись друг другу.

Кошка потерлась о собаку,
Идущую с хозяйкой домой:
Возьмите в дом и меня.

Встретились через много лет.
Рассказали друг другу жизнь -
Будто не расставались.

¹⁴ Ученица гейши.

Диптих - Лидия Анимица

Старые вещи
Обладают душой -
Как их выкинешь?

Елена Шелкова

Изогнутый ствол.
Старого дерева стон
Слышат птицы.

Темное море.
Чуть слышен плеск прибоя.
Тонкий серп луны.

Весенний ливень.
Щедро мокрые ветки
Роняют капли.

Полевой цветок
Теплоту и свет лета
Хранит на сухом стебле.

Отара камней
взбирается в гору.
Весенний Кармель.

Дерево персика
пышно цветет весною
во славу Ван Гога.

Серым вечером
клички воспоминаний
вернули тебя домой.

Альберт Ноткин

Мой Акко

Израиль чудесен,
Здесь множество песен,
Но я путеводного знака
Не жду - про тебя я
Напев свой слагаю,
Мой город у моря, мой Акко!

Там - мощные стены
И улочек вены,
Струятся людские потоки.
Волна за волною -

Мой град из прибоя,
Из пены встает на востоке.

Дворцы и базары,
Прилавки, товары,
Проулки, а рядом - причалы.
О битвах, галерах,
Купцах, тамплиерах
Расскажут подземные залы.

Израиль чудесен,
Здесь множество песен,
Но мне путеводного знака
Не ждать - про тебя я
Напев свой слагаю,
Мой Акко, мой сказочный Акко!

Фракталы –
работы
Альберта
Ноткина

Диана Беребицкая. Театр

1. Замысел

Тучи светила ветхому
Нимб облизали налысо:
Тусклой висит монеткою,
Только намек на замысел.

В рубище пилигримовом -
Тучах, повисших космами,
Зреет почти незримая
Суть - виноградной косточкой,

В мякоть небес - просвечивать -
Чьей-то рукой заброшена.
Щурятся веки вечные,
Веет теплом, и может быть,

Жизнь - назови пригожею
Или дрожи затравленно -
Только пролог, приходя,я,
Вешалка театральная.

2. На колосниках

Сердце взвизгнет,
забыв манеры,
Не скрывая
щенячьей радости:
Надо мною
движется небо -
Необъятная
декорация.
Как беспечно:
без
заземленья,
И поэтому
не
низменны,
Неизбывны
и неизменны,
Там искрят,
замыкая,
истины!

3. Оркестр исполнения мечты

М. В.

Оркестр исполнения мечты,
Исполненный такого вдохновенья,
Что дирижер парит под потолком,
Вздывая фалды, что виолончели

Окутывают бархатом живым
Сухую кожу. Льдистый голос флейты
Прохладу льет, сладчайшей дрожью - арф
Прикосновенье. Скрипки и гобой

Щебечут на ветвях, урчит фагот,
Зарывшись медвежонком в ежевику,
И, оседлав призывный луч трубы,
Хохочет ослепительное счастье.

4. За сценой

Понедельник. Балет пылинок.
Ликованье в луче сквозном.
Полуслипшиеся кулисы
Влажных век, утомленных сном.

Пятен палевая палитра,
И прохладой по глади лба -
Ласка - лодочка. Здесь разлиты
Лень и легкость, всплески забав,

Сладость, нежная невозможность
Пробужденья. Зависший миг...
Аскорбинка яркой мимозой
Веселит и дразнит язык.

Укоризненно солнце взглянет,
До угла лизнув по стене.
Ты не в школе. Лекарство в склянке.
Капли. Градусник - леденец.

Пол холодный. Босые ножки.
И с разбегу из-за кулис
Чистотой - в ледяную пошлость,
Лбом - в пустую, жесткую жизнь.

5. В паузе

Пиано дрогнет -
Пауза.
Но пальцы
Неслышимой мелодией полны,
И музыка растянута на пальцах
Рыдающей беззвучно тишины,

Как паутинка.
Трепетность вибрато,
Печалью осенив мотив простой,
Уходит, словно в угольную вату,
В мерцанье антрацитовых пустот.

6. Фуэте

Удушливый тяжелый бархат
В ресницах блеклой бахромы,
Витые кисти - аксельбанты,
Дыханье гулкой полутьмы,

Пустые ожидания кресел,
Презрение кариатид.
В лучах, на лобном перекрестье,
Себя руками обхватив, -

Живое *тремоло*¹⁵: от кромки
Крахмальной пачки - до ресниц,
От струнной дрожи - и до грома,
Подстать ему и вровень с ним.

В безвременье холодных пауз
Сорвется, вынырнет, затем
Опять на хромоту сбиваясь
На тридцать первом фуэте¹⁶.

7. В антракте

Молчали, потрясенные игрой,
Курили, сизым разбавляя вечер.
Свивался дым сатурновым колечком,
Напоминая округленный рот.

И было Слово первой из планет,
Звенела жизнь, прекрасна и бесслезна.
Я думала, что, может быть, не поздно
Театр покинуть, оказавшись - вне.

Был крапчат бутерброд, как мухомор,
И млели в масле бусины икринок,
И флиртовало время так игриво,
Обманчиво не торопя домой.

Шампанское шептало: "Веселись!"
Хрустальный фейерверк слепил без меры.

¹⁵ Тремоло (итал.) - "дрожащий"; прием игры на музыкальных инструментах.

¹⁶ С начала XX века 32 фуэте - неременная принадлежность классического балета.

Ковровая дорожка красным змеем
В воронку лестниц увлекала - вниз.

8. Маска

Догадка хрупкая сверкнет
Среди случайных встреч.
Чужой. Но только... скобкой рот,
Но - волосы до плеч,

Но бледность длинного лица...
Сквозь грим, в окошках глаз -
Душа, уставшая мерцать.
Пьеро! Узнала Вас.

Не балахон на этот раз,
Шипов терновых нет,
Но суждено нам отыграть
Заезженный сюжет.

Мы можем только подсластить
Прописанную роль,
Меня ракурс или стиль,
Держать удар, свечу нести
И ставить на "зеро".

9. Репарка

Судьба из зала бросит пару реплик:
Кем в жизни никогда уже не стать.
Смирюсь. Повисну канцелярской скрепкой
На уголке зеленого листа.

10. Забытый рояль

Черный горбун в углу - смирный, немой жилец.
Лак - амальгамой луж. Словно облезлый лев,
желтый оскал - клыки - щерит, линиялый франт,
всеми забыт, поки-нут и стыдится ран.

Он заблудился в джун-глях обступивших лет,
съежился и пожух. Высмеять? Пожалеть?
Ах, до чего нелеп! Блеском вороним грань...
Может быть он не лев, хриплый треногий грач?

Цело его крыло, фрак элегантный цел,
только в груди - надлом, только вот голос - сел.
В цепком плену простуд вечно молчать решил,
старится на посту, не покорив вершин.

Лапу, мой старый друг! Мой невозможный шанс
возобновить игру, клавишами шурша.

11. Силой воображения

Мелкий дождь...

Да, нет же! Это брызги
Теплых волн, до сладости соленых,
Долетев благословеньем лета,
По щекам слезинками стекают.

Фонари?..

Да, нет же! Это звезды
В театральной искренности неба
Заблестали, властно раздвигая
Южной ночи знойные кулисы.

Дымный смрад?

Да, нет! Пьянящий воздух,
Колокольный, полный голосами.
Мука жизни?

Что вы! Очищенье
От житейской скверны неизбежной.

Зим неизлечимое проклятье
Над судьбой?

Не стоит. Это просто
Чистое и светлое от снега
Вечное мечтание о лете.

12. Играя короля

Еще кулисы таинства полны,
Послушен зал, еще сюжеты новы,
Но манна снизошедшей тишины
Тебя благословит на полуслове.

Качнется сцена. Поплывут пажи,
Балы, интриги, тризны и парады...
Повремени. Собою не спеши
Прикармливать распяленную рампу.

Пока скрипит вращающийся круг,
И цепенеешь, времени внимая,
Сценарий, ускользящий из рук,
Не стоит напряженного вниманья.

Еще в корзинах солнечных садов -

Твои - цветы, шампанское фонтанов.
Пусть время пчел - не бабочек - зато
Созреет мед, налившись духом пряным,

Зато - неторопливый листопад,
Зато - над угасающим Версалем
Раскручивает красный акробат
Коронное, немислимое сальто.

13. Автограф

Солнечный пух на щеках,
Веки от ветра мокры,
И неизменны в веках
Правила этой игры.

И напряженным лучом
Мы прожигаем свой след,
Чтобы сиял горячо
Росчерк его на земле.

Георгий Гоциридзе

* * *

Миллионом чужих одиночества снов
Полон, сам от себя ничего не имея,
Затеваю глухую сумятицу слов,
От стыда за себя пред собой багровея.

Лишь бутылка в мозгу проржавевший курок
Ненадолго возводит пружиною хилой,
Чтоб потом, осыпая, как с пятки песок,
Мозг в асфальт закатать перед входом в могилу.

Накануне столетия трех четвертей,
Изнывая от приступов старческой лени,
Что скажу на Суде? Что бессмысленность дней
Не сумел заменить на бесценность мгновений!

Что в тщеславном вниманье к звучанию тем
О грядущих бесчисленных тысячелетях,
Мне в реальность за гробом обещанных (кем?
То ли Господа слуг, то ли дьявола речью),

Я забыл, я презрел, я отверг, растоптал
Луч зари, сок лозы, блеск росы, променял
Радость ночи и дня, золотого огня
На мечту, что бесспорно обманет меня.

* * *

Кому все это нужно и зачем?
Кто скажет? Ожиданье смерти
Не менее естественно, поверьте,
Бессонной ночи ожиданье чем.

Я лишь сегодня осень ощутил.
Прохладней стало. Жуть ближневосточья
Немного мягче стала и короче,
Я в душ сегодня только раз сходил.

Но если говорить об ожиданье,
То тут у смерти есть приоритет:
Большой профит есть в достиженье черт,
За коими исчезнут все желанья.

* * *

Я завешу окно,
Я залягу на дно,
Я приму за двоих,
Чтобы сразу затих.

Наклонюсь - упаду,
Если встану - пойду,
Если нет - прорасту,
Превращусь в бересту.

В бересте - от тоски
Развалюсь на куски,
На частицы - и в ад
Канет атомов ряд.

Я завешу окно,
Я залягу на дно,
Но в конце все равно
Прорасту как зерно.

* * *

Закрой глаза - бегут фантазии

Меж веком и зрачком.
Живут там жертвы эвтаназии,
Толкаются бочком.

Там бродят неликвиды парами,
От сырости дрожа,
Потом гремят костями старыми,
На простыни лежá.

Пустыми в межсезонье пляжами
Проходит их межа,
А ночью не приснится даже им
Былого ни гроша.

А помнишь, исходили жарами,
Шептали чуть дыша,
И ресторанами и барами
Водили ночь, греша!

Наядами, хмельными Панами
Резвились у ручья,
И были так по барабану нам
Заботы старичья!

Ах, обернулось все кошмарами,
Прошло, моя душа!
Ну что ж, зато теперь мы парами
Гуляем не спеша.

* * *

Дыханье - жизнь, смерть - бездыханность -
Такая данность.
Дыхание, когда вполсилы -

Невыносимо.
Но в прекращении дыханья -
Конец страданья.
Так рыба, наглотившись нефтью,
В ладу со смертью.

* * *

В старости соединенье
Тела с простынью дороже
В юности прикосновенья
К гладкой нежной женской коже.

Тут - покой и отрешенье,
Там - смятенье и волненье,
Как они не схожи!
Но покой - дороже.

* * *

Осенним шорохом ветвей ,
Собачьим лаем,
Звонящим светом фонарей
Обуреваем,

Я громко прокричал - "Пусти!"
Кому - не знаю,
И этот крик в себе нести
Я продолжаю.

И в этом крике будет свой,
Я знаю наперед,
Любой сосны тональный строй,
Любой звезды аккорд.

И смысл в ней тот же,
Что в любом шедевре, данном
Душе твоей по милости и воле
Всевышнего, не больше и не меньше,
Чем в звездах или галактике - Вселенной.
И что бы ни было и ни происходило
С тобою - помни "LACRIMOSA".

* * *

Нет ничего, что предвещало б
В конце пути -
Чему-нибудь помимо жалоб
Произойти.

Мой смысл сокрыт, он за пределом
Земного дня,
Постичь его душой и телом -
Не для меня.

* * *

Распорядилась старость жутко,
Уходит свет, приходит тьма,
И несварение рассудка,
И недержание ума.

В беззубом рту - тупая шутка,
В мозгу - сплошная кутерьма,
И недержание рассудка,
И несварение ума.

* * *

В момент ночной тиши мы все равны,
Цари, убийцы, сумрачные дети
Отчаяния, радости сыны,

Мгновенья жертвы, баловни столетий.

В предсонный миг дано нам перевозмочь
Невыносимость лет и расстояний
Привычной жизни, превращает ночь
В ничто разнообразие желаний.

Замри! В расположении локтей,
Спины, коленей зафиксируй точку
Вращения вокруг оси своей.
Нам вместе жить, нам гибнуть в одиночку.

* * *

Мне не присниться грешнику в аду,
Кобыле в стойле, лешему в овраге,
В больничной койке в сон не забреду
Умалишенному бродяге.

И наяву не скрасить мне ничей
Досуг, ни дома и ни в храме Божьем,
И никому из сумрака ночей
Не осветить дорогу в бездорожье.

Мой жребий пуст и прост, и на пути
Моем все остановки без названий,
И с этих рельс составу не сойти,
И никаких воспоминаний.

* * *

Явь сменяю снами -
Сменяю местами,
Шило на мыло,
Сон на могилу.

Ночью, как прежде,
Место надежде
Правда уступит,
Ночью наступит

Странное время,
Время глухое,
Время для воя
И для разбоя.

Там, за пределом
Зноя дневного
Ты не хотела б
Свидеться снова?

* * *

Сон и явь переставь и
Поменяй их местами,
Сразу радостней станет,
Жизнь иная настанет.

В смех слеза обратится,
А чудовище - в птицу,
И тропинками рая

Пробежишься, играя.
Вмиг исчезнет былое,
И возникнет иное,
То, что в детстве мечталось,
Но за дверью осталось.

А пока суд да дело,
Постаревшее тело

Заверни в одеяло -
Оно очень устало.

* * *

О бешеная ночь! Как тишина всевластна!
Как ломится она в открытое окно!
Я что-то делаю, бездействие опасно,
Но смысл моих деяний позабыт давно.

Я прихожу домой, я пачкаю посуду,
Я вешаю белье и плачу в три ручья.
Молчит мой старый дом, и я молчу, покуда
В моем сраженьи с ним - достойная ничья.

* * *

В истоме тело тая,
Сегодня не болит,
Таблетка золотая
Смягчает мой артрит,

И сон одолевает.
Тонка и горяча,
Под утро истлевает
Субботняя свеча.

* * *

Долгов своих скрыть нам, увы, не удастся,
Настигнут повсюду нас заимодавцы,
Настигнет возмездие, кайся не кайся,
Оно неизбежно - и не удивляйся.

Уж лучше не кайся: то раньше на плахе
Грехи нам прощали попы и монахи.
Сегодня ж не сыщешь подобных инстанций,

Ждут грешников кары, а праведных - танцы.

* * *

В наборе слов, случайно,
Удачно чрезвычайно,
Отторгнуты от смысла,
Мелькают буквы, числа.

В потоке слов бесславном
Бессмысленней о главном,
Безжалостней о прошлом
Не скажешь и нарочно.

* * *

Меж странами и континентами
Лежат большие расстояния.
Меж тела моего фрагментами -
Не меньшие, когда во пьяни я.

Там от ключицы до ключицы
Немеряными километрами
Мелькают лица, мчатся птицы
И бури завывают ветрами.

От пятки и до переносицы
Ночами чуткими, бессонными
Разносятся разноголосицей
Распространяемая волнами

Тоска, вопросы безответные,
Воспоминанья невесомые
И совершенно беспредметные
Желанья и виденья сонные;

Там кровеносными сосудами -
Пути железнодорожными
Бескрайними, - гремя посудами,
Прносятся пустопорожними

Вагоны противостояния,
Заполненные рудиментами,
Большие, словно расстояния
Меж странами и континентами.

* * *

Четверть века из трех четвертей
Я все те же ступеньки считаю,
Волю ангелов или чертей,
Но никак не свою выполняю.

Я не могу сказать: "Я выбрал,
Я сделал выбор, я решил",
А тот, кто выбрал - не спешил
Со мною разделить сей выбор.

* * *

Все, что было ясно нам,
Стало бестолково,
Все слова затасканы,
Не осталось слова,

Все, что было сказано, -
Повторил стократ,
Все, что было ясно нам,
Стало невпопад.

* * *

Не пишется, и не строчится,
И не летается - не птица!
Скорей, ползется - как мокрице,
И лишь забывается

Мечтается. Со дна колодца
Ни звезд не видно и ни солнца,
Мне птицею бы об оконце
Не расколоться!

Яков Басин. Один день - и вся жизнь. Моноспектакль

Памяти матери посвящается

1.

- Здравствуйте, здравствуйте. Вы, наверное, ко мне. И вы, конечно, врач, да? Объявление по радио, да? Ах, как нехорошо: столько шума. Я же просил не беспокоить... Вот-вот будем в Симферополе, там меня встретят, отвезут... Вы из какого вагона? Из пятнадцатого? Ай-яй-яй, так далеко шли. Нет-нет, уже не болит. Только когда ворочаешься, болит. Присаживайтесь. И прикройте дверь, пожалуйста: люди ходят, заглядывают. Неудобно. Все волнуются. Такие хорошие люди. Вот и мои соседи по купе куда-то ушли. Столько суматохи. Столько внимания моей персоне, а она этого совсем не заслуживает. И вообще я что-то задержался на этом свете. Пора мне уже идти на встречу с моей Минной.

Хотите меня посмотреть? Зачем? Сердце все равно далеко, а у вас, я вижу, ни послушать, ни давления измерить.

Вы едете отдыхать или по службе? Отдыхать? В Ялту? В Мисхор?.. Ах, в Симеиз. Я понимаю. Очень хорошее место. Один? С женой? Даже с дочкой? Это замечательно. Впрочем, что тут замечательного? Сейчас это такие деньги, что выгоднее ехать прямо на Гавайские острова... А что это вы решили в сентябре? Бархатный сезон? Ах, так отпуск дали. Ну, конечно. А дочка? Она что, в школу еще не ходит? Шесть лет. Да, еще бы, в будущем году уже надо будет проситься в отпуск летом. А дочка, слава Богу, здоровенькая? Бронхит. Я так и думал.

...Мой пульс? А что он вам даст? Пульс как пульс. У всех людей пульс, и у меня тоже... Что вы говорите?! Даже давление по пульсу?! Подумать только! И нарушения ритма?.. Впрочем, когда у меня семь лет назад был второй инфаркт, тоже все время говорили о каком-то нарушении ритма. Ничего, Минна меня узнает и без ритма, и без давления, и даже без пульса. Главное, чтобы сердце у меня было с собой. Вообще, когда что-нибудь случалось и я бывал виноват - а у еврейских женщин всегда муж во всем виноват, - она говорила: "Какой ты, Айзик, все-таки бессердечный!" Для нее это был самый великий грех...

Что? Помолчать? А вы представьте, что это я сам с собой так. Приятно, знаете ли, поговорить с умным человеком. Теперь это со мной часто случается. Особенно, когда я рядом с Минной. По пятницам. Я захожу за оградку, закрываю калиточку, сажусь на скамеечку и остаюсь с ней наедине. И говорю, говорю... Да, с собой, конечно. Я же все понимаю... И все-таки с ней тоже... Пятого ноября будет шесть лет... Это я свой второй инфаркт пережил, а она - нет.

Не надо много говорить? Хуже для моего сердца? Хуже уже ничего не будет. А насчет "говорить"?.. Так это же я вслух не буду говорить, а про себя же я все равно буду... А вы вот что: вы не слушайте. Зачем вам мои цорес? У вас, наверное, своих хватает... Вы не знаете, что такое "цорес"? Счастливый человек: он не знает, что такое "цорес"! Цорес, мой хороший, это то, что каждому подходит без примерки... Нет, я не портной, я - бухгалтер.

...Вы врач по какой специальности? Хирург? Какая нужная у вас профессия. Ах, вы вообще военный врач?!.. Это же

надо... У меня старший сын - тоже врач.

...Доченька, милая, не надо никого извещать. Меня на вокзале встретят. На машине. Племянник... Что? Будет лучше, если "скорая помощь"? Может быть, вы и правы. А как вы сообщите? По радио? Подумать только, в наше время с паровозов сбрасывали сообщения на таких огромных обручах. Никогда не видели? Ну откуда вам видеть? Вы ведь такая молоденькая, хорошенькая...

Фамилия? Пишите: Школьник. Да, это фамилия такая. Зовут? Аркадий Александрович. Только... Вам же, наверное, надо, как в паспорте? Тогда пишите: Айзик Аронович. Это легко пишется, вы не ошибетесь. Записали?.. Лет? Не надо указывать, доченька, сколько мне лет: врачи не любят ехать к больным, которым больше восьмидесяти пяти лет. Спасибо, дочурка, спасибо...

...Почему я еду один?.. В Москве меня посадили - в Симферополе встретят... Я ведь домой еду... Правда, в этом доме, кроме меня, уже никого нет... Я понимаю ваш вопрос: в моем возрасте одному лучше в такое путешествие... Но я же не на экскурсию в Москву ездил. Я с дочкой прощаться ездил. И провожать ее. Навсегда. И внуков. Любименьких моих...

Хотите открыть дверь? Душно? Я понимаю, но, может, лучше окно открыть? Правда, те, кто со мной ехали, уже пробовали, но вдруг... Не получается, да? Жалко...

Знаете, молодой человек, вы идите. Не надо возле меня сидеть. Вас жена ждет. И дочка. Скоро Симферополь - вам надо спешить. Приедете в Ялту, а там уже темно. Сейчас так рано темнеет. А вам еще до Симеиза... Это тоже не близкий свет. А у

вас там адрес есть? Да?! Это меняет дело. Хорошо, когда знаешь, куда едешь. Хуже всего - неизвестность. Вот мой сын уехал в неизвестность...

Знаете, что я вам скажу? Зачем вам ехать на ночь глядя куда-то к черту на кулички? Ну что "такси"? Так вам и захотят эти "такси" ночью ехать на побережье! И потом, знаете, какие это сейчас деньги?! Без гроша останетесь. А так - заночуете у меня. Душ примете. Я один. Вы мне понравились. И жена ваша мне понравится. Вы откуда? Из Северодвинска? Где это?.. Подумать только... Ну, так как? На вокзале уже машина будет, нас отвезут. Что? И "скорая помощь" тоже? Да, я не подумал... Все-таки считаете, меня заберут в больницу? Не знаете? Ну конечно, без анализов, без кардиограммы... Сколько длился приступ? Наверное, час. Или больше. Нет, не помню. А это имеет значение?

...Нет, мне нельзя инфаркт. Третий инфаркт - это плохо. Я понимаю, что и первый не сахар, но третий... Раньше так было с третьим приступом аппендицита. Впрочем, этого, хоть вы и доктор, можете не знать. Помню, до войны говорили: первый приступ аппендицита - это еще можно пережить, второй - это лучше под нож, а третий - это уже или хирург, или погост... Сейчас так с инфарктом: третий - это уже на погост... Он смеется... Что, не так? Живут и с третьим инфарктом?.. А! Какая это жизнь после третьего инфаркта! Конечно, это намного ближе к Минне, но разве это жизнь?!

Все-таки вы идите. Я вам обещаю, что до Симферополя я не умру. Если умру, так только дома. В крайнем случае, в больнице. Но в поезде?!.. Это такие хлопоты людям! Вот и вам тоже... Вы в каком вагоне едете? Ну да, в пятнадцатом, я помню, но в каком: купейном, плац... В плацкартном? Так переходите

все сюда! Я же здесь один.

Ну что вы меня все время успокаиваете! Мне ничего не болит... Ну, почти не болит. Вот сейчас еще одну таблетку от сердца приму - и все в порядке... Видите, какая у меня с собой аптека? Всем аптекам аптека. Я же инвалид войны, так любые лекарства - мои. И совсем бесплатно. Правда, я эту свою привилегию лучше врагам уступлю. Пусть они лечатся. То есть пусть у них болячки... Ну, вы понимаете...

Будьте добры, налейте мне чуть-чуть зельтерской... Какая теплая, противная вода. И газ весь давно вышел. Что покупать? Кока-кола?.. Не люблю я что-то эту химию...

...И все-таки напрасно вы возле меня сидите. Видите, я совсем здоровый человек. Ну, хорошо, хорошо, не совсем здоровый, но и не такой больной, чтобы ему нужна была нянька. Ничего себе нянька - дипломированный врач, к тому же хирург. Что? Недипломированных врачей не бывает? Я знаю, но так говорят... Идите, вас ждут. Что "долг"?! Долг долгом, но если у врача нет даже трубочки, не говоря уже о шприцах и ампулах... Смешной человек...

Нет, все-таки вы мне очень симпатичны. Знаете, у меня в Симеизе есть друзья. Мы с Минной иногда наезжали туда. Хотите, я позвоню вечером? Я же могу даже из больницы позвонить. Или записку написать. Все, все! Я уже не волнуюсь, хотя поволноваться за такого симпатичного человека совсем не грех... Ему смешно... Ну, ладно...

Как вас зовут? Улдис?.. Как интересно... Латыш... Понимаю, что не еврей... Как вы смело: "Латыш". Вы всегда так смело говорили? Счастливцев. Хотя... Я тоже могу смело

говорить, что я - еврей. Уже могу. Правда, еще не гордо, но уже смело. Не Бог ведь что за достижение, но...

Вы знаете, я часто бывал на коллегии своего министерства. И министр меня знал: все-таки главный бухгалтер крупного треста. Но я всегда садился сзади. За спины. Мне всегда казалось, что мой длинный нос там совсем ни к чему... Нет, вру. Наоборот, я считал, что это члены коллегии так считают... Хотя, вполне возможно, что я ошибался... Теперь бы я уже не прятался за спины. Только где сейчас найдешь еврея в руководстве крупного треста?

А почему вы все время молчите? Хотите сказать, что я и за себя, и за вас? А может, вам неприятна болтовня старого еврея? Хорошо, я буду молчать... Нет? Не неприятна? Тогда что? Ах, мне нельзя волноваться! Но я же все равно буду волноваться, говорю я с вами или нет... Все, все, я уже спокоен. Я совершенно спокоен.

Помогите мне, пожалуйста: положите под подушку мой портфель. Будет выше. Взять подушку со второй полки? А это можно? Ну...

Скажите, Улдис, а как ваша фамилия? Розенберг?.. Очень интересно... Нет-нет, я ни на что не намекаю, просто... Розенберг - это же еврейская фамилия! А? И немецкая тоже? Да, в общем... Он смеется... Как говорила моя Минна, кому - смех, а кому - гелехтер... Что такое "гелехтер"? Это... Это тоже смех, только горький...

Что вы, что вы, Улдис! Я совсем не хочу, чтобы вы были евреем. Боже упаси! В наше-то время... Но я просто как-то больше привык общаться с людьми, которые знают, что такое

"гелехтер"... Почему? Это уже интересный вопрос... Еще что "почему"? Почему меня по паспорту зовут так, а на самом деле иначе?.. Верно, Аркадий Александрович. А по паспорту - Айзик Аронович. Не так звучно, но и совсем не безобразно... Зачем? Не знаю, что и сказать...

Ну, хорошо. Вот у меня сосед - Израиль Маркович Гликман. Намного моложе меня. Несколько лет назад, в пятидесятилетнем возрасте, вздумал поменять имя. Уж не знаю как, с трудом, но поменял. Теперь он не Израиль, а Илья. Илья Маркович. Хотя его все равно все зовут по-старому: Изя. Так зачем ему все это, спрашивается, понадобилось? Что это изменит? Я у Изи так и спросил. И знаете, что он мне на это ответил? "Мне уже все равно, - сказал он, - а вот моему Мише не все равно будет он Михаил Израилевич или Михаил Ильич". Улавливаете?..

Как говорила моя Минна, если Хая - Клара, то Хаим - кларнет... Кстати, Гликманы недавно уехали в Израиль, а там не только отчества отсутствуют, но и вообще Илья уже теперь не Илья, а Эли, а его Миша уже не Миша, а Моше... Но тогда, когда Изя менял себе имя, он еще об этом не думал.

Да-а... Моя Минна... Нет моей Минны, и некому меня выслушать. И некому меня поправить... Минна мне всегда говорила: "Айзик, ты - булах! Что ты понимаешь в жизни и в людях!".. Минна понимала и в жизни, и в людях, и она умела объяснить мне, в чем я - булах, а в чем нет. Сколько глупостей я мог в жизни натворить, если бы не Минна!.. Что такое "булах"? Ну, дурак, наверное... Ах, Улдис, Улдис! Если бы все в жизни было просто: вот черное, вот белое. А куда деть серое? Айзик - Аркадий... Хая - Клара... В послании апостола Павла к галатам сказано: "Нет ни эллина, ни иудея". То есть все люди равны...

Вы представляете? Даже две тысячи лет назад людей мучили те же проблемы. Как все сложно... Как сложно...

Откуда я знаю христианство?.. А откуда я знаю иудаизм? Не знаю я ни христианства, ни иудаизма. А вы знаете? Нет? Так что вы у меня спрашиваете?.. Так, читал где-то. А вообще, откуда нам это было знать?! Опиум же для народа, да? Да, вы правы, не будем об этом. Такой разговор, и в самом деле, - сплошной гарцевейтык... От него сердце болит... А от чего нынче сердце не болит?.. Извините, Улдис, но я и вправду немного устал. Я помолчу, ладно?..

2.

- Спасибо, дочурка. Спасибо за все. Видишь, я совершенно здоров. Я даже сходил в туалет, и мне не стало хуже. И поспал. Гихапт а дремл, так сказать. Нет-нет, помогать мне уже не надо. Оставайся у себя: видишь, к тебе все время народ идет. Значит, ты нужна людям, и это прекрасно. А я справлюсь сам как-нибудь. Тебя не устраивает "как-нибудь"? Хочешь посидеть со мной? Посиди. Ты такая внимательная. И такая молоденькая. Наверное, потому и внимательная, что молоденькая. Ой, какие сейчас люди грубые, озлобленные. Поработают немного вот такие же молоденькие - продавщицы, медсестры, проводницы, - и начинают на людей кидаться. Это же трагедия: куда ни пойдешь, на тебя везде бросаются...

А что это мы стоим? Ах, поезд дополнительный, всех и пропускаем?! Ясно. И опаздываем? Почти на два часа? Ай-яй-яй! Я даже не подумал об этом. А ведь столько людей едет на взморье. Как же они ночью добираться будут-то, а? И этот мой доктор тоже... О, легок на помине! Я только вспомнил, а он - тут как тут! Я думал, мы уже не увидимся. Жив, жив я... Я вам так

признателен... Да, а вы знаете, что мы опаздываем на два часа? Как же вы на ночь глядя-то, а? Поэтому давайте... Ой! И кто это там с папой пришел? И кто это там из-за папиного пиджака выглядывает? Ну, подойди к бабушке. Ах ты, "нос-курнос, жаба маринованная"! И как эту курносую зовут? Бэлла? Бэллочка, значит?! Ах ты, хорошая моя! И имя какое... А ты знаешь, у меня тоже внучка Бэллочка есть. Только я ее всегда Белкой звал. Можно, я тебя тоже Белкой звать буду? Нельзя? Почему? Потому что белки в лесу живут? Ну, раз так...

Ах ты, незадача: и ничего-то у меня с собой нет, и нечем мне тебя угостить. Подумать только: ни апельсина, ни конфеты... Как это "не надо"?! Очень даже "надо"!..

Вы знаете, Улдис, когда мы с Минной куда-нибудь ехали, у нас всегда с собой было что-нибудь вкусенькое. Минна специально готовила. Пирог с маком или струдель. Струдель? Это тесто такое слоеное с маком и с изюмом... Угощали всех. Это так приятно - угощать людей вкусеньким. Люди добреют. На глазах другими становятся. Как будто отходят от чего-то очень тяжелого.

Знаете, сейчас это не так заметно, хотя и с продуктами не хуже, только подороже все стало, а раньше, когда люди меньше ездили, рефлекс такой был: как только поезд отходил от станции, все садились кушать. Мама разворачивала клунки, начинали кормить детей. И аппетит у всех вдруг появлялся. Как с голодного края... И моя Минна тоже так... Она это называла "кормежкой зверей"... И готовили заранее: курятину варили, яйца... А Минна еще и струдель пекла...

Ах, Минна, Минна... Разве сейчас кто-нибудь сделает такой струдель, как моя Минна делала?!

Уходит целое поколение... Да что поколение! Целый народ уходит! Можно сказать, целая цивилизация!.. Да, вы правы: язык, традиции. А секреты кухни?!.. Когда Минна на Первое мая или на октябрьские готовила праздничный обед, мы все - я, дети, внуки - целую неделю жили в ожидании чего-то особенного: цимес, эсыкфлейш, бульон с галками из мацы... Фаршированную рыбу? Ну конечно же!

Да, вы правы: русские тоже научились делать фаршированную рыбу, только... Не обижайтесь, но разве может сделать гефилте фиш кто-нибудь так, как это делает еврей? Это все равно, что... С чем бы сравнить? Ну вот, смотрите: мы - русские, евреи - плов варить научились? Научились. Но разве у нас получится такой плов, как у таджика из Ленинабада?

Моя Минна с детьми всю войну в Ленинабаде провела. Работала на военном складе, а по ночам галоши для какой-то сапожной мастерской клеила. Выжила, в общем. Так вот, ее таджики научили плов варить. Спасибо этим людям. Конечно, не только за плов. Они жизнь ей с детьми спасли. Минна шла на свой склад, а дети у соседей оставались. Рувке ж и вовсе годик был. И оба мальчика моих остались живы. Ну, да что теперь говорить!..

Плов Минна очень хорошо готовила, но все-таки говорила: "Нет, Айзик, так, как Тутышка, я плов никогда не сварю". Тутышка - это ее соседка в Ленинабаде была. Минна часто ее вспоминала. Очень много та для Минны в те годы сделала. Поклониться бы ей в ноги.

Но как готовила моя Минна! Как она любила это делать! А вот нынешние молодые еврейки, я смотрю, кухню не любят.

Им бы что-нибудь на скорую руку состряпать - всухомятку - и скорей к телевизору. Не дай Бог какую-нибудь "Барбару" пропустят - скандал будет, солнце остановится. Прямо помешались на этих сериалах. Они ж ни о чем другом и не разговаривают... А потом жалуются: дети плохо едят, у детей гастриты-колиты...

О, двинулись, наконец. Пошло дело... Надоел я вам, наверное, Улдис, а? Старый брюзга со своими бобе майсе... Кстати, Улдис, когда мы приедем, будет совсем темно, так что помянете мое слово: заночуете вы у меня. К черту "скорую помощь"! Мне уже ничего не болит. Жалко только, поезд такой медленный...

Ох, сколько на моей памяти таких медленных поездов было! Например, в войну. Военские эшелоны "зеленой улицей" шли, но гражданские... На каждом разъезде... И часами... И все станции тогда назывались одинаково: "Кипяток"... Это я так ехал в отпуск после второго ранения под Орлом. Я ведь до Ленинабада так и не доехал. До Ташкента доехал. Рукой подать оставалось, а в Ленинабад что-то в те дни поезда не ходили. Я чуть не завыл по-волчьи. А потом у коменданта отметился и - в часть.

Мы с Минной всю войну так и не виделись. В конце сорок пятого, после демобилизации, приехал я в Могилев, а Минна с детьми в чулане живет. Дом-то наш сохранился, только занимала его семья полицаев. Сам полицей - Коваленко - пил беспробудно, чувствовал, что его расстреляют. Только его что-то долго никто не трогал. Правда, и он нас в чулане не трогал. Глядел своими ненавидящими глазами и молчал. А потом его все-таки расстреляли. А жену и детей куда-то вывезли. Детей было жалко: с ними мальчики мои сильно сдружились. Все в

войну играли. За сараем себе из всяких ящиков "танк" построили и стреляли оттуда из "пулемета" - та-та-та-та... А дом нам вернули, и мы еще в нем лет двадцать жили, пока на Крым не обменялись...

Заболтался я что-то, а барышничке нашей скучно. Сидит Белка, слушает да думает, наверное, чего этот дед все язык чешет? Поигрался бы со мной лучше. А? Ну, давай поиграемся. А хочешь, будем стихи читать. Какое стихотворение знаешь? "Наша Таня громко плачет" знаешь? Как? Когда ты его рассказывала? Когда тебе три годика было? Что ты говоришь?! Ну, тогда извини, я других детских стихов что-то не помню. Вот первую главу "Онегина" могу наизусть прочесть, а...

Улдис, может, вы и в самом деле в мое купе переберетесь? Вместе с вещами. Вот, я вижу, чай начинают разносить. Попьем вместе. У меня кофе есть. И сахар. Я с вашей женой познакомлюсь. Нам же еще часа полтора ехать... Все равно поздно? Вы так считаете? Ну смотрите, вам видней, а то давайте... Придете, мы почаевничаем, поговорим, в шахматы сыграем. Вы в шахматы играете? Плохо? Ну, так и я не Капабланка. Вот и шахматы карманные у меня с собой. Я задачи шахматные люблю решать. А когда газеты конкурс объявляют - сейчас, правда, уже редко, но все-таки, - обязательно туда свои решения посылаю. Один раз даже призовое место занял. Вы посматривайте иногда - мою фамилию увидите. Да, так и пишут: "Правильные решения в газету прислали..." И среди других фамилий - Школьник А. А. Это, значит, я.

Фамилия моя незаметная. Подумаешь, Школьник! Украинец? Белорус?... Кому какое дело? Только нос мой - он, конечно, совсем не русский. Ну, а если кто-то услышит акцент, сомнений в моей национальности ни у кого не останется, даже

если я скажу, что меня зовут Иван Иванович.

"При чем тут шахматы?" Не знаю. К слову пришлось... А у евреев, между прочим, всегда так: о чем бы ни говорили, все равно начнутся стенания про наше еврейское счастье. И у каждого найдется на что пожаловаться. Так что шахматы здесь ни при чем. Хотя... "При чем"... Очень даже "при чем"...

Вот слушайте. Это со мной приключилось... Приезжаю я как-то в дом отдыха. Когда? Неважно. В прошлом году. Дали путевку как инвалиду войны. Мог получить и в санаторий, но на летнее время уже ничего не было... Да, так приезжаю и иду в клуб поиграть в шахматы. И вот выигрываю у одного, у другого... А там, знаете, такие шахматы, которые бывают только в домах отдыха или в санаториях: слонем можно человека убить. И вот за стол с такими, извините за каламбур, слоновыми фигурами становится третий: игра-то идет на выбывание. И первый ему говорит: "Ты ж гляди, хорошо думай, а то тут нас на нашей земле бьют".

Вот зачем он так сказал? Почему эта земля больше его, чем моя? Или здесь сотни лет не жили мои предки? Или я сам мало крови на эту землю пролил? Или мало чего стоит та земля, в которой лежат мои дяди и тети, две моих сестры, их дети и вообще все те, что не смогли уйти от немцев и остались навсегда в Минском гетто? Или мне мало крови стоили мои полвека работы? Разве мои переходы с места на место - совсем не по своей воле - не политы моей кровью и кровью моей Минны?

Вот я и думаю: за что же это он меня так ударил?

Я вас понимаю, Улдис: вы думаете, что все это мелочь и

что, кроме меня, никто и ничего не заметил. Или не так эти слова понял. Может, вы и правы. Но если б вы знали, как ловят каждое слово те, кто и так чувствует себя изгоем!..

Что я ответил? А что я мог ответить? Поругаться с ними, как на базаре? Нажить себе врагов, испортить самому себе отпуск? И никому бы я ничего не доказал. Разве эти люди рассуждают по логике? Это же как болезнь, как навязчивая идея. Один из заместителей управляющего нашим трестом так выразился однажды в узком кругу: "Я не могу сказать про евреев ничего плохого, но я их все равно не люблю".

Эта история с шахматами и правда - мелочь. А когда к моей внучатой племяннице - она работает в школе лаборанткой по химии после педучилища - мальчишки заглядывают и кричат: "Юден капут!", - это мелочь? Или когда мне вслед на улице пацаненок - лет десяти, не больше - вдогонку кричит: "Абрам, куда идешь?" Это что, тоже мелочь? Или когда мою невестку Иру - жену второго сына, Рувима - к секретным работам не допускали? Весь отдел допускали, а ее не допускали. "Допуск" не оформляли - раньше это у них так называлось... Это как?

Наверное, это тоже мелочь: проживет без этого проклятого "допуска". Только ведь это же так унижительно, когда тебе не доверяют. Когда ты - чужой. И главное, все это видят. И молчат. И думают про себя: ты - человек второго сорта. А вместе с тобой - все евреи. Чего тут цацкаться? "Абрам, куда идешь?".. Не волнуйтесь, сердце у меня не болит. У меня душа болит. А как ей не болеть, если, как говорила та же Ира, об нас, об евреев, ноги вытирают?!

Иру эту в ее химическом институте все время из одного

отдела в другой перебрасывали. Не знали, наверное, как избавиться. А, может, думали, что ей, в конце концов, надоест, и она вовсе уволится. И однажды Ира - она прямолинейная такая - своему начальнику сказала все, что об этом думает. Так знаете, что он ей ответил? Он сказал: "Что-то вы, Школьник, уж больно смелая для еврейки". Вы поняли? Раз ты - еврей, то сиди и не рыпайся. И скажи спасибо за то, что имеешь. Вот так. И знай свое место.

А где оно, это наше место?.. Я скажу. Я как-то спросил в магазине, почему у них так грязно? Так они и ответили: не нравится - езжайте в свой Израиль... Интересно, неужели тем, кто хочет, чтобы в магазинах было чисто, место только в Израиле?

Зачем я это вам все рассказываю? Не знаю. Нет, правда, не знаю. Наверное, потому, что это все очень мучает меня. Всю жизнь мучает. Вы даже не представляете, как это все трудно носить в себе... А вы... Вы так умеете слушать... Вообще-то люди в поездах очень откровенны: поговорят, душу отведут и разъедутся. И больше никогда не увидятся. Вроде, как на исповеди. А бывает, что чужое откровение раздражает - и своих ведь проблем хватает. Но вы так слушаете...

Это великое свойство - умение слушать. Евреи ведь такие спорщики: сами говорят, а другим и рта не дают раскрыть. Может быть, это вообще наша национальная черта. Но зато как умела слушать моя Минна! Это такое редкое качество для еврейской женщины. Я иногда даже думаю, что я ее именно за это полюбил...

...Друзья среди евреев? У вас? Ну и прекрасно. Что вас смущает?.. Ну, право, я не знаю, почему они перед вами не

раскрываются. Может, у них более счастливая судьба. А может, они просто давно забыли о своей национальности и еврейские проблемы их совершенно не волнуют. Мне трудно за них... Ах, у вас закрытый город... Военный... Я понимаю. Ну, конечно, там евреев будет - раз, два и обчелся. Их же в такие места никогда не пускали... Нет-нет, если они действительно настоящие друзья, они ни бояться, ни стесняться не станут. Просто евреи с неевреями на эти... м-м-м... щекотливые темы редко разговаривают.

Вот и вы, Улдис, киваете головой, показываете, что понимаете все, но - не обижайтесь - думаю, всю унижительность положения евреев в этой стране оценить просто не в состоянии. Это надо испытать на себе. Это самому пережить надо.

Вот я вам сейчас расскажу одну историю. Посидите еще чуть-чуть. Я знаю, вы уже должны идти собираться, но минутка у нас еще есть. Слушайте. После второго инфаркта жить мне на четвертом этаже в доме без лифта стало плохо: отеки на ногах, одышка. Ну, не вам, врачу, рассказывать. Решили поменяться квартирами. Дальше от центра, зато на первом этаже. Поменялись. Смотрю, люди в доме интеллигентные, вежливые, состоятельные, у всех машины. Многие, говорят, работают в Академии наук. Здороваются. А на третий день записку нахожу в почтовом ящике: "Курица не птица, еврей не человек"...

Да, вы правы, это не умный человек писал, но мне от этого не легче. И при всей моей симпатии к вам я так скажу: со стороны представить такое унижение просто невозможно.

Ну, все, Улдис, идите, а то в вагонах уже толчея, наверное. Обо мне не беспокойтесь. В портфеле у меня только бритва, зубная щетка и две газеты "Известия". Я вас жду возле

вагона, и мы едем ко мне. И не отказывайтесь: видите - совсем стемнело. А утром Яша, племянник мой, - он должен меня встретить - отвезет вас в Симеиз. Я вам обещаю...

3.

Вот мы и дома. Входите, Светлана. Смелее. И не стесняйтесь. Будьте, как дома. Улдис, да оставьте вы чемоданы в машине: никуда они до утра не денутся. Ах, вам там надо что-то взять! Ну, тогда другое дело...

Яша, так ты все понял? В семь утра - у меня. Ну, что ты мнешься? Что "бензин"? Когда твоей Симочке что-то надо, сразу появляются и бензин, и время, и все на свете... Ничего, не умрешь. Я для тебя больше сделал. Я еще помню, как твой отец под стол пешком ходил. Ты понял? Повтори...

Значит, как договорились: утром отвезешь наших новых друзей в Симеиз. И не забудь взять у меня перед отъездом две записки. Я в свои восемьдесят с лишним могу забыть, а ты должен помнить. С одной заедешь к Янченко, в санаторий, чтоб он продал им талоны на питание, а потом найдешь Ивана Николаевича... как его... верно, Лавриненко. Он выпишет им пропуск на лечебный пляж. Уже сентябрь, народу стало поменьше... Ну, езжай. И не ворчи. Можно подумать, это из-за меня поезд на два часа опоздал. Лучше ты завтра не проспи: они и так из-за этого опоздания почти день отпуска потеряли. Ну, вперед. Привет Симочке!

...Освоились, гости дорогие? Белка, а где мама? Душ принимает? Все верно: в поезде такая духотища была. А тебе не надо в "кабинет задумчивости"? Уже? 0-о-очень оперативно. Тогда пойдём на кухню, поможешь мне ужин готовить. О! А

здесь уже папа... Улдис! Ну что вы за человек?! Сложите немедленно свою скатерть-самобранку - она вам еще пригодится. У меня полный холодильник. Хлеб только, видимо, черствый. Вот масло возьмите. А это рыбка вкусенькая, холодного копчения - мне друзья из Алушты привозят. Вы не будете - мы с Белкой будем. Верно, Белка?.. Банку с ветчиной откроем? Нет? Как хотите, тут я не настаиваю. Яичницу? Так поздно? Ладно, валяйте...

Белка, пойдём-ка, пока суд да дело, телевизор включим... Та-а-к. Опять заседают. Выключить? Пусть идет?..

Улдис, вас не затруднит принести два стула на кухню? Мне тяжести противопоказаны. После второго инфаркта сказали: больше, чем батон и бутылку кефира, не носить. Правда, одну тяжесть я все же ношу. Притом постоянно. Какую? Как вам сказать... Она, знаете, интимного свойства. Я ее в сердце ношу... Понимаете, женщина у меня завелась. После второго инфаркта. Минне я, конечно, об этом - ни слова. Она так до смерти ничего об этом...

Что вы так подозрительно на меня смотрите? Не верите?

Я часто спрашивал у Минны, почему ее так мужчины любят? Все к ней цепляются: шклероз, шпидилез, потом еще этот... полиартрит, чтоб ему ни дна, ни крыши. А мне хоть бы одну женщину какую-нибудь заваливающую: гипертонию, например. Так нет же, тоже одни мужчины, как на зло: тромбоз, инфаркт, радикулит и даже, простите, геморрой. Но это я вам как врачу... Нет, были, конечно, случайные связи: пневмония, ангина, но так, на несколько дней. И потом, что это за женщины? Они ведь из тех, гулящих, что ко всем цепляются. Разве это любовь?.. А тут, поверьте, одна и только моя.

Уникальная и на всю жизнь... Это же надо, столько счастья, а?!

Как ее зовут? Скажу - не поверите. Аневризма. Не имя - симфония! Дама моего сердца. Точнее, предсердия.

О-о-о! Это настоящая женщина. Из тех, что любовников своих в могилу загоняют. Всех, без исключения. И меня тоже загонит рано или поздно. Лучше, конечно, позже, поэтому я на всякий случай тяжестей не поднимаю. А то она еще ненароком лопнет. От злости. Хотя мне все равно, от чего она лопнет... Говорят, стенка у нее тоненькая...

А вот и наши дамы появились... Посвежевшие, похорошевшие... Ну-ка, за стол: глазунья уже остыла совсем...

...Ну что, Белка, наелась? Умница... А "на потом" будет суп с котом. А на закуску - жареная гуска. Уже не хочешь? И гуски не хочешь? Ты права. Когда-то этих гусок был полный базар, а теперь уже лет тридцать, наверное, я что-то ни одной не встречал...

Светлана, я в гостиной постельное белье оставил, вы только диван разложите. А Белке мы в кабинете на тахте постелим, а я уже в спальню пойду. Такой план годится?..

Смотрите, концерт какой-то начали показывать. Цыгане поют. Люди красивые, наряды красивые, все красивое. Пусть пляшут, пока пляшется... Что я вздыхаю? Не знаю... Хотя вру. Знаю. Вспомнил я тут, Улдис, кое-что... Была как-то передача из Москвы. Называлась "Мы - цыгане". А я подумал: возможно ли, чтобы появилась когда-нибудь еще одна такая передача, но только под названием "Мы - евреи"?.. Оттого я и вздыхаю, что... Ну да ладно...

Так. Давайте будем выключать телевизор. День сегодня был с приключениями, да и вставать вам рано... "Сердце"? Немного чувствую. Как будто кто-то в грудную клетку камень тяжелый положил... А "скорой" на вокзале, кстати, так и не оказалось. Ну и хорошо: в больницу я бы все равно не поехал... А может, они приезжали, да поезд опоздал?..

Спокойной ночи, Белка... Правда ли, что Черное море черное? Нет, внушенька, оно синее... И ваш Северодвинск тоже на море? Это же надо... А какое у вас море? Белое? И оно в самом деле белое? Тоже синее? Ну, вот видишь...

Улдис! Не трогайте посуду, я - сам... Но я же все равно перемою. Я люблю с мылом. Мытье посуды это всегда была моя святая домашняя обязанность. И вообще, кто здесь хозяин?! Ну вот то-то...

Вы и, правда, спать не хотите? Ну, что ж, тогда еще поговорим... Конечно, спрашивайте. Все, что хотите. И без предисловий, пожалуйста. Я - человек старый и за свою жизнь такое перевидал... И передумал... И столько жизней прожил... Сколько? Считайте: свою, своей жены, двух своих сыновей и одной дочки и вот теперь начал жить жизнью пяти своих внуков и одного правнука. Хватит на одного человека?.. И вот, что я понял: можно самого себя недооценивать или переоценивать, но когда ты чего-то стоишь, а тебя не ценят другие, причем те, кто особенно хорошо видят твои достоинства, - это очень несправедливо и очень обидно.

Ах, Улдис, сынок ты мой! Разве можно за один день разобраться в том, что для кого-то составляло смысл целой жизни?! Но если бы не это, сидели бы сейчас здесь мои сыновья

и не обливалось мое сердце кровью. И может быть даже, еще была бы жива моя Минна...

...Я думаю, что очень скоро у меня произойдет разрыв сердца... Да, я знаю: то, что раньше называлось "разрывом сердца", на самом деле было разрывом аневризмы. Мне врачи объяснили. Но меня не аневризма погубит, а душа моя, которая рвется на части и не находит себе места. Не понимает мое сердце, как это может быть, чтобы дети не пришли проводить в последний путь отца и поплакать на его могиле. А потом помянуть его по русскому или любому другому обычаю. Неправильно это, противостоестественно...

Подождите-ка минутку, я вам сейчас что-то покажу. Принесу из спальни...

...Вот смотрите: это - портрет моей Минны. Здесь ей пятьдесят. В тот день я сводил ее к фотографу. Он сделал десять или больше вариантов. Я оставил один. Этот. И ни разу больше не позволил ей сниматься. Так она и осталась в памяти - молодой и красивой. А что было потом - морщины, седина - так ведь этого и не было. Не было - и все. И никто не докажет, что было. Вот фото. Это документ. Другого нет.

Минна ведь была на семь лет моложе меня. Когда мы в тридцать восьмом поженились, ей было только семнадцать. Совсем девчонка. Училась в строительном техникуме. Приехала из местечка под Гомелем. А я заканчивал финансовый техникум. Познакомились в парке, в летнем театре, на концерте какого-то джаз-оркестра...

А умерла она, вы знаете, легко: вдруг потеряла сознание, и через три часа ее не стало. Кровоизлияние в мозг. Но я о

другом. О том, от чего гоню свои мысли. А они возвращаются. Я их гоню, а они возвращаются. Мозги уже высохли думать об этом. Никому не говорил. Вам скажу.

И вот что я вам скажу, Улдис. Страшную вещь скажу... Это дети мою Минну убили. Точнее, Рувка убил. Она бы еще жила и жила. А он ее убил. Самый ее любимый ребенок... Нет, вы не подумайте, для Минны все дети были кусочком ее сердца - она ведь святая была, но я-то знал, что к Рувке она по-особому относилась. Рувка был еще и кровиночкой ее. Я даже думаю, что и старший, Мишка, и Фаинка - та уже после войны появилась - понимали, что Рувка ее убивает, но они ничего не сделали, чтобы как-то повлиять на все, что произошло. А Рувка был для Минны...

Понимаете, когда война началась, Минна ждала Рувку. И родила его в теплушке, которая шла на Восток. И не дала ему умереть. Как ей это удалось, одному Богу известно. Босая, голая, на руках двухлетний Мишка... Люди, конечно, помогли, спасли... Рубашки с себя снимали, на пеленки рвали, кипяток в мисках со станций приносили, молоко помогали сцеживать...

Минна мне потом призналась... Загадала она тогда: если Рувка в этом кошмаре выживет, меня не убьют. Там, в теплушке, без воды, под бомбежками, она дала Рувке вторую жизнь. А он через пятьдесят лет убил ее... Минна ведь его отъезда не пережила...

Вы спрашивали про Иру... Рувка не поехал бы, если бы не Ира. Ира - это еще одна наша с Минной боль. Рувка - ласковый, мягкий. Ира - хамоватая, скандальная, сплошной дух противоречия. Разговаривать с ней - мука. Рувку она в бараний рог гнула. Для нее ведь что главным было? Чтобы все помнили:

главное лицо в семье - она. Вечно она всех учила жить. Крики, нотации, ультиматумы...

Она устраивала Рувке такие разносы... По таким мелочам... При родителях... При гостях... У меня уши от стыда пылали. Разве Минна позволила бы себе такое?! Минна бы тихонько сказала: "Горит оно гаром, чтобы мы с тобой из-за этого ссорились!" А Ира ссорилась.

Вот знаете, Улдис, что такое счастье? Да, конечно, как я это понимаю... В мои восемьдесят с лишним...

Семейное счастье - это когда муж и жена лежат ночью на одной подушке под одним одеялом и боятся уснуть, потому что еще не все друг другу сказали. Когда они не могут наговориться - ни днем, ни ночью. И засыпают-таки, не закончив разговор. И встречают старость, не разменяв одно одеяло на два. Понимаете?..

Минна моя это понимала, а Ира нет. Я думаю, это потому, что Рувку она не любила. И я не уверен, что она понимала его, что им было что сказать друг другу, лежа на одной подушке. Впрочем, они не очень-то долго и спали на одной подушке. Очень скоро она завела не только две подушки и два одеяла, но и две кровати.

Вы спросите, при чем тут это? Какое это имеет отношение к их отъезду? Я отвечу. Если бы у Иры был другой характер, у нее бы жизнь иначе сложилась. А с таким характером ей надо было родиться мужчиной. Был это такой правдолюб, такой прокурор, что каждый начальник хотел, чтобы она работала у другого. Ей всегда было больше всех надо. Администрация раздает приближенным продуктовые заказы?

Профком наживается на гуманитарной помощи? Ира влезает во все это дело, кого-то разоблачает, против кого-то выступает, а в результате назначается аттестация, и она из инженера первой категории становится инженером второй категории. Она начинает жаловаться - и оказывается в другом отделе. А в том отделе неправильно распределяют премии. Ира начинает воевать, кого-то наказывают, а ее сокращают по штатам. Вместе с ней воевали и другие, а сократили ее. Выводы делайте сами.

А потом она на работу идет устраиваться. "Вам нужны инженеры-электрики?" - "Нужны. Оставьте документы". А назавтра: "Извините, произошла неувязка: только накануне мы на эту должность взяли человека"... По Ире нельзя было определить национальность: яркая блондинка, Школьник Ирина Михайловна. А потом разберутся... Конечно, она устроилась. Не совсем по специальности и совсем не там, где ей хотелось. И с большой потерей в зарплате. Но разве в этом дело?..

Так что поехал Рувка со своей Ирккой и с двумя детьми искать свое счастье в далекую и очень жаркую страну, где еще и стреляют. Сейчас у них уже все в порядке, а начинали очень тяжело. Но опять же не в этом дело... Остановить их? Что вы, Улдис! Разве у меня могла подняться рука на это? А про Минну и говорить нечего: не была бы она моей Минной, если бы могла поперек пути сына стать...

Рувка уехал, а через два месяца Минны моей...

Как мы Рувку проводили, стала Минна молчаливой, по ночам плакала, не спала, и я не мог ее успокоить. Мишка вечно в своей клинике. У Фаинки свои трудности: у нее младший сын очень больной - что-то с кровью... А я впервые в жизни не мог утешить свою Минну. Боль ее была сильнее моей любви...

Может быть, надо было и нам с Рувкой вместе уехать? А Мишку и Фаинку здесь оставить? Не знаю, не знаю...

А потом, через пару лет, подался и Мишка. Этот у меня ничего не спрашивал. Получил разрешение и поехал. Что его там ждет, прекрасно понимал. И что в свои пятьдесят четыре года он уже там никому не нужен, да еще без иврита - язык там такой... И жена у него русская - Лариса. Дай Бог каждому, конечно, такую жену, но для Израиля это - проблема, потому что при русской маме дети неевреями считаться будут...

Вы спрашиваете, чего они, в таком случае, поехали? Главным образом, ради сына, Алика. "Мы, - говорят, - свою жизнь прожили, а ему надо новую жизнь начинать пока не поздно. Его спасти надо". От кого спасти? Знал бы - пошел и убил. А так...

Алька - светлая головушка, услада моего сердца. Ему бы академиком стать - цены б не было. Институт он свой без одной четверки прошел и хотел пойти работать туда, где роботов делают. По специальности, в общем. А его туда, в этот институт с роботами, после четвертого курса даже на практику не пустили. Всех пустили, а его и еще одного мальчика - Женю Рубинчика - вызвали и сказали: "Извините, ребята, у нас перебор. Вы будете проходить практику у себя на факультете. Идите, мы уже договорились". Прямо в бюро пропусков сказали. А кроме Альки и этого Жени Рубинчика среди практикантов больше евреев не было.

Алька так плакал, а что я ему мог сказать? Идти протестовать? Все равно, что биться головой об стенку.

Когда это было? Недавно. Десять лет назад. А через год

на распределении он шел первым: все "пятерки" плюс какие-то там баллы за общественную и научную работу. И хотел он в один институт научный попасть, а его туда не берут. Место есть, а его не берут. Всех друзей взяли, русских ребят, а его не хотят. Я к ректору ходил. Тот руками разводит. Представитель института говорит: "Заявку отзыва, а Школьника не возьму". Тогда Алька вообще подписывать распределение отказался, а декан ему: "Не подпишешь - диплома с отличием не жди". И Алька подписал.

В Академии наук, в каком-то институте, три года баклуши бил. Целыми днями журналы читал да в шахматы с такими же бездельниками, как он, играл. Я видел, как он тоскует. И тогда мы его чуть не силой заставили пойти кандидатский минимум сдавать. Сдал легко, все на "отлично". А тут, как специально, на его родной кафедре конкурс в аспирантуру...

Когда это было? Лет пять или шесть назад. Сейчас я соображу... Три года они уже в Израиле, еще три года надо отсчитать... Ну, вот так где-то...

Да, так приходит мой дурачок-отличничек в свой родной институт с заявлением, а в эту аспирантуру, оказывается, уже никто и не хочет идти. И заявление его там оказывается единственным... Ну, мы уж, грешным делом, решили: поступит. Я уже даже мечтать начал: как он диссертацию защищает, на симпозиумы ездит... Старый дурак - судьбу хотел перехитрить...

Времена, говорите, поменялись? А люди? Люди-то те же!

В общем, за день до конца подачи документов

конкурент объявился - лаборант с кафедры. За год до Альки институт кончал. Серый троечник. Альке потом по секрету рассказывали, что он вовсе и не собирался поступать. В ректорате уговорили. Но у Альки - весь кандидатский минимум на "пять". Какой, думаем, ему этот лаборант конкурент? Так нет. Тот все вступительные экзамены на "пять", и его принимают. А Альку нет. Вот так. Тогда Лариса и сказала: "Алька здесь никому не нужен? И черт с ними. Поедем туда, где его голова кому-нибудь понадобится". И они поехали.

Да, Улдис. Так сказала именно Лариса. Вы удивляетесь? Почему она, русская, так сказала? Потому что она - мать.

Мишка мой сопротивлялся, скандалил. Ему было что терять: заместитель главного врача большой клинической больницы, кандидат наук. У него вообще в жизни все и всегда получалось. Но Лариса, в конце концов, сказала: "Не хочешь - не надо! Сама с Алькой еду! Никто меня не остановит!"

Лариса - это вообще отдельный разговор. Когда Алька в шестнадцать лет паспорт получал, Мишка хотел, чтоб он национальность свою записал по матери - "русский", а Алька уже тогда все понимал, что у нас происходит с евреями, и - ни в какую. Только евреем. В знак протеста. У него еще одно стихотворение на эту тему любимое есть. Надсона, поэта дореволюционного. Алька его мне часто читал. Там еще такие строчки есть: дескать, позволь и мне - как-то там, не знаю точно - стать в ряды твоих бойцов, "народ, обиженный судьбою". Ну, и Алька, значит, в те самые ряды. За что и страдал. А поддержала его в этом Лариса, святая душа...

Понимаете, Улдис, так уж случилось, что не Фаня, а Лариса стала моей настоящей дочкой. Они с Минной как

подружки были: все вместе делали, одни книжки читали, часами по телефону разговаривали. И не родная дочь Фаня, а Лариса все для нас в последние годы делала: и по магазинам, и окна перемыть, и полы перетереть, и постирать. Даже картошку дома у себя вечером почистит, а утром на работу бежит, занесет. Когда по праздникам дети у нас собирались, кто первым закоперщиком был? Лариса. И праздничный стол на ней. Какое сердце было у этой девочки!

Лариса все понимала, все видела. Переживала отчаянно. А что ей самой пришлось вынести! Когда она еще с Мишкой встречалась, к ней подходили, спрашивали: "Что же ты, такая баба, на жиду польстилась?" Все вынесла, а теперь вот еще и разрыв с родными: те ведь ей разрешение на выезд так и не дали. Отец ее когда-то директором завода был. Но она пробилась. Ради Альки. И когда они уезжали, я перед ней на колени опустился... Прямо в аэропорту. Вот так...

Как вы сказали? Почему мы не ходили добиваться? С Алькой, что ли? Да что вы, Улдис, это такая стена...

А вчера в Москве я проводил еще и последнего своего ребенка. Уехала Фаинка с семьей. У нее младший сын болен редкой болезнью крови, которую у нас не лечат. Как называется? Я не помню. Куда они поехали? В Израиль, конечно. Где мы еще кому-то нужны?..

Вот так, Улдис. И замкнулся круг моей жизни, а значит, и всей жизни конец. Смысла в ней больше нет...

Ой, а засиделись-то мы как! Идите спать. И забудьте, что я вам тут наболтал... Конечно, много во мне обид за жизнь накопилось, да только обида - плохой советчик.

...Нет, Улдис, никуда я, конечно же, не уеду. Я не поехал бы, даже если бы был моложе и здоровее. У детей наших, у внуков нет такой кровной связи с землей этой, им легче отрываться. А у меня такая огромная жизнь за спиной. Я ее здесь прожил, здесь кровь вместе со всеми проливал. Я уж и умру здесь...

А детям я не мешал. Конечно, они нас с матерью очень обидели. Не заслужили мы этого, да что теперь говорить.

И еще я вот что думаю: если они оставили нас, то и их дети когда-нибудь могут оставить их. Все ведь по кругу идет. А потом, разве могу я Улдис, уехать от моей Минны? Она меня ждет. Она почти всю свою жизнь рядом со мной провела, и ждать ей теперь меня, как я понимаю, осталось недолго.

Дайте мне, пожалуйста, вон ту коробочку с лекарствами. Опять стало болеть что-то... Эта аптечка со мной всегда. Только разве лекарства помогают против горя?.. Жизнь моя на финише, Улдис. Восемьдесят с лишним - это и так много. Это как премия за выносливость, как награда за выслугу.

Идите спать, Улдис. Идите. Вам рано вставать. В семь часов за вами уже Яша заедет. Идите. А я еще посижу. Я еще сегодня с Минной не разговаривал. Мне ей много надо рассказать... Как вы сказали? На сегодня я уже и так наговорился? Да, наверное. А ведь, как написано в Святом писании, "молясь, не говорите лишнего, как язычники, которые думают, что в многословии своем будут услышаны". Так?.. Нет, я не молился с вами, конечно, но хочется думать, был вами услышан. Идите, Улдис...

4.

- Здравствуй, любовь моя. Вот мы и остались с тобой вдвоем. Ты меня извини: я не мог к тебе прийти раньше. Так получилось: и поезд опоздал, и сердце что-то расхулиганилось. Но ты не волнуйся, я уже принял, что надо.

Ну что ты на меня так смотришь? Разве я виноват, что мне уже далеко за восемьдесят, и что вчера наша Фаинка со всей мешпохой оставила нас? Конечно, наши дети не маленькие и должны были понимать, что мы уже никогда больше не увидимся. И что на мои похороны они уже не попадут. Только ты знаешь, Гришенька, самый маленький, так вчера рыдал: "Дед, дед, я же тебя больше не увижу. Дед, как же так? Дед, нельзя так. Я не смогу без тебя!.." А что я мог ему ответить?

Да, они улетали из Москвы. У Фаинки же сохранилась старая московская прописка, так что оформлялись они там. В Шереметьево с ней была истерика. Ну а что делать? У Гришеньки опять по всему телу лимфатические узлы повылезали, и анализы совсем плохие... А Фаня стала совершенно седой. Представляешь, как ей за последние полгода досталось!

Да, есть новость: у нас гости. Очень милая семья. Они мне в поезде очень помогли. Правда, мне их угостить было почти нечем. Если бы было больше времени и если бы я чувствовал себя лучше, что-нибудь придумал, а так... Но они только на одну ночь. Их в Симеизе ждет квартира. Яша их отвезет. Но ты же Яшу знаешь, он просто так ничего не делает. Ну ничего, перебьется. На обратном пути пассажиров возьмет.

Где они спят? Молодые - в гостиной, на диване. А их

дочка - Белка, так на нашу похожа - в кабинете. Я? А что я? Я здесь до утра посижу. Вот с тобой поговорю, поразмышляю. Может быть, какая-нибудь умная мысль в голову придет.

Нет-нет, Минна, и не уговаривай. В спальню я не пойду. Ты же знаешь, что я туда только убирать захожу. Подметаю, пыль протираю, проветриваю. А кровать нашу я со дня... не тронул. Застелил чисто - и все. Я, конечно, захожу туда с тобой поговорить, но кровати ни разу не расстилал. Даже когда Перельманы все на неделю приезжали. Ну, да я тебе рассказывал.

И знаешь, Минна, что я думаю? Я думаю, что как бы то ни было, хороших мы с тобой детей воспитали. Ну и что, что они оставили нас? Ну и что? Кстати, если бы мы захотели, они бы никуда от нас не поехали. Но ты же понимаешь, что не должны мертвые мешать жить живым... Я? Что "я"? Это раньше я был с ними, а теперь я уже совсем с тобой.

Подожди минутку, я еще таблетку приму. Что-то совсем сильно болеть стало... Ну вот, сейчас полегчает...

Конечно, они уехали, но у них своя жизнь, свои проблемы. Они же не ради себя, они же ради детей и внуков поехали. Ну что я тебе рассказываю? Ты их проблемы лучше меня знаешь... И кроме того, чего им сидеть здесь? Ждать моей смерти? Годы идут... Лучшие годы жизни могут пробежать, и никому тогда наши вундеркинды не будут нужны... Нет, они все сделали, как надо.

Не будем осуждать наших детей. Пожелаем им побольше нахес, поменьше цорес. Там, на чужбине, им, конечно, нелегко придется, но они не пропадут. Я своих детей

знаю. А если им хорошо, то и нам должно быть хорошо. И потом, разве для нас это имеет еще какое-нибудь значение: мы свое отжили.

Ты знаешь, Минна, когда я смотрю на тебя, у меня всякий раз перед глазами вся жизнь пробегает. Твоя, моя, наша общая. И мне всегда так тебя жалко становится, что я плакать начинаю. И все так отчетливо представляется, как будто это только вчера было. И как ты нагоревалась с маленькими детьми, и как голодала в эвакуации, и как галоши по ночам клеила, и как у плиты всю жизнь простояла, и как мне балансовые отчеты после войны помогала по ночам делать...

А больше всего помню, как ты сутками не спала, когда дети болели. Я проснусь ночью, а ты все сидишь у постели, смотришь на ребенка, о чем-то думаешь и покачиваешься. Вперед - назад, вперед - назад. И хоть бы раз ты мне сказала, как тебе плохо. И от того твоего молчания...

А помнишь, как я со вторым инфарктом слег? И как ты в больнице дневала и ночевала целый месяц? Кормила меня, поила, выносила из-под меня и еще от всех, кто был в палате. И весь этот месяц спала возле меня, на полу. На байковом одеяле, которым и укрывалась... Это же не врачи - это ты меня с того света вернула. Как я могу такое забыть, а?

Вот интересно, Минна, вспомнят о нас с тобой люди через... ну, хотя бы через десять лет? Дети, конечно, будут приезжать на нашу могилу, а друзья, сослуживцы?

Ты знаешь, Минна, я вот думаю, что мы не были с тобой плохими людьми. Мы ни на кого никогда не накапали, никому не выдали чужой тайны, помогали всем. А помнишь, когда в

пятьдесят втором Сонечку Гольдину должны были арестовать, и в газетах было уже написано, что она - агент еврейской националистической организации "Штерн", и она приехала к нам из Харькова и скрывалась у нас восемь месяцев?.. Разве мы не рисковали тогда? И даже не собой - детьми!

Я понимаю, приходилось нам крутиться. Молчали. Боялись. Но вот заднее место мы никогда никому не лизали. Сколько раз я с работы уходил, когда очередная хунта прорывалась к власти! Помнишь? И горздравотдел, куда из Второй Советской перебросили Овчинникова и тот сразу начал от евреев избавляться. И Межколхозстрой, когда на Осю Кацнельсона завели уголовное дело, а Лившица сняли и из партии исключили. И тридцать второе управление, когда Подбельский ездил к министру жаловаться, что Сачок окружил себя евреями и что на самом деле не он, а я руковожу управлением.

И тогда я приходил к тебе, рассказывал все это, и ты говорила: "Ну что ж, Айзик, такая наша доля. Ищи себе новое место. Не хотят они тебя. Мешаешь ты им. Не влезай в их дела, пусть совесть у тебя будет чистая. Я хочу, чтобы спал ты спокойно. Сколько той жизни!" И я шел искать себе новую работу. Но как это было оскорбительно: не быть ни в чем виноватым - и все равно уходить, как преступнику!

А еще я помню первые послевоенные годы. Боже, чего нам стоило их пережить! Я прямо вижу тебя в очереди за хлебом у магазина Фрумкина - помнишь, на углу Кирова и Первомайской - и трехлетнюю Фаню, уцепившуюся за подол. А на улице жара, пыль... Сердце сжимается, когда все это вспоминаешь.

Оно и вправду сжимается. Что-то мне таблетки не помогают. Как бы не пришлось мне, Минна, "скорую" вызывать. Так не хочется. Гости проснутся, а им в семь утра уезжать.

Как сильно болит в груди. Никогда еще так не болело...

Минна, любовь моя! Мне так много надо тебе рассказать. Может быть, это мой последний разговор с тобой, а еще ничего не сказано. Мы прожили вместе полвека и так и не наговорились... Вот, немного отпустило...

Налью-ка я себе чаек, пока чайник совсем не остыл. Вот в эту большую чашку с цветами, что ты мне подарила когда-то. Я всегда из нее пью. Я и в больницу ее с собой брал. И никому ее в руки не давал - берег. И сегодня возьму, если меня положат. Вместе с одышкой, перебоями и даже с астмой.

Минна, родная моя! Наверное уже надо прощаться с тобой. Я даже не знаю, что нас ждет: разлука или встреча. Но я тебе должен сказать... Я никогда тебе этого не говорил.. Я всегда стыдился таких слов. Но сейчас я должен их сказать. Я не могу умереть, пока я тебе их не скажу.

Но ты еще подожди минутку. Я сейчас напишу две записки для Яши - он знает, кому их отдать - и одну записку для гостей. Я оставлю их на кухне. Потом я вызову все-таки "скорую" и тихонько выйду на улицу. Если смогу: очень сильно болит в груди. Нет, конечно, выйду, даже если на карачках ползти придется. Я не должен Белку будить. Ты подожди. Сейчас я все это сделаю и вернусь к тебе...

...Ну вот. Да, так что я хотел сказать?.. Я хотел тебе сказать... что я очень тебя люблю. Ты даже не знаешь, как я тебя

люблю. Ты была моей радостью, моей жизнью. Я не знаю, что бы я делал, если бы не ты. Я бы не жил...

...Я плачу... Ну и пусть!

И вот я думаю: а какое у меня есть право так долго жить на земле без тебя?! Тебя нет, а я и сейчас переполнен такой нежностью, что могу задохнуться от одной этой нежности. И я не знаю, найду ли я еще слова, которые смогут выразить эту мою любовь... Но тебя нет... Нет тебя...

...Минна! Я знаю, что такое счастье. Я скажу тебе...

Вот если бы ты хоть на час пришла ко мне, села возле меня, посмотрела бы мне в глаза, полазила своими морщинистыми руками в моей седой и уже совсем редкой шевелюре, а потом мы легли бы на нашу любимую тахту, и ты положила бы мне головку на плечо, а я обнял бы тебя и прижал к себе, а потом мы укрылись бы одним пледом и молчали бы одним молчанием... Вот это и было бы настоящим счастьем. И кто не знает такого счастья, тот вообще не знает, что такое счастье...

Щельково, 1988 - Минск, 1996

Анатолий Анимица. Дерево гофер

Ной всхрапнул последний раз, чихнул - и проснулся.

За окошком едва брезжил серый пока рассвет, но узкая полоска зари сверкнула розовым по западной створке ставни - день обещал быть солнечным.

Ной вышел из дома, поеживаясь в утренней прохладе, и повернул косматую бороду к встающему на востоке солнцу.

Вдруг белая линия небесного знамения прочертила начинающий голубеть небосвод и разразилась яркой вспышкой. "Метеорит. Большой. Курсовой угол 320° , это не Леониды, не время для Леонидов. Надо порыться в Талмуде".

Грохот небесного разрыва протяжно раздался в вышине, завывли сирены противоугонных устройств арб и верблюдов минут через 12 после вспышки.

"Ага, - подумал Ной, - 340 метров в секунду - это 20 километров в минуту, взрыв произошел за 240 километров от нас. Вертикальный азимут был градусов 15, высота взрыва, значит, около 20 км - не к добру это".

"Диаметр этого болида получается метров 70, если шандарахнет в море - высота волны будет метров 100. Да..."

Через час по уже совершенно дневному небу тем же курсом пролетело второе знамение и взорвалось точно так же в небе, но на этот раз воздушная волна сбила Ноя с ног.

"Во блин, пилотирующие стримеры летят, не иначе. Ща точно в море угодит - и хана всем". Ной решительно подвязал спадающие штаны мотузкой и зашагал к соседу.

- Хаим, шалом. У тебя еще не проданы те 1000 кубов дерева гофер, которые никто не хотел брать за твою цену?

- Нет, никто не берет. Дела нынче хуже некуда.

- Я беру все. Ной развязал кошель и высыпал Хаиму на

трапез две с половиной горсти золотых.

- Этого мало, Ной. Все-таки 1000 кубов, не хухры-мухры.

- Хорошо, даю еще 100 верблюдов, 100 лошадей, 100 коров.

- Набавить бы.

- Ну и дом мой возьмешь, но через месяц.

- А ты куда?

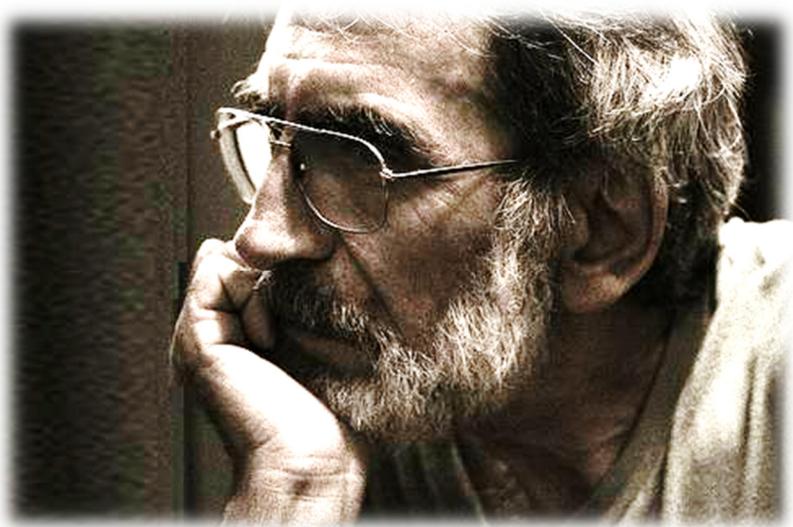
- Решил построить ковчег и смотаться с семейством в кругосветку.

- Охренел? Тут до моря 200 километров, как ты его допрешь?

- Б-г поможет!

- Ну, тогда по рукам.

...До всемирного потопа оставалось 40 дней.

Марк Шехтман. Стругацкие contra Ефремов

Литературно-критическая проблематика в фантастике. © М. Шехтман, 1990 Критика в худож. тексте: Сб. науч. тр. Душанбе, 1990. с. 100-109. Пер. в эл. вид А. Кузнецова, 2003

"Их авторитет безусловен даже для тех, кто терпеть не может фантастику", [1] - таким утверждением предварил журнал "Даугава" публикацию интервью с братьями Стругацкими. Появившись в литературе в конце 50-х годов, молодые тогда соавторы удивительно быстро стали популярными, хотя читательский интерес и уничижительное невнимание критики явно не соответствовали друг другу. Сегодня Стругацких любит даже критика! Стругацким подражают, у Стругацких учатся, Стругацких ставят рядом с Лемом, Саймаком и Воннегутом! За ними признается право первооткрывателей новых тем и типов, их отточенный стиль, емкий и ироничный, заставляет вспомнить великого Свифта... И все же не Стругацкие первыми пробили брешь в толще печально известной популяризаторской фантастики с ее кочующими из сюжета в сюжет пожилым профессором, молодым изобретателем и благородным майором госбезопасности.

В середине 50-х годов И. Ефремов создал свой знаменитый роман "Туманность Андромеды", и именно с его появлением стало ясно, что фантастике под силу решать сложные философские проблемы. Однако при многих явных достоинствах этот роман был "выстрелом с перелетом": уходя от заземленности и мелкотравчатости фантастики "ближнего прицела", видимого разве что в микроскоп, Ефремов

вооружился телескопом. Телескоп этот заглядывал в далекий идеальный мир, где и человек абсолютно приближен к идеалу. "Мы построим такое общество, где человек получит все..." - как бы говорит в романе Ефремов. И вот тут-то возникли Стругацкие. "Мы построим справедливое общество, где человек получит все... Но как он этим распорядится?" - спросили они, и это смещение акцентов определило, на наш взгляд, тот шаг вперед, который сделала в творчестве Стругацких вся мировая фантастика. Обитателю романов и повестей Стругацких (а герои часто там кочуют из сюжета в сюжет) бывает хорошо, плохо, страшно, смешно, безнадежно... В отличие от бога, этот герой смертен; ему можно верить или сомневаться в его уме или порядочности; а порой он оказывается в ситуации, где быть философом преступно, где долг и нравственность непримиримы, где следует отступить от наиглавнейших принципов именно для того, чтобы их сохранить.

Нам представляется, что творчество И. Ефремова имеет предметом идею, философское понятие, что его произведения суть беллетризованные эссе и трактаты на тему о всемогуществе Человека. Стругацкие же вернулись к "просто человеку", сила которого заключена в способности отказаться от всемогущества, который интересен сам по себе, а не как зеркало, так или иначе отражающее идеал. Ефремов мечтает о человеке, равном богу по возможностям и поет такого человека. Рен Боз и Мвен Мас из "Туманности Андромеды" находят способ мгновенного преодоления любых пространств. Биолог Афра Дэви из "Сердца Змеи" догадывается, как сблизить две физиологически различные цивилизации. Словом, нет невозможного для ефремовских героев, и - само собой! - это всех устраивает.

У Стругацких со всемогуществом отношения складываются куда напряженнее. И дело даже не в том, что их Румата или Максим меньше могут, чем, например, Дар Ветер, -

вовсе нет! Стругацкие будто нарочно рассказывают, как их героев не берут ни пули в упор, ни копыя, ни яды, ни радиоактивные пустыни. И могут они многое. В космосе они, конечно, передвигаются с неограниченной скоростью, но это такая сама собой разумеющаяся мелочь, что о ней и говорить не стоит! Вот только богов из Максима, Руматы или Сикорски, к счастью, не получается. Иначе бы Румате пришлось бы спокойно смотреть, как убивают книгочеев, как дрессируют на живом "материале" воспитанников школы палачей, как по трупам идет к власти жуткий министр охраны короны дон Рэба, а Рудольф Сикорски, глава контрразведки, который тоже может все, обречен до конца своих дней мучиться тем, что убил, руководствуясь интересами всей земной цивилизации, некоего Льва Абалкина, агента таинственных Странников... Эти примеры были взяты из романа "Трудно быть богом" и повести "Жук в муравейнике". Но, как нам кажется, в наиболее концентрированном виде отношение Стругацких к всемогуществу (как к качеству вторичному по сравнению с совестью) представлено гораздо раньше - в крохотной вставной новелле в повести "Понедельник начинается в субботу".

Сначала немного о самом произведении. Эта повесть была написана в 1965 году и имеет хлесткий подзаголовок: "Сказка для научных сотрудников младшего возраста". Герой ее - молодой инженер, специалист по вычислительной технике - путешествует по Соловкам, где попадает в совершенно невероятные обстоятельства, а позже становится и вовсе сотрудником НИИЧАВО (Научно-исследовательского института чародейства и волшебства"). Там он знакомится с графом Бальзамо, двуликим Янусом, бабой-ягой, магом Федором Кивриным, бывшим Великим Инквизитором Кристобалем Хунтой и даже с самим Саваофом - он и является главным героем упомянутой вставной новеллы, которую мы цитируем полностью.

"Историю Саваофа Бааловича я узнал сравнительно недавно. В незапамятные времена С. Б. Один был ведущим магом земного шара. Крестобаль Хунта и Жиан Жиакомо были учениками его учеников. Его именем заклинали нечисть. Его именем опечатывали сосуды с джиннами. Царь Соломон писал ему восторженные письма и возводил в его честь храмы. Он казался всемогущим. И вот где-то в середине шестнадцатого века он воистину стал всемогущим. Проведя численное решение интегро-дифференциального уравнения Высшего Совершенства, выведенного каким-то титаном еще до ледникового периода, он обрел способность творить любое чудо. Каждый из магов имеет свой предел. Некоторые не способны вывести растительность на ушах. Другие владеют обобщенным законом Ломоносова-Лавуазье, но бессильны перед вторым принципом термодинамики. Третьи - их совсем немного - могут, скажем, останавливать время, но только в римановом пространстве и ненадолго. Саваоф Баалович был всемогущ. Он мог все. И он не мог ничего. Потому что граничным условием уравнения Совершенства оказалось требование, чтобы чудо не причинило никому вреда. Никакому разумному существу. Ни на Земле, ни в иной части вселенной. А такого чуда никто, даже сам Саваоф Баалович, представить себе не мог. И С. Б. Один навсегда оставил магию и стал заведующим Отделом Технического Обслуживания НИИЧАВО..." [2]

Грустная история, что и говорить, но причем тут Ефремов? Позволим себе высказать мнение, что эта новелла звучит как антитеза убеждению автора "Туманности Андромеды" и "Сердца Змеи" о возможности достижения мировой гармонии. Пафос всего творчества И. Ефремова направлен, как мы уже пытались показать выше, на доказательство всемогущества человеческого и - более того - космического разума. Этот пафос идеального мира и идеального

человека был понят и усвоен многочисленными писателями-фантастами, современниками Ефремова, а вся критика единодушно воспела ефремовский идеал мировой гармонии. Так, заканчивая главу "Великое Кольцо" в монографии о развитии русского советского фантастического романа, А. Ф. Бритиков пишет: "Пересоздавая мир согласно своему идеалу, мы поднимаем и сам идеал... В ефремовской концепции человека с большой убедительностью выступает диалектика вечного обновления неизменно гуманистической цели коммунизма" [3].

Можно смело говорить о заворуженности читателя идеей Ефремова о неизбежности прихода идеального, насквозь гармонизированного Завтра, где Человек прекрасен и всемогущ. Лишь уяснив это в полной мере, можно принять наш тезис о неслучайности и тенденциозной, критической направленности приведенной нами новеллы, в которой всемогущий бог - а ведь Саваоф Баалович Один именно бог! - в своем стремлении к всеобщей благодати становится бессильным, ибо не может представить себе ни одного чуда, абсолютно положительного для всех по своим последствиям. И бог уходит в заведующие Отделом Технического Обслуживания...

Но не слишком ли много внимания мы уделяем крохотной вставной новелле о бессильном боге? Думается, нет. Эта новелла стала, очевидно, лишь аллегорически прозрачным выражением доминанты творчества Стругацких о противоречивости мира и человеческой души, направленной против идеи мировой гармонии как доминанты творчества Ефремова. Подозрительно часто, очень часто, слишком часто "боги" в романах и повестях Стругацких бессильны, как бессилён сделать выбор между действием и бездействием Антон, посланный на планету, переживающую свое средневековье; как бессилён Сикорски понять замысел чужого разума; как бессилён Максим найти слабое место в грандиозной

системе оболванивания на планете Саракш; как бессилён Виктор Банев понять мальчиков и девочек, пришедших на встречу с ним...

В интересах нашей темы следует сказать о том, что в арсенале Стругацких есть и такое мощное орудие писательской критики, как пародия. Так, пародийна повесть-сказка "Путешествие в преисподнюю", героями которой являются Атос, Портос и Арамис, воюющие со злокозненными похитителями пространства, среди которых и некто по имени Ятуркенженсирхив (читай наоборот строку из Пушкина "...Вихри снежн (ы) е крутя"). Пародийны в повести "Стажеры" отрывки мемуаров, зачитываемые толстым и добрым штурманом Крутиковым. Но особенно эффектно пользуются пародией Стругацкие все в той же повести "Понедельник начинается в субботу". Среди многих чудесных событий, происходящих с главным героем Сашей Приваловым, есть и путешествие в "описываемое будущее", иначе говоря, в мир, созданный фантастикой. Перед нами возникает в пародийном освещении как бы сквозная панорама развития мировой фантастики - от древних утопий до самых современных ее тенденций. Сразу следует отметить, что Стругацкие крайне непочтительны к самой идее путешествия во времени, хотя бы и описываемому. Так, сама машина времени подозрительно напоминает плохой мотоцикл. "Я надавил на клавишу. Это было, очевидно, что-то вроде стартера. Машина дернулась, захрюкала и стала равномерно дрожать.

- Вал погнут, - шептал с досадой Седловой. - Ну ничего, ничего. Включайте скорость. Вот так. А теперь газу, газу... (352).

Стругацкие точно и тонко улавливают абсурды и парадоксы фантастического мира, по которому мчится на машине времени с "погнутым валом" Саша Привалов, который воспринимается им с точки зрения нашего современника и

описывается с использованием вполне современной же лексики. Так, двое в венцах и хитонах вдохновенно говорят о справедливом обществе, где они живут и где "... даже самый последний землепашец имел не менее трех рабов" (353). Интересный прием находят Стругацкие для передачи идейной и художественной несостоятельности героев и событий в этом фантастическом мире: явно надуманное или просто глупое в таком мире полупрозрачно! Так почти невидимы мудрецы в хитонах. Полупрозрачны тучные стада, мраморные дворцы и идиллические домики, их окружающие. Вдохновенны до полупрозрачности изобретатели каких-то сложных механизмов, объясняющие устройство и назначение своих машин. Стругацкие высмеивают фантастику популяризаторского толка: "Изобретателей никто не слушал, да они, кажется, ни к кому в особенности не обращались" (354). Достается и так называемой "фантастике ближнего прицела", характерной для 50-х годов: "Юноша нес свое: "Я нашел, как применить здесь нестирающиеся шины из полиструктурного волокна с вырожденными аминными связями и неполными кислородными группами. Но я не знаю пока, как использовать регенерирующий реактор на субтепловых нейтронах. Миша, Мишок! Как быть с реактором?" Присмотревшись к устройству, я без труда узнал велосипед" (355). Велосипедоизобретательство соседствует с шаблонными приемами приключенческой или детективно-политизированной фантастики - такими, как проникновение в морской или космический корабль невинного, но любопытного ребенка, причем обязательно с томиком Шекспира в руках или поимка шпиона, естественно, западного: "Два подтянутых лейтенанта с усталыми, но добрыми глазами протащили мимо меня лощеного мужчину, завернув ему руки за спину. Мужчина извивался и кричал что-то на ломаном английском. Кажется, он всех выдавал и рассказывал, как и за чьи деньги подкладывал мину в

двигатель звездолета" (355). Не минует пародийного изображения и популярная на западе фантастика ужасов, так называемая "космическая опера", где установка на секс соединяется с низкопробным кошмаротворением: "Я увидел красивую блондинку с неприличной татуировкой между лопаток, голую и длинноногую, палившую из двух автоматических пистолетов в некрасивого брюнета, из которого при каждом попадании летели красные брызги. Я услышал грохот разрывов и душераздирающий вой чудовищ. Я обонял неопикуемый смрад гнилого горелого небелкового мяса. Раскаленный ветер недалекого ядерного взрыва опалил мое лицо, а на языке я ощутил отвратительный вкус рассеянной в воздухе протоплазмы. Я шарахнулся и судорожно захлопнул дверцу, едва не прищемив себе голову" (360). Естественно, здесь мы встретим и пародийное обыгрывание мотива космических войн, захвата Земли пришельцами, бунта роботов и т. д.

В этой иронической энциклопедии издержек советской и западной фантастики немаловажное место занимает некий мальчик, поучительно изрекающий прописные истины. Его назидательный тон, способность пространно, в сложных синтаксических конструкциях, с массой уточнений и исторических деталей отвечать на любой простой вопрос немедленно вызывает у читателя иронические ассоциации с героями И. Ефремова, которые изначально замыслены как философы - профессионалы или любители. Так, замечание о том, что взрослым надо говорить "вы", вызывает у него нечто подобное коротенькому нудноватому монологу: "Ах, да, припоминаю. Если мне не изменяет память, так было принято в Эпоху Принудительной вежливости. Коль скоро обращение на "ты" дисгармонирует с твоим эмоциональным ритмом, я готов удовлетвориться любым ритмичным тебе обращением" (359).

Нам кажется, что увидеть здесь лишь пародию на

стилистику Ефремова явно недостаточно. Пародируется не только стиль, но и нечто большее - пародируется явный схематизм, непредставимость ефремовских героев в реальной ситуации, их - вот уж подлинно! - полупрозрачность... Особенно эти качества заметны тогда, когда их носитель увиден, что называется, по-человечески: "Славный это был мальчуган, очень здоровый и ухоженный..." Такому явно не по летам основательная квазинаучность, какой наделяется он в пародийной ситуации. Обращает на себя внимание эпитет "ухоженный" - именно так хочется определить весьма существенное качество ефремовских героев, демонстративно красивых, физически здоровых (еще хочется оказать - холеных)... Обо всех героях Ефремова можно сказать, что физический и душевный комфорт для них разумеются сами собой. Например, в "Сердце Змеи" астролетчики не мыслят себя без спортзала, акробатики, танцев и ЭМСП - "электромагнитного скрипкорояля" (!), как для несведущих поясняет автор. Все они "...смуглые, сильные, уверенные, с гладкой кожей, которую дает человеку лишь здоровая жизнь на воздухе и солнце" [4].

Да и сами о себе они говорят так: "Все мы просты, ясны и чисты" [5].

Нам представляется, что когда-нибудь фантастоведы, историки и социологи найдут причины того колоссального успеха Ефремова, каким он пользовался в конце 50-х годов и в первой половине 60-х, и, возможно, будет уловлена связь между общественными настроениями в краткий период "оттепели" и романтический "простотой, ясностью и чистотой" героев И. Ефремова. Явно или неявно писатель откликнулся на социально-утопический заказ изобразить мир, где ничего не надо бояться, где страху - постоянному, непрерывному, изматывающему - нет места. И не случайно мальчуган, встреченный Сашей Приваловым, вообще не знает, что такое

страх. Так, на вопрос, что скрывается за железной стеной, он отвечает: "...Она разделяет два мира - Мир Гуманного Воображения и Мир Страха перед Будущим. - Он помолчал и добавил: - этимология слова "страх" мне тоже неизвестна" (359). Ориентация образа мальчика, безусловно, имеющего пародийный характер, на стиль и суть героев Ефремова ясна любому читателю "Гуманности Андромеды" и "Сердца Змеи". Такой читатель обязательно вспомнит Эру Великого Кольца, Эпоху Разобщенного Мира и прочие дефиниции в трактовке прошлого и будущего по этим произведениям.

Композиция повести "Понедельник начинается в субботу" включает в себя и так называемое "Послесловие и комментарий", авторство которых отдано Стругацкими все тому же Саше Привалову. Герой литературного произведения строго и даже придирчиво разбирает само произведение, укоряет авторов за неточности использования научных терминов, за несоблюдение фактографии, за пристрастие к домыслу и т. д. Эта шутливая "самокритика" Стругацких прекрасно оправдывает себя, создавая у читателя впечатление как бы подлинности всех событий и героев. Выполняет Привалов также просьбу авторов прокомментировать непонятные термины и малознакомые имена, причем в его комментарий входят понятия преимущественно "магического" характера - "Авгуры", "Вурдалак", "Голем", "Домовой" и т. п. Объяснения Привалова сами по себе примечательны своим "вторично" фантастическим смыслом. Так, например, гомункула, - разъясняет герой повести, - нельзя создать в колбе, но можно синтезировать в автоклаве, что и делается в целях биомеханического моделирования. Иначе говоря, сами комментарии являются частью повести и носят оттенок мистификации, к которой читатель уже приноровился, приняв условия игры. Но дело в том, что задолго до Стругацких первым и почти единственным автором, написавшим словарь-комментарий к своему

произведению, был И. Ефремов! Его примечания к "Туманности Андромеды" разъясняют читателю как совершенно реальные научные термины, так и фантастические, о чем не забывает сообщить автор, словообразования. Нам кажется, что эту завершающую роман часть трудно считать удачной и что своим словарем Стругацкие пародируют тяжеловесный и излишне серьезный комментарий Ефремова.

Завершая наш краткий анализ некоторых аспектов творчества Стругацких, скажем, что вся современная советская фантастика развивается под несомненным их влиянием. Именно Стругацкие своими поисками в области гуманизма и нравственности потеснили научно-логизированный подход к фантастике, свойственный И. Ефремову, вернули фантастике ее право быть прежде всего художественным творчеством, столь же сложным и неоднозначным, как и сама жизнь.

Примечания и ссылки:

1. Интервью с братьями Стругацкими // Даугава. - 1987. № 8. - С. 98.
2. Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу: Б-ка совр. фантаст.: В 15 т. - М., 1966. Т. 7. С. 367. (Далее цитаты даются по этому изданию с указанием страницы в тексте).
3. Бритиков А. Русский советский научно-фантастический роман. - Л., 1970. - С. 267.
4. Ефремов И. Сердце Змеи. - М., 1969. - С. 19.
5. Там же. - С. 20.

Алекс Манфиш. Русская культура и вечная женственность

Даже самые любящие Россию люди признают печальную и непреложную истину: не было в русской культуре ничего подобного европейскому Возрождению. Был ли возможен Ренессанс в стране, где никто не получал классического образования, почти никто не владел греческим и латынью? В стране, отделенной от Запада и степным окружением своим, и полуазиатским бытом, и идеологической стеной учения о вселенском царствующем христианском граде, который надлежит охранять от еретических соблазнов и прельщений с закатной стороны. И ранее, в средние века, уже успели русская история и культура пойти иною стезей, нежели европейская. И, наряду с университетами, осталось чуждым России также одно из самых обаятельных культурно определяющих европейских начал: рыцарство. Образ воина, самоотверженно отдавшего себя служению возлюбленной; романтика отношений между ним и его избранницей; череда сражений, в которых он - даже если бьется не за нее, а за короля или сеньора, - возглашает ее имя и ей посвящает подвиги... где можно это встретить? В старинных английских, французских, немецких поэмах... но никогда не было и не будет ничего похожего на русской культурной почве. Жаль, но это факт. И все же мне давно уже казалось: пусть нет в России этой красоты, зато есть некая иная, которую, может быть, и не столь легко увидеть и оценить, но, внимательно взглядевшись, - можно.

Зачитываясь, подобно многим другим, романами и поэмами, где блистательные подвиги, бесстрашные воины и

томно-нежные красавицы, я - в первой юности, еще скорее полуосознанно, - пытался найти в этих историях нечто упущенное, то, о чем они умалчивают, к чему их иногда безымянные, а порой и знаменитые авторы, быть может, опасались прикоснуться.

Прекрасная дама увенчивает своей любовью самого доблестного. То ли он спас ее из плена, то ли отличился на турнире, то ли поверг к ее стопам сокровища разоренных им чужеземных городов, - как бы то ни было, он получил свою пятерку с плюсом. Заслужил. Завоевал. За первое место - золотая медаль.

Так, ну а дальше? Вот поехали они к нему в замок, чтобы жить-поживать и добра наживать. И, допустим, внезапно напал дракон. И с этим очередным драконом наш отважный воин - сделав все мыслимое и возможное, - не справился. Ибо тот - сильнее его. И тут, из-за высоких скал, мчится другой рыцарь, на белом, или сером в яблоках, или вороном - додумывайте сами, - коне; заносит он копьё, выхватывает двуручный меч... и - одолевает дракона! И спасает обоих от неминуемой гибели. Возлюбленный прекрасной дамы - конечно же, в расстроенных чувствах. Ему тяжело это пережить. "Я побежден, меня - и мою любимую, - выручил этот незнакомец, более сильный". Он кланяется спасителю.

- Мы обязаны вам жизнью. Я навек ваш верный вассал. Стоит вам призвать меня, и я встану под ваши знамена.

"А что же мне теперь остается?" - горько думает он. Но как же теперь поступит красавица? Хотелось бы думать, что она - тоже, конечно, поклонившись, - скажет спасшему их:

- Сударь, мы восхищены вашей ратной доблестью. Мы - я и мой возлюбленный, - никогда не забудем того, что вы сделали для нас. Он помчится к вам на помощь по первому кличу, а я, препоясав и проводив его, буду, вознося молитвы,

рядом с его именем произносить ваше. А когда незнакомец простится с ними, утешит суженого такими словами:

- Тебе тяжело сейчас, ты побежден, тебя тяготит, что ты в долгу перед более сильным. Но знай, что ты и только ты всегда пребудешь моим любимым, и для меня, навеки твоей, никто - сколь бы ни был непобедим его меч, - не затмит тебя. Знай же это и воспрянь душой.

Красиво. Хотелось бы думать, что будет именно так. А если нет? Ведь она же, эта дама, избрала - самого-самого. За это и избрала, и увенчала. А он, на поверку-то оказывается, - не самый-самый. И... что, если скажет она спасителю, славному и несокрушимому:

- До встречи с вами я считала моего - ныне поверженного и только вашей десницей спасенного, - спутника нахрабрейшим из всех и одарила его своей любовью. Но ныне я встретила того, кто более, нежели он, заслужил ее. Нет никого доблестнее вас, о незнакомый и столь счастливо подоспевший на выручку герой! Вы и только вы достойны быть моим возлюбленным.

Возможно ли это? Увы - согласно канонам средневековой романтики, - да.

Открываем роман "Рыцарь со львом" Кретьена де Труа. Двенадцатый век. Роман длинен, не стану его пересказывать целиком, но вот момент, имеющий прямое отношение к нашей теме. Главный герой, доблестный Ивэйн, сражает в честном и трудном бою владельца таинственного замка, супруга прекрасной Лодины. Красавица клянет его, плачет, что лишилась мужа, друга, защитника. Но ее служанка, уже и ранее проникшаяся симпатией к Ивэйну и успевшая оказать ему мимолетную помощь, утешает госпожу и пробуждает в ней мысль, что еще лучшего защитника сможет она обрести в лице победившего рыцаря, если только соизволит одарить его своей

любовью.

Вот ее ключевые - и очень знаменательные, по моему, - слова:

"Кто лучше? Тот, кто побежден?

По-моему, вознагражден

Всегда бывает победитель,

Хоть рядовой, хоть предводитель". [1]

И прекрасная Лодина, представьте, внемлет сему. И становится женой храбрейшего из храбрых, Ивэйна. Вот так.

Побежденный недостоин любви - такова идея. И ни в одном рыцарском романе тот герой, которому предназначается роль "возлюбленного с большой буквы", - не изображается побежденным. И не ставится вопрос: а что бы делала красавица, если бы ОН, увенчанный ею, - был вдруг повержен? Ни Ланселот, ни Тристан в таком положении не оказываются. Им нельзя. А Ги, сыну Сиварда - в романе безвестного английского автора, - его любимая, прекрасная графиня Фелис, говорит, что одарит его любовью лишь когда - и если, - он покроет себя ратной славой. [2]

Заслужи - и лишь тогда я (если сочту твои подвиги достойными моей благосклонности) стану твоей...

В знаменитой "Песни о Нибелунгах" Кримхильда обнаруживает благосклонность к нидерландскому принцу Зигфриду, главному герою не раньше, чем он показывает себя неоспоримо сильнейшим из сильных, сражаясь за бургундов в битве против саксов и датчан - см. авантюры (главы) 3 и 4. Он, будучи наидоблестнейшим, достоин любви. А Гунтер, старший из трех бургундских братьев-королей, возмечтал о браке с прекрасной воительницей Брунхильдой и получил ее в жены благодаря тому же верному другу Зигфриду - тот, укрытый плащом-невидимкой, выиграл для него состязание с

очаровательной амазонкой (авентюра 7). И он, этот Гунтер, - подвергся страшному унижению. В первую брачную ночь Брунхильда, желая сберечь девственность, скрутила посягнувшего на нее законного супруга и подвесила на крюк у стены. Выручил снова Зигфрид: в следующую ночь, под тем же самым плащом-невидимкой, он, в темноте притворившись Гунтером, с невероятным трудом все-таки одолел непокорную деву, и она, признав силу "мужа", согласилась отдаться ему. Тогда Зигфрид тихо удалился. Оставшуюся на долю Гунтера уже куда более приятную миссию он исполнил, видимо, без осечек; Брунхильда же, утратив невинность, лишилась и своей грозной мощи, "равна по силе стала она любой из жен", и, коли так, бургундскому королю уже не грозила перспектива снова повиснуть на крюке... Все это - в авентюре 10.

А между тем Гунтер - пусть потом он и предает Зигфрида, за что и мстит еще позднее и ему, и братьям, и всей их дружине безутешная Кримхильда, - не слаб и не малодушен. Уважительно и сочувственно изображается он, когда, перед самым концом поэмы, бьется - беззаветно и безнадежно, - с Дитрихом Бернским (авентюра 39 - заключительная). Дитрих побеждает его, уставшего, отчаявшегося, "и хлынула из раны кровь, красна и горяча", но мужество Гунтера несомненно. Не из тех он людей, для которых подвергаться издевательствам - как бы жестоко это ни звучало, - "закономерно" по самой их природе. Но унижение, испытанное им в первую брачную ночь, - "червоточина", которая, по канонам, ему "полагается". Не только за то, что Брунхильдой он завладевает путем обмана, но и потому, что он - не самый доблестный, - не может, не должен удостоиться безупречной романтической любви.

Я здесь пишу не о реальных средневековых отношениях между мужчинами и женщинами, я пишу о куртуазно-романтическом идеале, на котором многие поколения людей в те века воспитывались. Идеал был таков, что женскую любовь

надо заслужить. И "судящее" отношение возлюбленной - "а в достаточной ли мере ты победитель?" - принималось как должное.

Так было не только на Западе, но и на Востоке. Тариэл, витязь в тигровой шкуре, влюбленный в Нестан-Дареджан, получает от нее "задание" - убить хорезмийского царевича, назначенного ей отцом в женихи, - а затем выслушивает (не в первый раз) незаслуженный упрек в промедлении:

"На меня взглянула дева раздраженно и сурово.

"Что ты ждешь? - она спросила. - Разве жертва не готова?

Иль опять меня забыл ты? Иль обманываешь снова?"

(Гл. 14, "Приезд хорезмийского царевича и гибель его от руки Тариэла" - перевод Н. А. Заболоцкого)

Ничуть он ее, конечно, не "забыл", и раньше не забывал, и никогда не обманывал... Надо отдать девушке справедливость, она, не желая неповинной крови, призывает его пощадить свиту этого хорезмийца ("Лишь царевича убей ты, не грози другим расправой"- гл. 13). Но в речах ее непрестанно звучат агрессивные струны. И "суд" над возлюбленным - более того, готовность чуть что излить на него лавину обвинений, - один из лейтмотивов образа. "Как на выступе утеса громоносная тигрица, На меня смотрела гневно омраченная девица" (там же). И, надо сказать, с идеалом Руставели это полностью согласуется, ибо он пишет о предмете своего собственного любовного служения, царице Тамаре: "Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица" ("Вступление"). Sic.

Женская любовь или заслуживается, или - уж это обязательно, - оправдывается тем, что возлюбленный безупречно проявляет себя, сражаясь. Таковы каноны, и не только авторы подчас шаблонных рыцарских сюжетов, но даже гении классической литературы не преступали их ни в эпоху

Возрождения, ни, пожалуй, даже много позже. Ромео, уже любимый Джульеттой, ДОЛЖЕН побеждать в любой схватке, и он побеждает. При том, что и Тибальт, и граф Парис старше и опытнее шестнадцатилетнего мальчика... В наши времена это научились учитывать, и в замечательном фильме семидесятых годов было найдено решение: Тибальт явно сильнее Ромео и несколько раз бросает его, куда более хрупкого, но, мчась, чтобы нанести смертельный удар, натывается на меч уже лежащего, сбитого, поверженного им юноши - и гибнет сам. Поединка же с Парисом в фильме нет, и не столь уж он по сюжету нужен...

А вот Айвенго, полубольной, выезжает на судный бой с Буагильбером, защищая прекрасную Ревекку. Да, героично, но ранее он, будучи в полном здравии, дважды побеждал этого своего противника на турнирах. А ведь согласно самой "ткани образа", испепеляемый страстями рыцарь-храмовник - более силовая, матерая фигура. Айвенго юношески утончен, и, по моему, героики было бы еще больше, если бы он был на тех турнирах повергнут Буагильбером и перед этим смертельным поединком знал, что он слабее, - но все же выехал бы сражаться...

Но и умный, тонкий Вальтер Скотт, уже в девятнадцатом столетии, вынужден следовать тем же канонам. Правда, его Квентин Дорвард на глазах своей возлюбленной Изабеллы, уже сбив с коня герцога Орлеанского и схватившись с коннетаблем Дюнуа, близок к поражению, когда их бой прекращают подоспевшие стрелки; но Дюнуа изображен "сверхвоином", это иная "весовая категория", и в данном случае достаточно того, что Квентин и против него держится молодцом. И побежденным он себя - не признает.

Ну, а была ли воспета в литературе - от средневековой и вплоть (не включительно) до новейшей, двадцатого столетия, - любовь к побежденному и небезупречному?

Здесь я должен коснуться личного. Ибо выражение "любить побежденного" мною заимствовано, и едва ли честно было бы умолчать об этом. В юности привелось мне быть знакомым с одной девушкой, которая, откровенно признаюсь, сделала мне раздинамистое динамо. Что было, то было. Ладно, дело житейское, и в принципе все у меня о-кей в личном плане, жаловаться не на что...

И вот эта самая девушка сказала мне однажды: "Я не могу любить победителя; я могу любить только побежденного". Думаю, что сказала не искренне, а рисуясь, поскольку на деле была она куда прагматичнее, чем в речах. Но меня это высказывание поразило и заставило очень многое осмыслить.

За этот подарок - как бы я к ней ни относился, - спасибо.

Тема "любви к побежденному" захватила меня. И теперь - вновь вопрос: а была ли в старинной литературе воспета такая любовь?

Ответ - БЫЛА.

Где же? В рыцарском ли романе?

Нет. Вот здесь:

"Полечю... зегзицею по Дунаеви, омочю бeбрян рукав въ Каяле реце, утру князю кровавыя его раны на жестоцем (сильном - А. М.) его теле.

... О ветре ветрило! Чему, господине, насильно вееши? Чему мычeши хиновьскыя стрелкы на своeю нетрудноу крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бьашет горе под облакы вeяти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развeя?

... О Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеял еси на себе Святославли носады (ладьи - А. М.) до полку Кобякова. Возлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала к нему слез на море рано.

... Светлое и тресветлое солнце! Всем тепло и красно еси! Чему,

господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? В поле безводне жаждею им лучи спряже (луки расслабило - А. М.), тугою им тули (колчаны - А. М.) затче".

Не хочу я переводить. Язык очень старинный, но все-таки - тот же, и в любом переводе многое, на мой взгляд, будет утеряно...

Мы не знаем, так ли и на самом деле относилась к князю Игорю его жена, Евфросиния, дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла. Но в этом плаче - чистейшая, от Вечной Женственности берущая свой исток, ЛЮБОВЬ. Безусловная, ни от силы, ни от храбрости возлюбленного совершенно не зависящая.

Игорь - так себе полководец. Войско расположил он так, что на его полки ветры веют стрелы. И сражался, быть может, не хуже многих, но не он самый доблестный, а его брат Всеволод, о котором куда восторженнее пишет автор. И, молвив героическое "луче ж бы потяту (убиту) быти, неже полонену быти", оказался затем, вопреки этим словам, в плену; а значит, не бросился исступленно на окруживших его половцев - тогда убили бы, - а, получается, сдался... Тоже не смотрится, после таких-то речей. Не образец он "безумства храбрых".

Добавим еще и то, что, пустившись потом в свой побег, он отчасти обманул доверие половцев, создавших ему - почетному пленнику, - условия вроде тех, что бывают вроде бы в шведской или датской тюрьме. Его даже охраняли не слишком, он и на охоту ездил... Вот летописный рассказ об этом (довольно длинный, поэтому цитирую в переводе):

"Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил и с ястребом охотился, а своих слуг пять или

шесть также ездило с ним. Те стражи его слушались и почитали, а если посылал он кого-либо куда-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И попа привел из Руси к себе для святой службы, не зная еще Божественного промысла, но рассчитывая, что еще долго там пробудет". [3]

И, в отличие от Эдмона Дантеса, не особенно рисковал Игорь Святославич в этом побеге. Кончаку он был нужен живой и невредимый - и он сам, и его сын, Владимир, за которого Кончак хотел выдать (и благополучно выдал несколько позже) свою дочь.

"... приде Володимеръ изъ половець съ Коньчаковною, и створи свадьбу Игорьъ сынови своему, и венча его и с детятемь". [4]

А до поры до времени наш князь оставил сына в плену - впрочем, понимая, что тому ничто не грозит, и, видимо, договорившись с ним... Так или иначе, не смотрится Игорь в свете всего изложенного очень уж героически.

Но Ярославна не "судит" его, а хочет полететь и утереть его раны. "Ладом" - возлюбленным, - не перестал он быть для нее ни загубив войско, ни уступив подвигами брату, ни сдавшись в плен. Он - и в славе, и в бесславии, - навсегда любимый.

ОТСТУПЛЕНИЕ. Наивное упрощенчество - считать, что в плаче своем она обращается к "языческим божествам". Ярославна здесь - символ-метафора Русской земли. Ее плач звучит почти сразу вслед восклицанию "О, стонати Руской земле..." И, олицетворяя одну из четырех мирообразующих стихий - землю, - она взывает к трем остальным, - воздуху, воде, огню, - желая, воссоединив разъятую скорбью-кручиной

мировую целостность, прорваться к Богу, быть услышанной Им.

И Он слышит. Вслед за плачем Ярославны - опять же сразу, - "... Игореву князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую..." Плач-молитва женщины, любящей безусловно, - не судящей, а только любящей, - в силах вызволить любимого ею человека.

Мне за этим видится, вопреки всем сложившимся датировкам, основательный временной пласт - несколько веков по меньшей мере, - библейско-христианской культуры. Но это - вопрос отдельный.

Возвращаясь же к нашей основной теме, напомним: "Слово" написано в двенадцатом веке. Это времена Кретьена де Труа. И здесь - совсем иное, нежели в истории Ивэйна и Лодины.

Хорошо, а можно ли найти в русском средневековье еще нечто подобное?

Можно. Вот сюжет народной песни-баллады "Федор Колышатой". На пиру молодцы хвастаются кто чем горазд. Некие "Волховичи" - два брата, - похвастались, что есть у них сестра, и ни солнце ее не греет, ни месяц ей не светит. То есть не выходит она из терема, что считалось залогом ее непорочности, которую они - братья, - лучше кого бы то ни было берегут. А этот самый Федор говорит им, что они "пустым хвастают" и что он видел их сестрицу "в рубашке без поясу". Потом, спохватившись, едет он к ней и признается - "уж тобой я, душечка, призахвастался". Она же - и не укорив его, - кратко предрекает: "уж теперича нам живым не быть". Так и получилось. Вот концовка:

"... Тут разъехались два брата, два Волховича:

— Выходи ты, Федор, на красное крыльцо.

Тут спрговорит Софьюшка-волшебница:

— Хоть лежать тебе, доброму молодцу, не отлежатися,
Хоть сидеть тебе, доброму молодцу, не отсидетися.
С душой Софьюшкой распростилися,
Выходил Федор на красное крыльцо.
Еще подкололи два брата, два Волховича,
На два копыюшка булатные.
Еще в ту пору Софьюшка-волшебница подкололася
На два ножечка булатные.
Еще в те поры два брата прослезилися:
— Уж не знали мы, сестрица, над тобой это случится,
То совокупили бы мы голубя с голубицею". [5]

В старинных русских народных сюжетах мы не раз встречаем мотив самоубийства. Видим в том числе женщин, налагающих на себя руки или просящих смерти, утратив любимого. Но здесь любимый - в отличие не только от Ромео, но и от безупречного Игоря Святославича, - не только не герой, а форменный, всамделишный АНТИГЕРОЙ.

Именно так. Он даже антигероичнее, чем персонаж еще одной, восходящей к тому же самому прототипу баллады - тоже ничем себя не проявивший, безвольно и глупо отдавший жизнь Иван Дудорович. Спал - почивал этот Иван в постели своей возлюбленной (тоже "Софьи Волховичны"), и не сумела она разбудить его на заре, сколь ни добуживалась, а тут и братья подоспели. Встретившись с ним, отрубили они ему в чистом поле буйну голову и привезли сестре "на блюде"; женщина же, в скорби и отчаянии, крикнула: "Вы куда теперь девали тура золоторого, и туда же турицу золотошерстную". [6] То есть не захотела жить без него, пожелала гибели - и получила ее от беспощадных блюстителей семейной чести.

Ни в том, ни в другом сюжете возлюбленный не защитил ни себя, ни женщину свою; но если Иван ни в чем умышленном не виновен - просто спать надо было не так

беспробудно, - то Федор вполне сознательной похвальбой погубил... ладно бы еще только себя, но ведь и ее тоже. Ее, которая не в силах была жить без него. И тем преступнее эта похвальба, что ведь разве не понимал он, что похвалиться-то похвалится, а защитит - не защитит?..

Это я к тому, что есть очень схожая новелла об Алеше Поповиче, который тоже хвалится тайной любовью; но он почти во всех записях сказания либо отбивает женщину у братьев, везущих ее казнить, - подловат, но хотя бы удал, - либо просит ее руки, то есть, так или иначе, не дает ей пропасть. [7]

Федор же этот самый ничего, кроме презрения - ну, может, еще презрительной жалости, поскольку и сам погиб, - не вызывает. А женщина - пала на булатные ножи, ибо не в силах была жить без него. При том, что братья у нее - несколько иные, нежели в балладе об Иване; ЕЕ они - в конце прослезившиеся, - не убили бы. Но ей не мила была жизнь без Федора. Доблестен он или достоин презрения, - он любим потому что любим, близок потому что близок.

Это явно и неоспоримо сказание московских времен. Россия, надо отметить, не хранила сознательно и бережно свое народное творчество вплоть до второй половины 18-го столетия, когда фольклор, в том числе старинный, стали собирать и записывать. Эти очень и очень запоздавшие записи содержат множество искажений, подчас безвкусных и грубых, они имеются в большей части дошедшего до нас. Но сквозь наросшую ржавчину сияние поэзии все-таки проглядывает. И сюжетно-психологический стержень каждой из этих собранных песен народная память сберечь сумела. И вот мы видим: этот мотив безусловной, чистейшей женской любви к человеку далеко не обязательно очень уж "достойному", - то, что звучит в плаче Ярославны, - продолжал жить в преданиях Московии.

Именно здесь. Ни у двух других народов, преемственных древнерусскому, ни в Европе, ни уж тем более

на Востоке - ибо и самой акцентуации женского начала там было меньше, - мы не найдем такого.

У каждой культуры - свои вершины и свои пустоши. И я прекрасно понимаю: ни на Руси Игоря и Ярославны, ни в царстве Московском не культивировалось ничто похожее на рыцарство, на идеал мужского любовно-воинского служения. Этой жемчужины - не было. Но была другая - та, о которой я пишу.

Можно бы возразить: этой безусловной женской любви именно и хотели там, где не было рыцарского идеала, который обязывал бы юношей и мужчин стремиться к безупречности, состязаясь между собою в том, кто в большей мере к ней приблизится. Мужской стереотип был менее требователен - отсюда и возможность для побежденного, а то и для антигероя, быть возлюбленным.

И все же едва ли это могло повлиять существенно. Рыцарства не знали ни Русь, ни Россия, но воинская доблесть, тем не менее, восторженно воспевалась и в "Слове о полку Игореве", и в других поэмах и повестях, самая монументальная из которых - "Сказание о Мамаевом побоище". И переводов хватало на героические темы. Например, византийское "Девгениево деяние" [8] и западные повести о Троянской войне [9]. В этих текстах - едва ли намного меньше, чем в рыцарских романах, - героика сочетается со своеобразной, на средневековую мерку, "эротикой"... И Иван-царевич - герой и "возлюбленный" в русских народных сказках, - ничем не уступает в эмоционально-волевом смысле своим французским и немецким собратьям - принцам, скажем, из "Белоснежки", "Спящей красавицы" и "Золушки". Да, он не в состоянии сундук, из дупла извлеченный, открыть, чтобы утка не вылетела; но он, по крайней мере, в путь за тридевять земель пускается - иными словами, что-то делает, - и перед Бабой-Ягой не трусит. Принцы же эти ни тяготам, ни опасностям, ни вообще

тем или иным жизненным испытаниям не подвергаются, а младшего сына мельника маркизом Карабасом делает исключительно кот... Если подытожить, то не меньше других ценили русские отвагу и находчивость в добром молодце.

А эта жемчужина женской любви к "не самому сильному", "не самому храброму", да и оплошавшему, - была. И с нею воедино - настрой на заботу, самоотдачу и жертвенность: полететь кукушкой, чтобы омыть раны любимого, и нежелание жить без него - пусть недостойного...

Настрой на заботу - и даже не только о возлюбленном. Есть драгоценная - удручающе поздно, конечно, записанная, но основы, сердцевины все же не утратившая и в этом виде, - историческая песня о смерти очень любимой народом Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, первой жены Ивана Грозного. Почитаем, что говорит она перед кончиной царю:

"Уж ты гой еси, Грозный царь Иван Васильевич!

А как буду я тебе наказ наказывать:

Ты не будь же горяч, не будь спальчив же,

До своих ты малых деточек будь ты милостив,

А до двух-то все младых царевичей.

Я ище тебе буду наказ наказывать:

Ты постой-ко-се за веру православную,

Ты постой-ко за монастыри те спасенные,

А за те же за церкви те за божие.

Я ище тебе буду наказ наказывать:

Уж ты будь ты кроток, будь ты милостив

До чужих-то до деточек,

Новобранных все солдатушек:

Соят-то они за веру православную,

За тебя, царя Ивана Васильича,

За всех-то князей, за бояр.

Я ище буду тебе наказ наказывать:
До своих-то князей будь ты кроток, будь ты милостив,
А до тех же ты князей, все бояр же.
Я ище тебе буду наказ наказывать:
Уж ты будь ты кроток, будь ты милостив
А до тех же крестьян да чернопахотных:
Ты наложь-ка на их подати по три денежки,
Наберешь ты многи тысячи;
Ты положь на их по три копеечки. Уж ты много насбирашь
казны несчетный...
Я ище тебе буду наказ наказывать:
После моего-то бываньица
Не женись-ко-се ты в проклятой Литвы
В проклятой Литвы, орды поганья;
У Кострюка-Небрюка на родной сестры,
На той же на Марьи Небрюковны:
Как порушится наша вера православная". [10]

Что представлял собою Иоанн Четвертый, в общих чертах знают все, но некоторые моменты надо здесь пояснить. "Проклятая Литва, орда поганая" шаблонна и условна. Умирающая просит царя не брать в жены кабардинскую княжну Кученей (или Гошаней), в крещении Марию Темрюковну. Фактически Иоанн посватался к этой княжне еще в год смерти Анастасии, а в следующем, 1561, году она приехала в Москву и стала царицей. Была она, судя по имеющимся отзывам, фигурой зловещей, влияние которой усугубило и без того изуверскую жестокость ее мужа. У Карамзина читаем: "Современники пишут, что сия Княжна Черкесская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Иоанна в злых склонностях, не умев сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо он уже вкусил опасную прелесть непостоянства и не знал стыда". [11] Не стану здесь цитировать документы, на которые опирается

историк, поскольку главное для нас в данном случае - не объективные факты, а образы и впечатления живших в те годы людей. Уже само имя этой черкесской княжны (хоть и с искаженным отчеством), упомянутое в песне, свидетельствует вполне надежно о том, что текст в основе своей сложен современниками, то есть во второй половине 16-го столетия. Да и вообще народ слагает песни обычно о том, что перед его глазами, а не о давнишнем... И вложенное в уста умирающей Анастасии "Как порушится наша вера православная" - согласуется с тем, что утверждает Карамзин. Это не мелодраматическое "не достанься никому", а стремление отвести кровь-пагубу... Далее, в шестнадцатом веке три копейки (алтын) были немалой деньгой, но "три копеечки" здесь - наслоение времен намного более поздних, когда копейка уже не имела сколько-нибудь серьезной цены ("чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка" - это из "Капитанской дочки"). Анастасия увещевает - щадить, брать понемножку, с миру по нитке. Наконец, "солдатушек" тогда еще не было - первые полки "солдатского строя" появились в России только в 17-ом веке, при Михаиле Романове.

Вот и еще одна жемчужная бусинка. Образ царицы, которая, умирая, заботится о народе, призывает - щадить, думает, наряду со своими, и о чужих детушках, и о служилых головушках, и о "крестьянах чернопахотных". Мне знакомы народные предания разных стран, в основном европейских. Английскими и шотландскими балладами - зачитываюсь и восхищаюсь. Но нигде не встречался мне фольклорный образ королевы, которая простирала бы свою заботу на "неромантичных", скажем так, нетитулованных подданных. Заботу тем более трогательную и переходящую в жертвенную самоотдачу, что перед смертью она...

Женская забота, самоотдача, жертвенность... Было, конечно, все это и в иных краях, еще как было! Например,

изумительные андерсеновские Герда и Элиза. Но и у той, и у другой те, ради которых они переносят тяготы, - достойны и даже, согласно традиции сказок, идеальны. И братья Элизы, и Кай: ведь его делает холодным и бесчувственным осколок зеркала, сам он не виноват.

Далее, у двух титанов французской литературы - Дюма и Гюго, - есть любовь женщины к побежденному и самопожертвование девушки ради любимого. Миледи любит трижды раненного д'Артаньяном графа де Варда: "Бедный мой друг, это чудовище, этот гасконец, чуть было не убил вас!" - говорит она, не зная, впрочем, что не граф, а именно гасконец обнимает ее в темноте. В "Отверженных" же Мариуса спасает на баррикаде, жертвуя собой, безответно и безнадежно влюбленная в него Эпонина, дочь Тенардье.

"Солдат уже взял его на мушку, как вдруг чья-то рука охватила конец дула и закрыла его. Это был бросившийся вперед молодой рабочий в плисовых штанах. Раздался выстрел, пуля пробила руку и, быть может, грудь рабочего, потому что он упал, но не задела Мариуса..."

На самом деле то была переодетая Эпонина.

Но миледи - роковая женщина, а Эпонина хотя и трагична, но... делать нечего, приходится сказать - вульгарна, она изъясняется на "арго", может и подраться... Нет в ней, конечно же, света женственности. Прелестная же Козетта не ставится автором в условия, в которых нечто подобное стало бы возможным с ее стороны. От "возлюбленной по замыслу" это не ожидается.

А теперь посмотрим русскую классику девятнадцатого столетия. Кроткая, с лучистыми глазами, жертвенная - что прослеживается в ее отношении к тяжелейшему по характеру деспоту-отцу, - княжна Марья Болконская становится женой

Николая Ростова. И его же еще ранее любила чистойшей любовью столь же изумительная Соня, названная Наташей в эпилоге - жестоко и несправедливо, по-моему, - "пустоцветом". За что? За жертвенность ли - до самоотречения?

А между тем этот Николай - далеко не рыцарь без страха и упрека. В схватке под Шенграбеном, незадолго до Аустерлица, погибает его лошадь, и тогда, в ужасе перед возможной смертью ("Кто они? Зачем они бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? Меня, кого так любят все?"), он, вместо того, чтобы стрелять в ближайшего француза, бросает в него свой пистолет, и - бежит "с чувством зайца, убегающего от собак". И ему, по счастью, удается добежать до русских стрелков...

Нет, Николенька - не эталон доблести. Но именно он в романе удостоивается любви двух ТАКИХ женщин.

А вот упомянутая уже вскользь "Капитанская дочка". Белогорская крепость захвачена Пугачевым, вершится казнь; капитан Иван Кузьмич Миронов и кривой гарнизонный поручик Иван Игнатьич не просят пощады, называют Емельку вором и самозванцем и расстаются с жизнью. Очередь Петра Гринева. "Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей" - пишется от лица главного героя. Может, и готовясь... может, и смело глядел... Но изменник Швабрин что-то шепнул атаману, и тот приказал - вешать, - не вступая в диалог с юношей, и мы не узнаем, что ответил бы тот, если б Пугачев и его спросил - как, дескать, посмел ты пойти против государя... Автор избавил Гринева от необходимости что-либо отвечать. И вот накидывают петлю, но тут верный Савельич валится самозванцу в ноги, молит пощадить барское дитя. Емельян, сжалившись, дает знак развязать Петрушу; ну, а далее - да простит мне читатель длинную выдержку, но здесь без нее нельзя:

"Батюшка наш тебя милует", - говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова повели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. "Целуй руку, целуй руку!" - говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. "Батюшка Петр Андреич! - шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. - Не упрямясь! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку". Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: "Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!" - Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии".

"Комедией" это названо потому, что в таком величании казака-самозванца царем было нечто от фарса.

А что касается Гринева, то... памятуя, кто автор, удивимся ли, что решение найдено гениальное?.. Петр испытал потрясение, он в шоке, он не может в эти мгновения активно действовать; не он становится на колени, а его "ставят"; он - к чести своей, - руки не целует, но и не порывается встать; что ж, человеку, у которого только что была на шее петля, многое извинительно. И все же - он на коленях; потом же, доставленный к самозванцу, отвечает ему осторожно и уважительно. Служить Пугачеву - отказывается, и не идти против него - тоже не обязуется, но под конец говорит: "Отпустишь меня - спасибо; казнишь - Бог тебе судья; а я сказал тебе правду". Вряд ли кто-то не согласится, что подтекст здесь - просьба помиловать. Не стану подробно пересказывать то, что все мы в школе учили; и Петруше никто из нас не судья - упаси Боже судить, - но и в его поведении тоже нет того самого "безумства храбрых". И "прекрасная дама" ему за эту историю

поставила бы далеко не пятерку. Нет - тройку вклепила бы... с плюсом, пожалуй, ну, а уж если совсем по-доброму, - четверку с минусом...

Маша в эти моменты не видит любимого. Они встречаются вновь лишь когда он приезжает - опять же, с тем же самозванцем, - избавлять ее от ненавистного Швабрин. Ее мысли не описываются, но что может она думать? Петр Андреевич не погиб, в отличие от ее родителей и того поручика, - нет, он приехал с их убийцей, а значит, если и не служил Пугачеву, то на некие компромиссы, так или иначе, пошел. Но она - любит его и такого. И когда позже он под арестом, и даже отец видит в нем "ошельмованного изменника", она, Маша Миронова, тоже не зная ведь точно, что уж там были за обстоятельства, - едет к царице выручать его, просить за него. Она - не судит, а любит. Безусловно и непреложно. В традициях Ярославны и той Софьи, заколовшейся двумя булатными ножами, и ее несправедливо обозванной "пустоцветом" тетки из "Войны и мира".

Мы встречаем это именно в русских женских образах - мотив безусловной, не судящей, любви и заботы. И, если вновь вспомнить Ярославну, более восьмисот лет звучит эта струнка. Значит, тут преемственность сквозь века.

Россия в восемнадцатом веке взяла европейские жанры, созданные, впрочем, еще античностью, приобщилась с опозданием к тому наследию, которое и ей тоже, ввиду ее пребывания в лоне христианской цивилизации, законно принадлежит. Но взяла именно оболочку - и в освоенные ею творческие формы вложила то, что зрело в ее душе на протяжении всего затянувшегося малокультурного средневековья. Средневековья, которое не только ничем подобным ренессансу не увенчалось, но и озарилось все долгие века - из трех светильников, - лишь одним. Не светили Московии ни блистательные самоцветы древнеэллинической

поэзии, ни чеканные образцы латинской учености. В полуазиатской дали ее лишь одна свеча сияла ей все же: библейская.

Сияла - и не вотще. Ибо по сути, по содержанию русская культура послепетровских времен - культура самостоятельная и не "молодая", ученически наивная, - нет, очень зрелая. Ей - еще как, - было что сказать. Те жемчужины, которые здесь показаны, - не единственные, но об остальных надо писать отдельно...

Заемствованность, ученическая склонность подражать усматривались не раз даже в самых великих образцах русского творчества. Пример - письмо Татьяны. Да, имеется здесь нечто похожее на письмо Юлии к Сен-Пре из "Новой Элоизы" Руссо. Во-первых, конечно, - сам факт женского признания. Далее, вот перекличка фрагментов:

Юлия: "Что же мне сказать?"

Татьяна: "Что я могу еще сказать?"

Юлия: "... по твоей вине я достойна презрения..."

Татьяна: "... в вашей воле меня презреньем наказать".

Юлия: "...ради моего спасения ты должен стать моим единственным защитником от себя же...";

"... я знаю тебя: ты укрепишь мои силы, станешь моим защитником,охранишь меня от моего же сердца".

Татьяна: "... до гроба ты хранитель мой", "... твоей защиты умоляю".

Юлия: "Твоя добродетель — последнее прибежище моей невинности. Свою честь я осмеливаюсь вверить твоей..."

Татьяна: "Но мне порукой ваша честь, и смело ей себя вверяю".

И почти перед самым концом Юлия пишет: "О Господи! Ужели мало всех этих унижений? Я пишу тебе, друг мой, стоя на коленях, я орошаю письмо слезами, возношу к тебе робкую

мольбу. И все же не думай, будто я не знаю, что мольбы могли бы возноситься ко мне и что я подчинила бы тебя своей воле, стоило лишь уступить тебе с искусством, достойным презрения. Возьми суетную власть, друг мой, мне же оставь честь. Я готова стать твоей рабою, но жить в невинности, я не хочу приобретать господство над тобой ценою своего бесчестия. Если тебе угодно будет внять моей просьбе, то какой любовью, каким уважением воздаст тебе та, которой ты вернешь жизнь!.."

Она не хочет самоутверждаться за счет любимого. Правда, в этом ее "И все же не думай, будто я не знаю, что мольбы могли бы возноситься ко мне..." чувствуется желание до некоторой степени компенсировать урон, который претерпевает ее самолюбие; но это естественно и человечно.

Как бы то ни было, в обоих случаях - чистейшая любовь. Но из этих ли моментов схожести можно выводить "заимствованность"? И француженки, и русские, и женщины всех иных народов - любили, порой признавались первые, мучительно переживали, что вынуждены сделать этот шаг, и тщились, идя на него, "оправдать" себя перед возлюбленным и перед собою...

И у Юлии, и у Татьяны звучит: признаваясь тебе в любви, я иду наперекор стыдливости и женской гордости, и все, на что я могу надеяться, - твоя честь, твоя порядочность, которая не позволит тебе использовать во зло мои чувства и выразившие их, прочитанные тобою, слова...

Но взгляды более пристально - и увидим, насколько отличаются между собой два этих письма.

Дам длинные, по необходимости, выдержки из текста Руссо.

"Я все более запутываюсь в сетях гнусного соблазителя, не могу остановиться и вижу, что стремлюсь в

ужасную бездну. Коварный! Моя любовь, а не твоя, придает тебе смелость! Ты видишь смятение моего сердца, ты, на мою погибель, берешь над ним верх; по твоей вине я достойна презрения, но наперекор себе вынуждена презирать тебя, и это самое тяжкое мое горе. Ах, злодей, я питала к тебе уважение, а ты навлекаешь на меня бесчестие!"

"Ты знаешь, — и это должно умножить укоры твоей совести, — что в моей душе не было порочных наклонностей".

"Однако ж, если ты не презреннейший из людей, если искра добродетели тлеет в твоей душе, если в ней еще сохранились благородные чувства, которых, мне казалось, ты был исполнен, — могу ли я думать, что ты человек низкий и употребишь во зло роковое признание, исторгнутое безумием из моей груди?"

"Я верю, я надеюсь, что сердце, заслуживающее, как мне кажется, безраздельной привязанности моего сердца, не обманет моих ожиданий и будет великодушно; и надеюсь, что, если б, напротив, оно оказалось способно, в низости своей, злоупотребить моим смятением и теми признаниями, которые вынудило у меня, тогда чувство презрения и негодования вернуло бы мне рассудок; я еще не так низко пала, чтобы для меня опасен был возлюбленный, за которого пришлось бы краснеть. Ты сохранишь добродетель или станешь достойным презрения..."

Здесь мы видим череду судящих, укоряющих выпадов: "гнусный соблазнитель", "коварный", "по твоей вине", "злодей", "навлекаешь (не "можешь навлечь", а именно "навлекаешь") на меня бесчестие", "это должно умножить укоры твоей совести", "если ты не презреннейший из людей", "ты сохранишь добродетель или станешь достойным презрения"... Конечно, все это риторика и сослагательное наклонение, на самом деле Сен-Пре для нее - любимый человек и "благородный друг". Но

теперь посмотрим, как же выражены те же самые опасения и чаяния у Татьяны:

"Но вы, к моей несчастной доле
хоть каплю жалости храня, -
вы не оставите меня..."

Татьяна не предполагает, что Онегин поступит с ней подло, она верит: он не предаст.

И еще:

"Кто ты, мой ангел ли хранитель
или коварный искушитель:
мои сомненья разреши..."

Да, есть тут сомнение, что к добру это ее чувство, но насколько же мягче, без осуждающе-агрессивного тона, говорится это, соглашаясь с высказанным ранее условным "полуупреком": "Зачем вы посетили нас?.." "Коварное искушение" - уже в том, что он предстал перед нею, здесь нет вины...

Татьяна даже в сослагательном наклонении не судит и не упрекает возлюбленного. Она вверяется ему в духе той самой жертвенной, не судящей самоотдачи, которая прослеживается в некоторых русских - именно русских, - женских образах начиная с глубин Средневековья.

Здесь глубоко свое, национальное начало. Здесь горит та самая свеча неподражаемой, удивительной женственности. От Ярославны в Путивле, через Софью и Анастасию в Московии, - к Маше Мироновой и Татьяне. К Татьяне, "русской душою", которая пишет возлюбленному по-французски - на языке, более удобном, быть может, ему, если не заморскому, то почти

инокультурному гостю в ее глуши. Инокультурному, но все же - заметившему ее поэтическое обаяние, ибо он говорит влюбленному в Ольгу Ленскому "... я выбрал бы другую, когда б я был, как ты, поэт..." Он увидел и заметил ее. Заметил - не только потом, встретив ее в сиянии и величии. Еще в усадьбе, в его очень порядочном и человеческом монологе, обращенном к ней, звучит, при всем поучающем тоне речей, некое преклонение...

И как знать, не сама ли Россия, в лице Татьяны, подарила ему, европейцу, цветок, выращенный ею и сбереженный в азиатской полутьме, в которой она так долго пребывала... В полутьме, которая, как дрожащей, но не гаснущей лучиной, озарялась библейскими заветами.

Каждая из великих культур дала миру свои сокровища. Этот цветок Вечной Женственности вырастила Россия.

Примечания

1. Перевод со старофранцузского - Б. Микушевича,
<http://www.lib.ru/INOOLD/DETRUA/ivane.txt>
2. См. на сайте "Куртуазная литература" (Англия, рыцарские романы),
<http://www.russianplanet.ru/filolog/kurtuaz/england/legendy/warwick.htm>
3. Ипатьевская летопись, под г. 6693 (1185). Публикации ИРЛИ РАН, "Библиотека литературы древней Руси", т. 4,
<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4940>
4. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей), Санкт-Петербург, в

- типографии Эдуарда Праца, 1846. Том 2, Ипатьевская летопись. Стр. 136
5. Библиотека русского фольклора, "Баллады", Москва, "Русская книга", 2001, № 142
 6. Там же, № 143
 7. "Добрыня Никитич и Алеша Попович". Изд-во "Наука". Москва, 1974. № 45-50, стр. 208-221
 8. Публикации ИРЛИ РАН, "Библиотека литературы древней Руси", т. 3, <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4893>
 9. "Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям 16-17 вв.". Изд-во "Наука", Ленинградское отделение. Ленинград, 1972
 10. "Беломорские былины, записанные А. Марковым", с предисловием проф. В. Ф. Миллера. Тов. Скоропечатни А. А. Левенсона, Москва 1901. № 85, стр. 457-458
 11. Н. М. Карамзин, "История государства Российского", тома 9-10. Москва, Юрайт 2017. Том 9, гл. 1, стр. 26

Об авторах

Эйган Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады "Голани" дошел до Бейрута. Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, книги. Призер Международного конкурса драматургии "Весь мир - театр. Новое слово для сцены" (2021), пьеса "Неброское наследство".

Анатолий Анимца. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен. Живет в Мариуполе.

Лидия Анимца. Училась в МИЭТе и ВЗПИ, инженер электронной техники. В прошлом - научный сотрудник НИИУВМ, г. Северодонецк. Художник-любитель.

Яков Басин. Историк, публицист. Автор одиннадцати книг, также двух монографий. Составитель и редактор 14-ти сборников научных работ по современной истории. Член Международной федерации журналистов. В Израиле с 2010

года. Живёт в Иерусалиме.

Диана Беребицкая. Родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт искусств, работала в Харьковском лицее искусств, а с 1992-го года в Израиле: пианисткой, педагогом, организатором и дирижёром оркестра, руководителем детской театральной студии. Стихосложением занимается всю жизнь. Печаталась и выступала в России, Украине, Германии, Чехии, Израиле.

Мария Войтикова. Родилась в г. Рославле Смоленской области. Окончила Смоленский государственный педагогический институт. С 2001 года живет в Израиле, в г. Ноф-а-Галиль. Работает учительницей русского языка, литературы и музыки. Автор пяти поэтических сборников. Член Союза писателей Израиля и Международного союза писателей Иерусалима, руководитель литературного объединения "Галилея", член редакционной коллегии журнала "Галилея", составитель и редактор альманаха "Под небом Галилеи". Призер и дипломант престижных израильских и международных конкурсов.

Георгий Гоциридзе. В Советском Союзе жил и работал дирижером симфонических и оперных оркестров в Москве, Тбилиси, Одессе. Окончил Московскую консерваторию и Аспирантуру в Венской музыкальной академии, там же, в Вене, проходил стажировку. Последние тридцать лет живет в Израиле, в пос. Баркан.

Ханох Дашевский. Поэт, переводчик, писатель и публицист. Член Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ), Международного Союза писателей Иерусалима, Международной Гильдии писателей (Германия),

Интернационального Союза писателей (Москва), Союза писателей XXI века (Москва), Литературного объединения "Столица" (Иерусалим). Родился в Риге. Учился в Латвийском университете. В 1971-87 г.г. участвовал в подпольном еврейском национальном движении. В течение 16-ти лет добивался разрешения на выезд в Израиль. Являлся одним из руководителей нелегального литературно-художественного семинара "Рижские чтения по иудаике". В Израиле с 1988 г. Автор шести книг поэтических переводов и романа "Дыхание жизни". Лауреат премии СРПИ им. Давида Самойлова.

Анна Захаровская-Цейтлин. Арт-терапевт и художник. Живет в Модиине, Израиль.

Феликс Куперман. Родился в г. Немирове, Украина. Окончил Хабаровский пединститут, кафедра литературы и истории. Работал учителем, журналистом, моряком. С 2001 года в Израиле. Ныне проживает в Кацрине на Голанах. Автор поэтических книг и журнальных публикаций. Лауреат международного конкурса "Золотое перо России".

Алекс Манфиш. Живет в Хайфе, приехал в Израиль из Ленинграда. По специальности - детский психолог, работает в городском отделе образования. Пишет стихи, прозу, эссе на культурологические и философские темы, исторические исследования. Переводит стихи с иврита и немножко с английского. Издал три книги стихов и поэм, роман-дилогию и две книжки для детей. Публикуется на портале "Заметки по еврейской истории" - в одноименном издании, а также в журналах "Семь искусств" и "Мастерская".

Игорь Муханов. Поэт, прозаик, собиратель волжского, бурятского и алтайского фольклора.

Окончил Самарский государственный университет по специальности “физика” и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького.

Член Союза писателей России, член правления Союза писателей Республики Алтай.

Автор 10 книг стихов и прозы. Лауреат национальной премии в области литературы, учреждённой Традиционной буддийской Сангхой России (2012), литературной премии имени Сергея Есенина “Русь моя” (2016), обладатель Гран-при Петровской Академии наук и искусства (2019).

Печатался в журналах: “Дружба народов”, “Нева”, “Урал”, “Сибирские огни”, “Дальний Восток” и ряде других. Живёт на Алтае.

Альберт Ноткин. Член Союза Архитекторов РФ, работал главным архитектором в проектных организациях. Руководитель общественного Экологического Научного Центра “Гамма”.

С 2015 года проживает в городе Акко, Израиль.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет - в Израиле, в Хайфе. В России успела поработать и инженером, и учителем математики в школе. Стихи пишет с детства. Прозу - последние годы. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Выпустила единственную собственную книгу стихов. И - в качестве редактора - несколько альманахов и книг друзей. Член Союза русскоязычных писателей Израиля, соруководитель хайфской литературной студии "Анахну" (в переводе с иврита - “Мы”).

Елена Шелкова. Родилась в Харькове. Бакалавр Иерусалимского университета по немецкой и русской

литературе, магистр Университета им. Бар-Илана по литературному переводу. Пишет стихи, живет в Хайфе.

Марк Шехтман. Родился в Таджикистане в 1948 году. Получил два образования: физико-математическое и филологическое. Кандидатская диссертация и научные интересы связаны с теорией мифа и научной фантастикой.

В 1990 году эмигрировал в Израиль. Ныне живёт в Иерусалиме, состоит в Союзе русскоязычных писателей Израиля.

Автор шести сборников стихов.

Публикации в журналах и коллективных сборниках России, Израиля и других стран.

Победитель 5-го Международного конкурса “ПТИЦА-2018” и 6-го Международного конкурса им. И. Царева “Пятая стихия - 2019”.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям.....	2
Эйтан Адам. И. К.	3
Игорь Муханов. Отцовский чемодан.....	44
Марина Симкина. Как снять воображаемую шляпу	51
Марина Симкина. Уже лучше	55
Марина Симкина. Питерские ангелы	57
Ханох Дашевский. Поэтические переводы	62
С иврита.....	62
Хаим Нахман Бялик (1873-1934).....	62
Яков Фихман (1881-1958).....	63
Шаул Черниховский (1875-1943)	63
Ури Цви Гринберг (1896-1981).....	66
С идиш	67
Перец Маркиш (1895-1952)	67
С испанского.....	69
Гарсиа Лорка (1899-1936).....	69
Феликс Куперман	74
Мария Войткова	79
В стиле хокку.....	86
Анатолий Анимица.....	86
Марина Симкина.....	86
Елена Шелкова.....	87

Альберт Ноткин	88
Диана Беребицкая. Театр	90
Георгий Гоциридзе	99
Яков Басин. Один день - и вся жизнь. Моноспектакль	111
Анатолий Анимица. Дерево гофер	146
Марк Шехтман. Стругацкие contra Ефремов.....	148
Алекс Манфиш. Русская культура и вечная женственность	159
Об авторах	186

Журнал LANGUE ROUGE. №1. Май 2001.
Изд. LANGUE ROUGE, Хайфа, rougelangue@gmail.com